

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 2 (12)

**Издаётся с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2013**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 2 (12)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2013**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Иванова Т.С.

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник народного образования
президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО
первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
заслуженный учитель РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В.

главный редактор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

Аликаев Р.С.

доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
(Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова)

Афанасьева О.В.

доктор филологических наук, профессор

Барышников Н.В.

доктор педагогических наук, профессор
(Пятигорский государственный лингвистический университет)
кандидат филологических наук, доцент

Вострикова О.В.

секретарь

Дубинин С.И.

доктор филологических наук, профессор
(Самарский государственный университет)

Киров Е.Ф.

доктор филологических наук, профессор

Костева В.М.

ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Курдюмов В.А.

доктор филологических наук, профессор

Радченко О.А.

доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный лингвистический университет)

Рыжова Л.П.

доктор филологических наук, доцент

Савицкий В.М.

доктор филологических наук, профессор
(Самарский государственный педагогический университет)

Собянина В.А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О.А.

доктор филологических наук, профессор

Тарева Е.Г.

доктор педагогических наук, профессор

Чупрына О.Г.

доктор филологических наук, профессор

Языкова Н.В.

доктор педагогических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Шишкова И.А.* Жанровое своеобразие «Романа лорда Байрона» Джона Краули..... 8
- Морженкова Н.В., Нерсесова Э.В.* Тема коллекционирования в повести Г. Джеймса «Адина» 15

Германская филология

- Топорова Т.В.* Опыт исследования динамических процессов в семантике на материале «Старшей» и «Младшей Эдды» 24

Романская филология

- Викулова Л.Г., Кулагина О.А.* Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь»)..... 33
- Сосунова Г.А.* Профессиональная таможенная лексика во французском языке в период наполеоновской континентальной блокады..... 43
- Ходькова А.П.* Современные тенденции употребления местоимений во французской литературе..... 51

Теория языка

- Сулейманова О.А.* Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra..... 60
- Амири Л.П.* Параграфемные средства игры как современные паралингвистические реалии в рекламной коммуникации 69
- Карданова-Бирюкова К.С.* Реализация принципа рекурсивности речевой деятельности в политическом дискурсе (на основе анализа стенограммы телепередачи «К барьеру!»)..... 77

Языковое образование. Межкультурная коммуникация

- Гаврилюк О.А.* Автономность в российском высшем образовании: теоретические аспекты проблемы в рамках иноязычной подготовки..... 87

<i>Петрова Е.Ю.</i> Использование подкастов в образовательном процессе.....	96
---	----

Трибуна молодых учёных

<i>Агаджанян Р.В.</i> Суггестивные стратегии англоязычного дидактического дискурса: опыт анализа	102
<i>Евтеева М.Ю.</i> Моделирование семантической структуры глагола широкой семантики <i>tachen</i> в немецком языке	109
<i>Клюева Е.В.</i> К вопросу о теории поля: функционально-семантическое поле дейксиса	114
<i>Рыбакова Е.А.</i> О некоторых приёмах создания игры слов на уровне морфологии (на материале языка современной немецкой молодёжи)	119

Наши зарубежные коллеги

<i>Романова Н.В.</i> Семантические процессы в древнегерманской эмотивной лексике (на примере песен о богах «Старшей Эдды»)	124
--	-----

Критика. Рецензии. Библиография

<i>Борисова Е.Г.</i> Рецензия на монографию Л.В. Уховой «Эффективность рекламного текста» (Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – 375 с.)	131
--	-----

Научная жизнь

<i>Фомина М.А.</i> Европейский конгресс «Европа: кризис и возрождение» (Фитцвилльям Колледж, Кембридж, Великобритания, 5–8 апреля 2013 г.)	135
--	-----

Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2013, № 2 (12).....

Требования к оформлению статей	143
---	------------

CONTENTS

Literary Studies

- Shishkova I.A.* Genre Peculiarity of «Lord Byron's Novel: The Evening Land» by John Crowley 8
- Morzhenkova N.V., Nersesova E.V.* The Theme of Collecting in the Novel «Adina» by H. James 15

Germanic Linguistics

- Toporova T.V.* Dynamic Semantic Processes in the «Elder» and «Younger Eddas» 24

Roman Linguistics

- Vikulova L.G., Kulagina O.A.* National Identity within the Context of Otherness: Linguistic Representation of the «Native» – «Foreign» Opposition in French Literature of the XXth Century (the Essay Volume «The Black Notebook» by F. Mauriac) 33
- Sosunova G.A.* Professional Customs Lexis in the French Language of the Napoleon's Continental Blockade Period..... 43
- Khod'kova A.P.* Modern Tendencies of Pronoun Usage in French Literature 51

Linguistics

- Sulejmanova O.A.* Testing Linguistic Hypotheses: Pro et Contra 60
- Amiri L.P.* Paragraphemic Devices within Language Play as Paralinguistic Realities in Advertising 69
- Kardanova-Biryukova K.S.* Recursive Framework of Interpersonal Communication in Political Discourse (the Analysis of the Verbatim Transcript of the Program «K Barieru!» («To the Barrier!»)) 77

Language Teaching Methodology. Cross-cultural Communication

- Gavrilyuk O.A.* Autonomy in Russian Higher Education: Theoretical Aspects of the Problem in the Foreign-Language Training..... 87

<i>Petrova E. Yu.</i> The Use of Podcasts in Educational Process	96
--	----

Young Scientists' Platform

<i>Agadjanyan R. V.</i> A Study in Suggestive Strategies of English Didactic Discourse.....	102
<i>Yevteeva M. Yu.</i> Modeling of the Semantic Structure of the Verb with Broad Semantics <i>Machen</i> in the German Language	109
<i>Klyueva E. V.</i> On the Issue of the Field-Theory: the Deictic Functional and Semantic Field	114
<i>Rybakova E. A.</i> Some Morphological Devices of Creating Word-Play (in the language of Modern German Youth).....	119

Our Colleagues from Abroad

<i>Romanova N. V.</i> Semantic Processes in Old Germanic Emotive Vocabulary (on the Example of Songs about the Gods in «Sæmundar Edda»)	124
---	-----

Critical Surveys. Reviews. Bibliography

<i>Borisova E. G.</i> Review of Monograph L. V. Ukhova «Effectiveness of the Advertising Text» (Yaroslavl: PH YaSPU, 2012. – 375 p.).....	131
---	-----

Scholarly Events

<i>Fomina M. A.</i> European Congress: «Europe: Crisis and Renewal» (Fitzwilliam College, University of Cambridge, Apr. 5–8, 2013).....	135
---	-----

«MCTTU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» / Authors, 2013, № 2 (12)	137
--	-----

Style Sheet	143
--------------------------	-----

И.А. Шишкова

Жанровое своеобразие «Романа лорда Байрона» Джона Краули

Статья посвящена знаменитому бестселлеру Джона Краули «Роман лорда Байрона». Рассматривается противоречивая история жизни поэта, запечатлённая в его романе, который, по замыслу Краули, был написан во время его добровольной, но вынужденной ссылки в 1816 году.

The article deals with John Crowley's famous bestseller «Lord Byron's Novel: The Evening Land». It explores the poet's contradictory life story depicted in his pseudo-novel he reputedly wrote in 1816 during his shotgun and voluntary exile.

Ключевые слова: бестселлер; роман; Байрон; история жизни; добровольная ссылка.

Keywords: bestseller; novel; Byron; life story; voluntary exile.

По убеждению многих отечественных и зарубежных исследователей [3, 7–9], Д.Г. Байрон (1788–1824) пережил второе рождение после смерти. До сих пор его частная жизнь вызывает неоднозначную реакцию как у поклонников его творчества, так и у оппонентов, что, не в последнюю очередь, обусловлено противоречивым образом поэта. Преждевременная смерть Байрона в мятежной Греции расставила свои акценты: в стране, освободительную борьбу которой он поддерживал, образ гениального творца и эгоистичного аристократа с сомнительной репутацией трансформировался в мифологическую фигуру национального героя, в то время как у себя на родине Байрон превратился в свобододолюбивого и опального поэта-страдальца.

Однако в начале XXI века интерес к его творчеству среди рядовых читателей в Англии и за рубежом пошел на убыль. Л. Миллер справедливо замечает, что, хотя Байрон «и его друзья поэты-романтики были рок-звездами своей эпохи, а образ Байрона слыл среди них особенно харизматичным, гибридом Мика Джаггера и Джима Моррисона, сегодня многие скорее с лёгкостью процитируют мнение его любовницы, леди Каролины Лэм, о том, что он “сумасшедший, порочный и опасный”, чем несколько строк из его произведений» [10] (перевод наш. — *И.Ш.*).

В увлекательной книге «Роман лорда Байрона» [1] известный американский писатель Джон Краули (р. 1942), автор интеллектуальных бестселлеров, вошедших в канон современной литературы США, вновь приглашает читателя обратиться к подлинным и вымышленным произведениям поэта, а также к дневниковым записям его самого, родственников, друзей и противников. Краули давно интересовала личность Байрона. В 1967 году он написал пьесу «Сувениры», посвящённую Шелли и Байрону, но не опубликовал её. В 1990 году вышел его рассказ «Миссолонги, 1824», а в 2002 году был заключён договор на книгу с издательством «Уильям Морроу» под названием «Люцифер: Неизвестный роман лорда Байрона». Он увидел свет как «Lord Byron's Novel: The Evening Land» («Роман лорда Байрона») в 2005 году [7: с. 535, 536]. В одном из интервью писатель замечает: «Мало кого из исторических персонажей я вижу столь целостно, и его внутренний мир знаком мне не хуже, чем души близких людей. <...> его позы и маски сразу же становились столь очевидными, и он охотно высмеивал их и себя самого <...>. Я привык считать его своим другом» [7: с. 535].

Содержание романа Краули основывается на известном факте: в 1816 году на вилле Диодати (Швейцария) Байрон, как и чета Шелли, начал писать роман, который впоследствии якобы оказался в руках его дочери, Ады Кинг Байрон (1815–1852). По версии Краули, рукопись случайно попала к Аде от итальянских карбонариев. Но по просьбе её матери, леди Байрон, была сожжена, однако перед тем, как сжечь произведение отца, Ада его закодировала.

Задумав написать роман о Байроне, Д. Краули был вынужден согласиться со своим литературным агентом в том, что многие подтексты, касающиеся биографии поэта, не будут понятны читателям, — до сих пор некоторые события из его творческой и частной жизни остаются загадкой [7: с. 536], что в немалой степени объясняется уничтожением дневников и писем поэта, так называемым «литературным преступлением», совершённым его женою, леди Байрон, издателем Дж. Мерреем и близкими друзьями в целях посмертного «сохранения репутации» поэта и сокрытия нелицеприятных сведений о самих себе.

Приняв доводы агента, Дж. Краули решил выстроить сюжет вокруг образа Ады Байрон, верно угадав, что именно её личность женщины-математика середины XIX века, наоборот, вызовет интерес у читательской аудитории. Как известно, в Музее Науки в Лондоне представлена реконструкция аналитической машины Ч. Бэббиджа, для которой Ада создала первую в истории компьютерную программу. К счастью для судьбы романа, рассказ об Аде как об учёном и дочери великого Байрона, никогда не встречавшейся с отцом после его отъезда из Англии в 1816 году, не оставил равнодушным издателя.

Необходимо было создать ещё один персонаж, объединивший сюжетные линии. Им, по замыслу Краули, стала Александра Новак, историк науки из XXI века, эксперт по работе с материалами для сайта «Сильные женщины», посвящённого научным открытиям, сделанным женщинами-учёными. Прикоснувшись к страницам неизвестной рукописи, Александра чувствует незри-

мую связь между собой и Адой: «<...> я сегодня взялась за изучение бумаг и даже притронулась к ним. Ощущение странное и щемящее. Запах бумаги и пыли — совершенно особый запах: печальный и сладкий одновременно, запах кладбища — притом, что кладбища запаха не имеют. Ничего нет — ни боли, ни жизни, ни надежды, и всё же что-то осталось» [4: с. 51].

В сюжетных перипетиях, задуманных Краули, главные герои, современные исследователи XXI века, пытаются расшифровать листы неизвестной рукописи, снабжённой единственной страницей, написанной рукой Байрона.

В своём необычном произведении, представляющем тройную структуру, состоящую из псевдоромана лорда Байрона, примечаний Ады к рукописи и переписки по электронной почте между двумя подругами и партнёрами, Александры Новак и Теи Spann, специалиста по компьютерным технологиям, Краули пытается дать ответы на следующие вопросы: 1) как бы изменилось восприятие личности поэта, если бы его роман увидел свет, и 2) каким образом судьба творческого человека в несколько модифицированном варианте повторилась почти через два столетия.

Как и Ада Байрон, Александра Новак, по прозвищу «Смит», к которому она привыкла, как к собственному имени, по воле матери с раннего детства не общалась со своим отцом. В романе проводятся аналогии между двумя женскими судьбами. Если Байрон после расставания с женой был вынужден покинуть Англию из-за открыто враждебного общественного мнения, то отец Александры — Ли Новак в конце XX века скрывался от правосудия после обвинения в растлении несовершеннолетней. Получив доступ к зашифрованным страницам романа Байрона, Александра, никогда не забывавшая своего отца и страдавшая от его отсутствия, была вынуждена обратиться к Новаку, известному байроноведа и кинорежиссеру. По её убеждению, именно Новак мог помочь ей не только определить подлинность рукописи, но и сохранить в тайне её проект.

Как отмечено в зарубежных источниках («Washington Post», «Vancouver Sun», «Publishers Weekly», «The Washington Post Book World»), Джон Краули создал приключенческий роман в форме многоуровневой биографической реконструкции, блестящую трагикомедию нравов на готический манер, в которой использованы письма главных персонажей, документы эпохи, подлинная переписка самого лорда Байрона, текстология, криптография и информатика.

Дж. Краули использует многослойную структуру текста для получения различных коммуникативно-экспрессивных эффектов [12: с. 1064]: фрагменты писем из электронной почты персонажей, отрывки из псевдоромана Байрона, а также сделанные Адой псевдопримечания к нему. Интересно, как при помощи современного языка электронной почты автор раскрывает черты характера своих героинь. Так, в письмах Теи полностью отсутствуют знаки препинания и прописные буквы, например: «спасибо за письмо ты даже не сообщила проданы ли вам эти бумаги и во сколько это обошлось <...> буду ждать новых вестей что бы там ни оказалось» [4: с. 49]. Что объясняется не только порывистым

характером героини, но и принятой ею, как и многими её коллегами и сверстниками, формой современного письма, позволяющей экономить время.

Не менее оригинально представлены в тексте и строки из зашифрованных отрывков псевдоромана Байрона:

«А ABCDEFGHIJKLMNOPQRSTUVWXYZ

В BCDEFGHIJKLMNOPQRSTUVWXYZA» [3: с. 231];

«6034059358*30572 <...>» [4: с. 313];

«ВСМОТ АУЮНО ЫМИКА НОШИП» [4: с. 315].

Вступая в тесный контакт с читателем и ведя с ним игру, постоянно стараясь обмануть ожидания последнего, что, по мнению М. Уиппл, не всегда получается [11], Краули привлекает внимание к проблеме, не потерявшей своей актуальности и в XXI веке. Несмотря на кажущуюся вседозволенность, общественное мнение, как и во втором десятилетии XIX века, выдвигает всё более жёсткие ограничения для традиционных моделей поведения отдельно взятого индивидуума, не прощая тому ошибок.

Автор реалистично описывает сложные отношения между родителями и детьми, а также те обстоятельства, в которых порой оказывается человек против своей воли: единожды оступившись, он рискует остаться один на один со своими мыслями, которые будут мучить его до конца жизни, и в глазах общества ему трудно будет найти поддержку и тем более оправдание. Как представляется, до сих пор нельзя с точностью утверждать, совершал ли Байрон все те преступления против общественной морали, в которых его обвиняют: «научные обоснования точек и тире не делаются враз» [4: с. 317]. Заметим, что мнение Дж. Краули совпадает с размышлениями байронистов по поводу пунктуации, когда тире в письме Хобхауза о взаимоотношениях Байрона с женой послужило основой для многочисленных дебатов [9: р. 268]. Дж. Краули не пытается обелить поэта, но и не ставит себе цель голословно его обвинять. Отец Александры, Ли Новак, также выступает в его защиту, указывая на то, что в самой поэзии Байрона отсутствует восторженное отношение к пороку, хотя байроновские герои часто совершают необдуманные поступки.

Резко выделяясь среди других персонажей, перед нами предстаёт праведно-зловещая фигура леди Байрон, посвятившей много времени после смерти мужа оправданиям своего проступка, совершённого против всемирной литературы. Известно, что леди Байрон навсегда лишила поэта возможности общаться с дочерью и пыталась перевоспитать в Аде те черты, которые та унаследовала от отца: стремление к творчеству и удивительную любознательность, проявившуюся в желании как можно больше постичь в области математики. Развивая в дочери способности к техническим дисциплинам и запрещая ей читать сказки и другие детские книги, леди Байрон не подозревала, что любовь к математике может стать столь же страстной, как и любовь к поэзии. По мнению Дж. Краули, ей не удалось искоренить любви дочери к отцу — поставленная матерью перед необходимостью уничтожить рукопись, та её за-

шифровывает и передаёт для переправки в Америку своему сыну, не пожелавшему быть аристократом.

На упреки тех критиков, которым не понравился выбранный им «байронический» стиль, писатель заметил, что черпал его из писем и произведений поэта, что не ускользает от читателя даже в переводе [1, 2, 7]. Готическая часть триптиха изобилует событиями из жизни как самого лорда Байрона, так и его персонажей («Дон Жуан», «Чайльд-Гарольд», «Манфред» и т. д.), и порой типичные для этого жанра составляющие (грозы, штормы, призраки, сцены насильственной смерти, зомби, покойник-отец в сатанинском обличье, раздвоение личности главного героя Али), на наш взгляд, несколько перегружают канву повествования и делают её избыточной, тогда как переписка Александры Новак с отцом подкупает искренностью звучания и сочувственным отношением к опальным знаменитостям. Однако нельзя не согласиться с М. Уиппл в том, что писатель, широко используя байронические темы: запрещённая любовь, предательство, ссылка, стремление к свободе, выживание вопреки всем невзгодам, — удачно заменяет байроновские тире на точки и запятые [11]. Несмотря на это, параллели между частными жизнями Байрона и Новака, их отношениями с дочерьми проведены осторожно и изящно, с большой любовью к творчеству Байрона и умением увидеть в его личности те черты, о которых он сам знал, но ничего не мог с ними поделать, объясняя своё аморальное поведение особыми свойствами мозга: «Сказано, будто у каждого свойства, отмеченного у меня на черепе, имеется противоположное, развитое в той же степени. <...> добро и зло будут вести во мне вечную борьбу» [4: с. 271]. Примечательно, что Байрону было свойственно забывать о содеянном, точно ужасные события происходили не с ним, а с кем-либо другим, и он так же, как и главный герой готической повести Али, может сказать, что ему «померещилось, будто он вновь сидит в смотровом кабинете немецкого доктора и трижды, будто Пётр, отрекается от того, что видел несуществующее и делал ему самому неизвестное» [4: с. 276].

Таким образом, можно предположить, что в книге «Роман лорда Байрона» Дж. Краули сделал еще одну попытку защитить творческую личность от нападков коварной молвы.

Библиографический список

Источники

1. Crowley J. Lord Byron's Novel: The Evening Land. – New York: William Morrow, 2005. – 465 p.
2. The Works of Lord Byron: Letters and Journals. Vol. 2 by Byron. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/9921> (Дата обращения: 16 сентября 2013 г.).
3. Байрон Дж.Г. На перепутьях бытия: Художественная публицистика / Дж.Г. Байрон; письма в пер. О. Кириченко, Ю. Палиевской, Ф. Урнова; воспоминания в пер. А. Бураковской, А. Зверева. – М.: Прогресс, 1989. – 432 с.

4. *Краули Дж.* Роман лорда Байрона / Дж. Краули; пер. с англ. С. Сухарева. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009. – 687 с.

Литература

5. *Байрон Дж.Г.* Сочинения: В 3-х тт. Библиотека великих писателей / Дж.Г. Байрон; под ред. С. Венгерова. – Т. 3: Примечания. – СПб.: Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1905. – С. I–LXVI.

6. *Дьяконова Н.Я.* Байрон в годы изгнания / Н.Я. Дьяконова. – Л.: Художественная литература, 1974. – 192 с.

7. *Назаренко М.* Примечания / М. Назаренко // Краули Дж. Роман лорда Байрона / Пер. с англ. С. Сухарева. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2009. – С. 535–684.

8. *Соловьёва Н.А.* Д.Г. Байрон / Н.А. Соловьёва // История зарубежной литературы XIX века. – М.: Высшая школа, 2012. – С. 70–114.

9. *MacCarthy F.* Byron. Life and Legend / F. MacCarthy. – London: Faber and Faber, 2003. – 674 p.

10. *Miller L.* Lord Byron's Novel by John Crowley. – URL: <http://www.scifidimensions.com/Aug05/lordbyronsnovel.htm>, свободный (Дата обращения: 20 августа 2012 г.).

11. *Whipple M.* Lord Byron's Novel: The Evening Land (Reviewed by DEC 1, 2005). – URL: <http://www.scifidimensions.com/Aug05/lordbyronsnovel.htm>, свободный (Дата обращения: 21 октября 2012 г.).

Справочные и информационные издания

12. *Гиндин С.И.* Текст / С.И. Гиндин // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НПК Интелвак, 2001. – С. 1063–1064.

References

Istochniki

1. *Crowley J.* Lord Byron's Novel: The Evening Land. – New York: William Morrow, 2005. – 465 p.

2. The Works of Lord Byron: Letters and Journals. Vol. 2 by Byron. – URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/9921> (Data obrashheniya: 16 sentyabrya 2013 g.).

3. *Bajron Dzh.G.* Na pereput'yax by'tiya: Xudozhestvennaya publicistika / Dzh.G. Bajron; pis'ma v per. O. Kirichenko, Yu. Palievskoj, F. Urnova; vospominaniya v per. A. Burakovskoj, A. Zvereva. – М.: Progress, 1989. – 432 s.

4. *Krauli Dzh.* Roman lorda Bajrona / Dzh. Krauli; per. s angl. S. Suxareva. – М.: E'ksmo; SPb.: Domino, 2009. – 687 s.

Literatura

5. *Bajron Dzh.G.* Sochineniya: V 3-x tt. Biblioteka velikix pisatelej / Dzh.G. Bajron; pod red. S. Vengerova. – Т. 3: Primechaniya. – SPb.: Izd-vo Brokgauz – Efron, 1905. – S. I–LXVI.

6. *D'yakonova N.Ya.* Bajron v gody' izgnaniya / N.Ya. D'yakonova. – L.: Xudozhestvennaya literatura, 1974. – 192 s.

7. *Nazarenko M.* Primechaniya / M. Nazarenko // Krauli Dzh. Roman lorda Bajrona / Per. s angl. S. Suxareva. – М.: E'ksmo; SPb.: Domino, 2009. – S. 535–684.

8. *Solov'yova N.A.* D.G. Bajron / N.A. Solov'yova // *Istoriya zarubezhnoj literatury* XIX veka. – M.: Vy'sshaya shkola, 2012. – S. 70–114.
9. *MacCarthy F.* Byron. Life and Legend / F. MacCarthy. – London: Faber and Faber, 2003. – 674 p.
10. *Miller L.* Lord Byron's Novel by John Crowley. – URL: <http://www.scifidimensions.com/Aug05/lordbyronsnovel.htm>, svobodny'j (Data obrashheniya: 20 avgusta 2012 g.).
11. *Whipple M.* Lord Byron's Novel: The Evening Land Reviewed by DEC 1, 2005). – URL: <http://www.scifidimensions.com/Aug05/lordbyronsnovel.htm>, svobodny'j (Data obrashheniya: 21 oktyabrya 2012 g.).

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

12. *Gindin S.I.* Tekst / S.I. Gindin // *Literaturnaya e'nciklopediya terminov i ponyatij*. – M: NPK Intelvak, 2001. – S. 1063–1064.

**Н.В. Морженкова,
Э.В. Нерсесова**

Тема коллекционирования в повести Г. Джеймса «Адина»

Статья посвящена исследованию сквозной для творчества Г. Джеймса темы коллекционирования, тесно связанной с его пониманием неразрывности этического и эстетического начал. Джеймсовская трактовка темы коллекционирования исследуется в свете широкой проблематики кросс-культурного диалога между европейским и американским культурным опытом.

The article examines the Jamesian response to the contemporary art collecting with the specific emphasis on its relationship to the writer's concept of the interconnectedness between ethics and aesthetics. The issue of collecting in H. James's works is explored in the wider context of Euro-American cultural relationship.

Ключевые слова: коллекционирование произведений искусства; образ коллекционера; природа эстетического восприятия.

Keywords: art collecting; image of the collector; the nature of the aesthetic experience.

К феномену коллекционирования Г. Джеймс обращается во многих своих произведениях. Эта тема занимает писателя на протяжении всего творчества, оказываясь ключевой для авторского осмысления современных механизмов эстетического восприятия. Уже в первом романе «Родерик Хадсон» (Roderick Hudson, 1875), в центре которого — сопоставление эстетических концепций знатока искусств и творческих переживаний художника, появляется образ Роланда Маллета (Rowland Mallet) — богатого бостонца, ценителя искусств, намеревающегося собрать коллекцию итальянского искусства и передать её американскому музею.

В романе присутствует значимый искусствоведческий пласт, связанный с процессом «приживания» идей эстетизма на почве американской культуры. Именно внутренние переживания и размышления Маллета во многом оказываются пространством этого кросс-культурного диалога. Так, по наблюдению Дж. Фридмана, эстетические положения в духе английского писателя и литературного критика Уолтера Патера служат для Маллета способом преодоления «американской» стороны его характера, основанной на строгой пуританской морали [8: р. 137]. Европейский эстетизм вступает в противоречие с пуританской этикой, что на уровне характера героя обуславливает его двойственную сущность: строгие моральные принципы сочетаются в нём с «неугомонным

эстетическим любопытством»: «He was an awkward mixture of strong moral impulse and restless aesthetic curiosity» [1: p. 176–177].

С одной стороны, он не может погрузиться в чистую созерцательность, с другой, — приобщиться к пуританской трудовой этике с её хватким практицизмом. Но именно в результате этой, на первый взгляд, болезненной двойственности возникает новый тип ценителя-коллекционера, совмещающего деловую рассудительность, направленную на приобретение арт-объектов, и эстетическую созерцательность.

Знаменательно, что тема трансформации реликвий искусства в вожделенный предмет обладания отчётливо звучит уже в ранних повестях Г. Джеймса «Адина» и «Последний из Валери». Однако прежде чем перейти к непосредственному анализу повести «Адина», рассмотрим явление собирательства предметов искусства в более широком культурном контексте, определившем взгляды Г. Джеймса на коллекционирование как современную форму эстетической деятельности, включающую в себя различные социокультурные аспекты.

Во второй половине XIX века, в связи с появлением нового класса зажиточных буржуа-джентльменов, коллекционирование становится весьма популярным увлечением и престижным капиталовложением, в значительной мере диктовавшим эстетические каноны художественных практик. Такие ключевые для становления творческой манеры Г. Джеймса литературные направления, как эстетизм и натурализм, во многом формировались именно под влиянием этой активизировавшейся тенденции к собирательству произведений искусств [6: p. 51]. По мнению С. Франческато, несмотря на очевидные различия в типах художественных интенций, реализуемых в рамках эстетизма и натурализма, оба этих художественных направления содействовали продвижению идеи коммерциализации произведений искусств посредством превращения их в рыночный товар. Таким образом, именно натурализм и эстетизм способствовали трансформации функций искусства и роли художника в социокультурном контексте последней трети XIX столетия, в результате которой на смену бескорыстному созерцанию эстетического объекта приходит материальное обладание.

Проблему индустрии искусства затрагивал видный английский теоретик эстетизма, критик, художник Дж. Рёскин, оказавший значительное влияние на развитие искусства и эстетики второй половины XIX – начала XX века. Как отмечает С. Франческато, в условиях возрастающего товарооборота и доступности арт-объектов Дж. Рёскин указывает на неизбежное стирание границ между произведениями искусства и обычными товарами, что приводит к изменению критериев эстетической оценки, приобретающей определённое экономическое измерение [6: p. 3]. Идеи Рёскина во многом повлияли на стремление Г. Джеймса разграничить в сфере рецепции искусства такие явления, как тонкое эстетическое понимание и потребление.

Очевидно, что в рамках европейской эстетической мысли актуализация вопроса о природе взаимосвязи материальных и духовных ценностей в структуре произведения искусства была отчасти обусловлена таким внеэстетическим фактором, как востребованность творений европейских художников на американском арт-рынке. Когда британский писатель, критик, публицист Г. Эктон посетил после Первой мировой войны Нью-Йорк, он отметил, что по причинам масштабного вывоза шедевров европейского искусства в Америку европейцам, изучающим своё национальное искусство, скоро придётся отправляться за океан [9: р. 28].

Очень важны для понимания джеймсовской трактовки феномена коллекционирования такие ранние произведения, как «Адина» и «Последний из Валери» [2–3]. В обоих случаях писатель отчётливо противопоставляет способность эстетического вчувствования в художественный объект патологической страсти к обладанию, которая «перекрывает» саму возможность эстетического переживания и бескорыстного наслаждения. Стремление к материальному обладанию художественными ценностями неизбежно связывается с неспособностью героя к выстраиванию человеческих отношений, а эстетическая проблематика разрастается до морально-этической. Здесь нельзя не заметить очевидной связи с ключевым тезисом Дж. Рёскина о корреляции эстетического и нравственного начала.

В повести «Адина» контраст между эстетической эмпатией и коллекционерской эгоцентричной страстью проявляется прежде всего на персонажном уровне. Образ рассказчика, вовлечённого в драматические события повести, во многом строится вокруг его способности наслаждаться разлитой в мире красотой. Руины, природные пейзажи, произведения искусства, люди, — всё видится его эстетически развитому глазу художественно приращённым. Рассказ о живописной Италии даётся именно через призму его мировидения. В его способности к целостному восприятию прекрасного проявляется рёскиновское широкое понимание истинной красоты как «разлитой» в бытии и проявляющейся не только в искусстве, но и в природе, морали, религии. Противоположным полюсом этого этико-эстетического контакта с миром выступает отчуждённость и самососредоточенность американского коллекционера Сэма Скруппа, вместе с которым рассказчик совершает поездку по Италии. В пору молодости, когда желчный и циничный Скрупп ещё был способен очаровываться «прекрасными вещами»: «the charm of fine things often took him by surprise» и порой, «вопреки себе» превращаться из педанта-исследователя в сопричастного «наблюдателя»: «he was an observer in spite of himself», он видится рассказчику нравственным человеком, который в глубине души тяготится своим тяжёлым характером [2: р. 904]. Именно эта вера в благородство Скруппа выступает основой дружбы молодых людей со столь различным душевным складом.

Во время путешествия все мысли и чувства рассказчика сосредоточены на сентиментально-восторженном поклонении ярким итальянским красотам:

его любительские путевые заметки пестрят экстатическими высказываниями, набросками, цитатами из Байрона, перемежающимися с учёными аллюзиями, навеянными беседами со Скрупом. Он с равным энтузиазмом бросается делать зарисовки местных крестьян, палаццо, пейзажей, нижних юбок, вывешенных на солнце. Этот эстетический восторг и бурное воодушевление постоянно наталкиваются на холодность и сарказм Скрупа, который, например, видит в итальянских типажах не образчики классической красоты, а проявление дурной склонности к лени, лжи, попрошайничеству. Оставаясь равнодушным к великолепным видам и окружающим его иноземным красотам, коллекционер испытывает глубокий интерес к антикварным вещам. В старинной гравюре, фарфоре он ценит не гармонию формы, в которой неожиданно проглядывают универсальные законы красоты или романтические ассоциации, а «виртуозную кропотливую технику» и «мастерство работы» с материалом: «*elaborate and patient workmanship, skilful method*» [2: р. 907]. Не случайно его привлекают прежде всего именно предметы прикладного искусства; он не восприимчив к идеальному невидимому аспекту творения и способен насладиться лишь его «технической», материальной стороной. Очевидно, что его эстетические пристрастия определяются именно потенциальной возможностью безграничного обладания предметом искусства. Лишь присвоив вещь, став её полновластным хозяином, Скруп может ощутить свою сопричастность красоте.

Вся живописная красота страны и богатство итальянского искусства редуцируется им до одной-единственной римской геммы, а желание завладеть античной реликвией приобретает характер патологической одержимости. В повести присутствует контекстуальная фонетико-семантическая параллель между объектом коллекционерского вожделения (*gemma*) и характеристикой внутреннего склада героя (*germs of the eccentricities*), проявившегося ещё в пору молодости в виде «зачатков эксцентричности». Между реликвией и коллекционером обнаруживается мистическая связь, имплицитно возникает мотив произведения искусства, несущего проклятие и обладающего скрытой мистической силой.

Скруп завладевает ценнейшей реликвией не совсем честным путём. Обманув нашедшего её итальянца, простака Анджело Беати, он вынуждает обладателя имени с сакральными коннотациями (*angelo* — *итал.* ангел; *beato* — *итал.* блаженный, благословенный) продать сокровище за бесценок. Ономастические аллюзии вводят мотив нарушения заповеданных Богом законов, а в образе древнеримской геммы наличествует мотив божественного возмездия. Простофиля Анджело «преображается» через осознание себя жертвой обмана. Пассивность и инфантилизм Анджело сменяются неожиданно проявившейся решительностью и стремлением к мужской самореализации. Он осуществляет хитроумный план мести: у обманувшего его Сэма Скрупа он отнимает самое дорогое — его невесту Адину.

Показательно, что душевные переживания героя во многом передаются в повести через его пластический облик, а сама статуарность поз отсылает

ко взятым из живописи художественным образам. Во многом рассказчик взирает на Анджело глазами любителя живописи. Однако, рассматривая его с художественной точки зрения, он не утрачивает способности к сопереживанию, чутко улавливая происшедшие перемены. Эстетический взгляд не только не перекрывает в данном случае эмпатического контакта, но и способствует ему. В момент первой встречи путешественники случайно натываются на безмятежно спящего Анджело, распластавшегося в живописной позе под деревом. Во второй раз рассказчик встречает его у подножия креста. Согбенный и погруженный в раздумья итальянец представляется ему пластичным символом юношеского раскаяния. И в том и в другом случае Анджело дан в неподвижной позе. При этом сходство лишь усиливает контраст, подчёркивает напряжённые душевные изменения. Бездвижность безмятежного полуденного сна на лоне природы противопоставлена глубокому оцепенению впавшего в раздумья у подножия креста человека.

В отличие от рассказчика, который признаёт притязания итальянца на гемму, коллекционер отказывается видеть какие-либо ассоциации между реликвией и связанными с ней контекстами. Прекрасный ювелирный камень и красивый итальянец, нашедший гемму в родной земле, на которой он так безмятежно спит, не воспринимаются Скрупом как принадлежащие единому миру итальянской культуры. Он скептически относится к предчувствию Адины, полагающей, что камень хранит недобрую ауру прежнего владельца, которым был император Тиберий. Завладев геммой, Скроуп намеревается скрыть её от посторонних глаз, став полновластным её обладателем.

Образ Сэма Скрупа представлен в повести через восприятие рассказчика, вспоминающего спустя много лет об их совместном путешествии. Эта временная дистанция, отделяющая события от самого момента рассказывания, позволяет увидеть их в контексте всей жизни героя, уловить их роковой смысл для его судьбы. Примечательно, что в обуславливающем возможность двойного прочтения переплетении психологических и мистических мотивировок событий и поступков героев явно просматриваются аналогии со знаменитой повестью Г. Джеймса «Поворот винта». Из рассказа посредника-повествователя читатель так и не узнаёт достоверно, является ли случившееся с героем результатом патологических черт его характера или последствием мистического вмешательства в судьбу человека каких-то сверхъестественных сил (Божья кара; заступничество святого Анджело; вредоносная сила императора Тиберия, которому, вероятно, принадлежала гемма).

Ощущение некоторой внутренней необъяснимой связи устанавливается между ювелирным камнем и Адиной. Ещё до встречи с невестой коллекционер решает, что покажет своё сокровище лишь одному человеку на свете — будущей возлюбленной. Таким образом, Скроуп как бы связывает свою потенциальную любовь с геммой, задаёт определённую «эквивалентность» между возлюбленной и реликвией. Не случайно Адина с её внешней неподвиж-

ностью, хрупкостью, изяществом в описании рассказчика впервые предстаёт перед читателем скорее как произведение искусства, чем как живой человек. Её золотистые волосы заплетены в тысячи причудливых кос, напоминающих женскую причёску с рисунков эпохи Возрождения. Чёрный цвет платья девушки придаёт её белизне какое-то особое свечение. Во всём облике Адины есть нечто непонятное и загадочное. Даже через цветовую «палитру» и способ описания образ златоволосой девушки с вычурной причёской смыкается с образом покрытого тонкой резьбой золотого топаза, сверкающего на подушечке из белого бархата.

Она предстаёт не столько потенциальной претенденткой на право носить редкое украшение, сколько своеобразной «соперницей» геммы. Так, на реплику рассказчика, что хрупкая красота девушки несовместима с имперским величием камня, Скруп замечает, что она «лучше, чем топаз»: «She's better than the topaz» [2: p. 918].

Показательно, что коллекционер характеризует свою невесту через слово «вещь»: «Oh yes; she's the right thing», которым он в этом же абзаце называет камень: «That would be a pretty thing to offer one's fiancée» [2: p. 919].

Это метонимическое отождествление невесты с предназначенным для неё топазом усиливает вышеобозначенную связь образов девушки и камня. Любопытно в этом контексте наблюдения Ж. Бодрийера над практикой поименования объектов коллекционирования. Он отмечает, что коллекционер никогда не скажет «прекрасная статуэтка», предпочтя сочетание «прекрасная вещь», так как, становясь предметом коллекции, предмет абстрагируется от своих функций во внешнем мире, превращается в просто «вещь» [5: с. 96]. Значимо, что о жизни Адины вне её «функции» невесты коллекционера в повести нет никаких сведений; она (как и гемма) изымается из внешних контекстов, превращаясь в «the right thing» из коллекции Скроупа. Не случайно, потеряв невесту, коллекционер избавляется и от камня, бросив его в воды Тибра; тем самым он как бы подчёркивает их равноценность.

Сюжетные линии, связанные с фигурой Адины и образом камня, развиваются по одинаковому сценарию. Адину и ювелирный камень Скруп неожиданно образом обретает и утрачивает в Италии. И гемма, и девушка по очереди становятся объектами хитроумного обмана. О дальнейшей судьбе Адины известно так же мало, как и о судьбе геммы, поглощённой водами реки. Завладев камнем, Скруп пытается «очистить» его от всех напластований в прямом (при помощи кислот и полировки) и переносном смысле. Он стремится добраться до первоизданности реликвии. По мысли С. Франческато, для Скроупа ювелирный камень превращается в материальную проекцию его собственной воображаемой идентичности [6: p. 47]. Однако изъятое из жизни произведение искусства словно начинает вбирать в себя жизнь Скроупа, определяя трагизм его судьбы.

Ретроспективная точка зрения, с которой ведётся повествование, не только вписывает цепочку событий в единый жизненный круг, но и даёт возможность через речевую манеру рассказчика показать отрефлексированность его

собственного эстетического опыта. Язык рассказчика — это взвешенный язык умудрённого жизненным опытом, эстетически чуткого человека: в нём нет ничего от той избыточности, подражательности, сумбурной эклектичности и чрезмерной экспрессивности, которые отличали его речевую манеру в пору юности. Обратим внимание на то, что многочисленные экфрастические описания, детерминированные самим содержанием повести о глубинной природе эстетического опыта, не только акцентируют художественно-наглядное измерение текста, но и задают особый образ рассказчика как искущённого человека, способного улавливать тонкие взаимосвязи между эстетическим и этическим измерениями. Перед нами разворачивается ряд описаний, строящихся на основе впечатлений молодого человека, реализованных через субъективный кругозор «повзрослевшего» рассказчика, дистанцирующегося как от своей прежней юношеской дилетантской пылкости, так и от коллекционерской самососредоточенности Сэма Скроупа.

Он предлагает своё объяснение нечувствительности коллекционера к великолепию Италии, которое, по его мнению, вгоняла некрасивого Скроупа в депрессию, заставляя ощутить себя «неблагозвучной нотой посреди сладких гармоний»: «a harsh note in the midst of so many mellow harmonies» [2: p. 905]. Неприглядная внешность коллекционера порождала в нём чувство самоотчуждения, которое мешало бескорыстному эмпатийному приятию внешнего мира. В этом смысле Джеймсовский герой многое позаимствовал у коллекционера из романа Бальзака «Кузен Понс», с которым его роднит некрасивая наружность, эксцентрический характер, отчуждённость от внешнего мира, страсть к коллекционированию как способу компенсировать болезненность своей изолированной позиции¹.

Как замечает рассказчик, в пору их молодости, когда новая эстетика, признающая особого рода красоту диссонансов и дисгармоний, ещё находилась в зачаточном состоянии, бедняга Скроуп не мог соотнести свои неправильные черты с замысловатыми линиями «экстравагантных орнаментов», вошедшими в моду несколько позже: «he could not have passed for even a bizarre form of ornament» [2: p. 905]. Отметим очевидную эстетизацию внешнего облика персонажей, которые в повествовании рассказчика приобретают экфрастические элементы и выстраиваются в ряд пластических образов: изящная Адина, напоминающая девушку со старинного рисунка; некрасивый Скроуп, похожий на своеобразный орнамент; живописно распластавшийся на земле спящий средиземноморский красавец Анджело (не случайно миссис Ваддингтон, увидев его впервые, характеризует юношу как прекрасную модель для эскиза). Различие этических позиций героев усиливается этой принадлежностью образов к разным эстетическим парадигмам.

Обратим внимание на то, что в описаниях, строящихся от лица рассказчика, внешность героев даётся, по-бахтински говоря, как «пластически-живопис-

¹ Детальный сопоставительный анализ образов — Скроупа из повести Джеймса «Адина» и героя романа Бальзака «Кузен Понс» даётся в статье С. Франческато [7].

ная ценность», соотнесённая с эстетически сочетаемым с ней миром [4: с. 95]. Именно рассказчик выступает по отношению к героям автором-созерцателем, эстетически осмысляющим их внешность и проявляющим к ним творческое отношение «другого». Он раскрывает взаимозависимость между душевным складом героев, их внешностью и окружающим миром, показывает, как эстетическое перерастает в этическое и наоборот. Этого умения соотносить видимое с иными контекстами, сопрягать явления в единую ткань бытия и лишён коллекционер Скроуп, образ которого тесно связан с мотивом утраты способности к установлению взаимоотношений с миром.

В контексте творчества писателя Скроуп является предшественником Кристофера Ньюмана (роман «Американец», 1877) и Адама Вервера (роман «Золотая чаша», 1904). Таким образом, очевидно, что уже в ранней повести «Адина» он обращается к ключевой для многих его последующих произведений оппозиции «коллекционирование» vs «эстетическое вчувствование», которую он рассматривает на фоне сопоставления американской и европейской культуры.

Библиографический список

Источники

1. *James H. Roderick Hudson. Novels 1871–1880* / H. James. – New York: Library of America, 1983. – P. 130–356.
2. *James H. Adina* / H. James // H. James. *Complete Stories. Vol. 1, 1864–1874.* – New York: Library of America, 1999. – P. 904–938.
3. *James H. The Last of the Valerii* / H. James // H. James. *Complete Stories. Vol. 1, 1864–1874.* – New York: Library of America, 1999. – P. 798–827.

Литература

4. *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества* / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
5. *Бодрийяр Ж. Система вещей* / Ж. Бодрийяр. – М.: Рудомино, 1999. – 218 с.
6. *Francescato S. Collecting and Appreciating. Henry James and the Transformation of Aesthetics in the Age of Consumption* / S. Francescato. – New York: Peter Lang, 2010. – 209 p.
7. *Francescato S. A Discordance between the Self and the World: The Characterization of the Collector in Honoré de Balzac's Cousin Pons and Henry James's Adina* / S. Francescato // *Henry James's Europe Heritage and Transfer* / Ed. D. Tredy, A. Duperray, A. Harding. – Cambridge: Open Books Publisher, 2011. – P. 137–145.
8. *Freedman J. Professions of Taste: Henry James, British Aestheticism, and Commodity Culture* / J. Freedman. – Stanford: Stanford University Press, 1993. – 305 p.
9. *Macadam A. Americans in Florence: A Complete Guide to the City and the Places Associated with Americans Past and Present* / A. Macadam. – Florence: Giunti, 2003. – 189 p.

References***Istochniki***

1. *James H. Roderick Hudson. Novels 1871–1880 / H. James.* – New York: Library of America, 1983. – P. 130–356.
2. *James H. Adina / H. James // H. James. Complete Stories. Vol. 1, 1864-1874.* – New York: Library of America, 1999. – P. 904–938.
3. *James H. The Last of the Valerii / H. James // H. James. Complete Stories. Vol. 1, 1864-1874.* – New York: Library of America, 1999. – P. 798–827.

Literatura

4. *Baxtin M.M. E'estetika slovesnogo tvorchestva / M.M. Baxtin.* – M.: Iskusstvo, 1986. – 445 s.
5. *Bodriyyar Zh. Sistema veshhej / Zh. Bodriyyar.* – M.: Rudomino, 1999. – 218 c.
6. *Francescato S. Collecting and Appreciating. Henry James and the Transformation of Aesthetics in the Age of Consumption / S. Francescato.* – New York: Peter Lang, 2010. – 209 p.
7. *Francescato S. A Discordance between the Self and the World: The Characterization of the Collector in Honoré de Balzac's Cousin Pons and Henry James's Adina / S. Francescato // Henry James's Europe Heritage and Transfer. Ed. D. Tredy, A. Duperray, A. Harding.* – Cambridge: Open Books Publisher, 2011. – P. 137–145.
8. *Freedman J. Professions of Taste: Henry James, British Aestheticism, and Commodity Culture / J. Freedman.* – Stanford: Stanford University Press, 1993. – 305 p.
9. *Macadam A. Americans in Florence: A Complete Guide to the City and the Places Associated with Americans Past and Present / A. Macadam.* – Florence: Giunti, 2003. – 189 p.

Т.В. Топорова

Опыт исследования динамических процессов в семантике на материале «Старшей» и «Младшей Эдды»¹

Задача автора — показать признаки динамики в контексте эддического слова, а также в схеме его описания; интерпретировать направления развития одних и тех же лексем в «Старшей» и «Младшей Эддах»; продемонстрировать индоевропейскую перспективу, привлекая материал русских былин; обсудить ключевой для эпоса вопрос семантического варьирования; реализовать междисциплинарный подход («движение насквозь»), дополнив языковые данные трактовкой денотата в мифе и ритуале; расширить лингвистический анализ экстралингвистическими фактами — «миром вещей» (движение за пределы текста к реальности).

The present article attempts to describe the attributes of dynamics in the Eddic word and its description scheme; to interpret the development of the identical lexemes in the «Elder» and «Younger Eddas»; to reveal the Indo-European perspective referring to the material of Russian epic tales; to discuss the key question of semantic variation in epic poems; to implement a multidisciplinary approach («through-movement») by supplementing linguistic data with a study of the denotatum in myth and ritual; and to expand the linguistic analysis with extra-linguistic facts or the «world of things» (movement beyond the boundaries of the text to reality).

Ключевые слова: эпическое слово; контекст; грамматика текста; синтаксическая функция; мифопоэтическая модель мира.

Keywords: the epic word; context; textual grammar; syntactic function; mythopoeic model of the universe.

Если понимать динамику как процесс, движение, становление, то хотелось бы применительно к эпосу — в данном случае древнеисландскому поэтическому памятнику «Старшей Эдде» [2–3], сохранившемуся до наших дней в составе рукописей конца XIII – начала

¹ Статья представляет собой доклад, сделанный на Четвёртых лингвистических чтениях памяти В.Н. Ярцевой в Ияз. РАН.

XIV века и содержащему песни мифологического и героического содержания, в течение длительного периода функционирующие в устной традиции, — изучить различные аспекты этой проблемы, а именно:

- интерпретировать эддический *контекст* не только как явление, фиксирующее определённое состояние, т. е. имеющее непосредственное отношение к понятию *статики*, но и потенциально включающее признаки *динамики*;
- выделить в схеме описания слова в «Старшей Эдде» элементы *динамики*;
- предложить схему описания слова в «Младшей Эдде» [1; 4], обосновав её целесообразность и необходимость сопоставления идентичных лексем в обеих «Эддах» — поэтической и прозаической, чтобы расширить круг исследования и создать предпосылки для обнаружения ряда закономерностей (*направлений развития*) в функционировании изучаемых лексем и интерпретации соответствующих денотатов в рамках древнеисландской архаичной мифопоэтической традиции;
- благодаря привлечению эпического материала другого индоевропейского ареала, а именно русских былин, продемонстрировать индоевропейскую *перспективу* исследования;
- обсудить ключевой для эпоса вопрос семантического *варьирования* и понять принципы дистрибуции обозначений одного и того же денотата;
- реализовать *интердисциплинарный* подход, подразумевающий преодоление границ между сферами исследования, пересечение границ («*движение насквозь*») при обработке эддического материала и предполагающий дополнение лингвистического анализа наименований того или иного денотата его трактовкой в германском мифе и ритуале;
- интерпретировать языковые данные не изолированно, а в их соотношении с экстралингвистическими фактами — с «миром вещей» (движение за пределы текста (языка) к реальности).

1. Главная цель, которую мы преследуем, заключается в том, чтобы разработать лингвистическую методику изучения семантики эпического слова, которая оказалась бы достаточно объективной и адекватной материалу. Исследование базируется на текстоцентричности, ориентации на конкретные факты, зафиксированные в «Старшей Эдде»: слово изучается в непосредственной среде своего существования — конкретном произведении, причём объектом анализа становилась семантика отдельного словоупотребления, устанавливаемая на основании контекста, понимаемого весьма широко как «все категории художественного текста, которые влияют на *формирование* (курсив наш. — *T.T.*) и актуализацию лексико-семантических тождеств и различий в нём» [5: с. 29]. Таким образом, контекст выступает не как статическая данность, нечто застывшее, но скорее как особый механизм, порождающий новые смыслы и, следовательно, стимулирующий процесс конституирования значения слова.

2. Комплексный, многоаспектный анализ эддических лексем осуществляется по специально разработанной схеме, учитывающей принципы те-

заурусного описания фольклорного слова [6], однако значительные модификации в силу объективных причин (меньший по объёму материал по сравнению с русскими духовными стихами и причитаниями) требуют более дифференцированного подхода. Для рассматриваемого нами эпического памятника типично противопоставление мифологических и героических песен, соответственно отражающих два типа мировоззрения, хотя и взаимопроницаемых, что создаёт поэтический характер памятника.

Далее обратимся непосредственно к структуре словарной статьи², которая, на наш взгляд, позволяет с максимальной полнотой учесть различную информацию об интересующем нас слове.

Приведём схему описания эпического слова на примере др.-исл. *berg* «гора».

- 1) заголовочное слово;
- 2) фонетические/морфологические варианты;
- 3) контексты: а) в мифологических песнях; б) в героических песнях;
- 4) количество словоупотреблений: а) в мифологических песнях; б) в героических песнях;
- 5) толкование;
- 6) денотат;
- 7) грамматическая информация: тип основы; род; число; падеж (+ модель управления);
- 8) этимология;
- 9) словообразование;
- 10) словосложение в мифологических песнях: а) в качестве первого элемента композита; б) в качестве второго элемента композита;
- 11) количество словоупотреблений в мифологических песнях: а) в качестве первого элемента композита; б) в качестве второго элемента композита;
- 12) словосложение в героических песнях: а) в качестве первого элемента композита; б) в качестве второго элемента композита;
- 13) количество словоупотреблений в героических песнях: а) в качестве первого элемента композита; б) в качестве второго элемента композита;
- 14) грамматика сложных слов с *berg* в качестве второго компонента: а) в мифологических песнях; б) в героических песнях;
- 15) морфологические модели композитов с *berg*: а) в мифологических песнях; б) в героических песнях;
- 16) семантика композитов: а) в мифологических песнях; б) в героических песнях;
- 17) синонимы;
- 18) антонимы;
- 19) гиперонимы;
- 20) гипонимы;
- 21) ассоциативный комплекс: а) с существительными; б) с глаголами;

² Цит. по [9: с. 9–11] на примере обозначений горы.

- 22) гора — субъект (что? — подлежащее);
- 23) гора — объект (что? — дополнение);
- 24) посессоры горы (чья гора? — субъекты горы);
- 25) гора — локус (где? — на горе);
- 26) гора — направление, цель (куда? — на гору);
- 27) гора — инструмент (чем? — горой);
- 28) атрибуты горы;
- 29) предикаты горы: предикаты горы как субъекта; предикаты горы как объекта; предикаты посессоры горы; предикаты горы как локуса; предикаты горы как направления, цели; предикаты горы как инструмента;
- 30) сравнение, параллелизм;
- 31) звуковая игра: звуковые повторы; аллитерация.

Приведённая выше схема состоит из нескольких блоков: фонетического или фonomорфологического (1–2), текстового (3–5), экстралингвистического (6), грамматического (7), этимологического (8), деривационного (9–16), — внутри которого выделяются параграфы, посвященные комплексному изучению композитов (10–16), семантического (17–21), синтаксического (22–29), поэтического (30–31). Включение рубрики *толкование* в текстовый, а не семантический блок продиктовано тем обстоятельством, что значение слова трактуется как совокупность его дистрибуций, т. е. всецело определяется контекстом; следует отметить, что в этой рубрике выделению общей части дифференциальных признаков, своеобразной семантической доминанты предшествует интерпретация данного слова в наиболее авторитетных словарях, описывающих как язык интересующего нас памятника — «Старшей Эдды», так и в целом древнеисландский язык. Особого внимания заслуживает введение параметра *денотат*, вполне логично замыкающего толкование слова на основании репрезентированных контекстов, позволяющее установить связь между «миром идей» и «миром вещей», перейти к экстралингвистической сфере, реконструировать материальные объекты на основании лингвистических данных.

Выделим в этой схеме элементы *динамики*:

а) в словарную статью включены *этимологические* данные, и это, как нам кажется, вполне оправдано, так как в рамках мифопоэтической модели мира слово обладает прозрачной внутренней формой, хорошо доступной восприятию и постоянно актуализирующейся; этимология, как известно, отражает сравнительно-историческую перспективу слова, путь развития, его потенции;

б) ещё одно отступление от схемы тезаурусного описания фольклорного слова С.Е. Никитиной заключается в большем удельном весе словосложения; оно диктуется самим эддическим материалом; таким образом, особое внимание уделяется процессу образования композитов, достаточно продуктивных в «Старшей Эдде».

3. Предпримем попытку выявить «общий знаменатель» «Старшей» и «Младшей Эдды», дойти до истоков *формирования* значения (совершить

движение вспять) и сосредоточимся на разработке комплексного анализа, который мог бы быть успешно применён в обоих случаях. При такой постановке задачи возникают вполне ожидаемые возражения: речь идёт о разных типах авторства (коллективном и индивидуальном), о поэтическом и прозаическом памятниках письменности, к тому же разного объёма. Эти доводы, однако, не кажутся нам непреодолимым препятствием на пути достижения нашей цели, если тщательно изучить все обстоятельства.

Во-первых, не подлежит сомнению принадлежность текстов мифопоэтической модели мира, в которой доминирующее положение занимает языческое мировоззрение. Во-вторых, Снорри Стурлусон не мог не ориентироваться на «Старшую Эдду», следовательно, она служила для него точкой отсчёта при построении собственных концепций того или иного эпизода. В-третьих, черты поэтической организации текста обнаруживаются в «Младшей Эдде» в релевантных в содержательном плане контекстах и служат дополнительными маркерами их значимости.

Следовательно, потребность в создании единого стандарта описания лексем не кажется утопической, и исследователям остаётся лишь приступить к реализации этого намерения. На основании эмпирического метода можно предложить следующую схему описания обозначений *воды* в «Младшей Эдде»:

- 1) словарное слово;
- 2) контексты;
- 3) грамматическая информация (число, падеж);
- 4) словоизменение, словосложение;
- 5) синонимы;
- 6) антонимы;
- 7) ассоциации;
- 8) гипонимы, гиперонимы;
- 9) посессоры;
- 10) атрибуты;
- 11) предикаты;
- 12) сравнение, метафора;
- 13) поэтические приёмы.

Естественно, эта схема редуцирована по сравнению с её аналогом, актуальным для «Старшей Эдды». Такое упрощение вызвано целым рядом причин.

Во-первых, для исследования семантики эпического слова материал «Младшей Эдды» является факультативным, он служит фоном для изучения языковых фактов, засвидетельствованных в «Старшей Эдде». Во-вторых, указание на количественные параметры, столь существенное для «Старшей Эдды», здесь излишне, так как анализу подвергаются далеко не все контексты, а лишь наиболее показательные, т. е. метод сплошной выборки избыточен, хотя на повестке дня и остаётся требование представлять примеры в правильных пропорциях. В-третьих, устранена чрезмерная детализация в описании материала, в частности, это касается композитов; кроме того, оказывается

ненужным разделением мифологических и героических песен, поскольку такая структура текста типична исключительно для «Старшей Эдды».

4. Для иллюстрации тезиса о необходимости придания исследованию индоевропейской перспективы и о важности сравнительно-исторического анализа обозначений одного и того же денотата в рамках одного жанра — в данном случае эпоса — достаточно привести на редкость показательный пример. В «Старшей Эдде» *земля* изображается **статически**, а в русских былинах — **динамически**: в них наиболее распространённая функция объекта реализуется при помощи глаголов движения, более типичных для функции направления, цели. Следовательно, идея *движения* доминирует и оказывается кросс-функциональной; иными словами, релевантность приобретает оппозиция **динамика** (объект; направление, цель) — **статика** (субъект, локус, инструмент). *Типологическое* сравнение, базирующееся на наличии семантических универсалий в эпосах, относящихся к различным ареалам, несомненно придаёт исследованию бóльшую глубину и убедительность. Как было установлено, «некоторые из выявляемых при этом сходств могут объясняться в конечном счёте общим происхождением <...>, другие же объясняются сходными *путями развития* (курсив наш. — Т.Т.), дающими параллельные результаты» [8: с. 413].

5. Одна из наиболее важных проблем эпоса — объяснить функционирование различных обозначений одного и того же денотата. Чтобы приблизиться к объяснению сложностей семантического варьирования, обратимся к сравнительному анализу эпических синонимов. Для того чтобы результаты были более наглядными и информативными, следует составить список миниконтекстов каждой лексемы и интерпретировать их с точки зрения носителя мифопоэтической традиции, выбрав надёжно верифицируемые критерии их оценки.

Концепт получает **отрицательную** оценку в рамках эддической модели мира в следующих ситуациях: при изображении небытия (хаоса); при описании эсхатологической катастрофы («гибели богов»); когда сопровождается эксплицитно выраженными негативными коннотациями.

Положительная оценка в эддической мифопоэтической традиции может быть зафиксирована в следующих случаях: концепт является теонимом; когда упоминается в космогоническом мифе — в демиургическом акте; когда он засвидетельствован в контексте обновления Вселенной после эсхатологического кризиса, которое воспроизводит прецедент первотворения; когда ему сопутствуют положительные коннотации.

Подведём итоги на примере обозначений *земли* и *неба*³. «Судя по эддическим данным, предпочтение того или иного обозначения *земли* или *неба* не носит стихийный характер, и при детальном комплексном исследовании оказывается возможным заметить действие системы, проявляющейся в виде

³ Далее цит. по [10: с. 246–248].

определённых закономерностей. Как нам представляется, отбор той или иной лексемы диктуется двумя факторами, вступающими в тесное взаимодействие, — коммуникативными намерениями и аллитерацией, поддерживающей нужный звук. Исходя из этих тезисов, можно установить, что своим появлением др.-исл. **bjóð** «земля» обязано необходимости упоминания сыновей Бора «рождённого», родоначальника первых живых существ, т. е. нужно было найти лексему с аллитерацией на **b**, как и начальный звук его имени: *Áðr **B**urs synir **bj**óðom um yrþo, // þeir er miðgarð, tæran, scópo* (Пока сыны Бора **тверди** не подняли, // Мидгард создавшие знаменитый) (Vsp. 4). *Narax legomenon **bj**óð*, следовательно, реализовал нарративную интенцию введения персонажа с именем с инициальным **b**, и в этом смысле его нельзя считать абсолютным окказионализмом (хотя бы с точки зрения звуковой организации). Функционирование в той же строфе др.-исл. **miðgarð** вызвано потребностью прославления *земли* как *известного* (*знаменитого, славного*) др.-исл. *tæran*, концентрирующего максимальную степень положительной оценки в эддической модели мира (иными словами, намерение указать на значимость денотата предопределяет его выбор: *tæran* предполагает только наличие обозначения *земли*, начинающегося непременно на **m**).

Воздействие коммуникативного фактора на селекцию синонимов наглядно иллюстрирует др.-исл. *acr* «пашня»: *Muno ósánir **acr**ar vaxa, // böls mun allz batna, Baldr mun koma* (Должны незасеянные **пашни** расти, // зло должно все улучшиться, Бальдр вернуться) (Vsp. 62). В данном контексте изображается обновлённая после «гибели богов» Вселенная (прообраз идеального пространства — рай), которая в рамках древнегерманской мифопоэтической традиции предстаёт в «растительном» коде⁴, поэтому обозначение *земли* должно быть заимствовано исключительно из семантической сферы *флора*.

О решающей роли поэтических приёмов, главным образом аллитерации, маркирующей созвучные слова и создающей между ними и притяжение на уровне содержания, при подборе синонимов убедительно свидетельствуют и др.-исл. *fold*. Ср.: *fór in forna fold öll saman* (древняя **земля** содрогнулась вся) (Нум. 24). В этом примере наблюдается аналогичная ситуация: новая тема — *древность земли* как первого объекта творения, вводимая прилагательным **forna** и поддерживаемая звуковыми повторами в глаголе (др.-исл. **fór**), мотивирует употребление аллитерирующего обозначения *земли* — др.-исл. *fold*.

Таким образом, на основании проведённого исследования можно установить у каждого члена синонимического ряда определённый *семантический рейтинг* или *ранг*⁵, обусловленный его функционированием в соответствующем мифологическом контексте, расцениваемом положительно или отрицательно носителем данной модели мира. Иными словами, *мировоззренческий*

⁴ Ср. [11].

⁵ Ср. теорию *метрических рангов* в работах О.А. Смирницкой [7: с. 253–259], доказывающей возможность предсказывать появление той или иной лексемы в зависимости от её позиции в стихе.

комплекс, в частности мифологические представления, детерминирует, с одной стороны, выбор конкретной лексемы и, с другой, придаёт ей статус согласно принятой в данном архаическом коллективе системе ценностей. Существенным преимуществом предлагаемого подхода к исследованию семантики эпического слова можно считать *антропоцентризм* (движение изнутри вовне), т. е. ориентацию на логику именованя объектов самими носителями традиции; иначе говоря, появляется уникальная возможность взглянуть изнутри на формирование языкового значения.

6. Особый смысл при анализе эпоса приобретают экстралингвистические данные и прежде всего древнеисландская *мифология*: поскольку речь идёт о памятнике мифопоэтического характера, описание семантики слова последовательно сопровождается установлением типичных для него мифологических контекстов.

7. На повестке дня всегда остаётся связь слова с «*миром вещей*», поскольку лексическое значение слова предоставляет ценную информацию о денотате, обозначающем конкретный предмет. Следовательно, создаётся уникальная возможность сопоставить результаты исследования со свидетельствами материальной культуры, получаемыми на основании памятников археологии или культурной антропологии.

Библиографический список

Источники

1. *Младшая Эдда* / Изд. подготовили О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. – М.: Наука. Ленинградское отделение, 1970. – 138 с.
2. *Старшая Эдда*. Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А.И. Корсуна; редакция, вступ. статья и коммент. М.И. Стеблин-Каменского. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 260 с.
3. *Edda*. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. Von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. – Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag, 1962. – 339 S.
4. *Snorri Sturluson*. Edda / Udg. Af Finnur Jónsson. – København: Forlagt af Universitetsboghandler G.E.C. Trykt hos Nielsen & Lydicke, 1900. – 237 S.

Литература

5. *Гвоздецкая Н.Ю.* Пролегомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова // *Philologica Scandinavica*: сб. ст. к 100-летию со дня рождения М.И. Стеблин-Каменского / Н.Ю. Гвоздецкая; под ред. Б.С. Жарова. – СПб.: СПбГУ, 2003. – С. 28–42.
6. *Никитина С.Е.* О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора / С.Е. Никитина // *Облик слова*: сб. ст. памяти Дмитрия Николаевича Шмелёва / Под ред. Л.П. Крысина. – М.: Русские словари, 1997. – С. 360–373.
7. *Смирницкая О.А.* Стих и язык древнегерманской поэзии / О.А. Смирницкая. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Филологический ф-т. Филология, 1994. – 481 с.

8. *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике: В 3-х тт. / В.Н. Топоров. – Т. 1: Теория и некоторые частные её приложения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 816 с.
9. *Топорова Т.В.* Принципы описания эпического слова: концепт горы в «Старшей Эдде» / Т.В. Топорова. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. – 400 с.
10. *Топорова Т.В.* Эпическое слово: обозначения *земли* и *неба* в «Старшей Эдде» / Т.В. Топорова. – М.: Тезаурус, 2011. – 315 с.
11. *Топорова Т.В.* Древнегерманские представления об идеальном пространстве и времени / Т.В. Топорова // Известия РАН. Серия лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 5. – С. 43–49.

Сокращения

Нум. — Hymisqviða «Песнь о Хюмире».
 Vsp. — Völuspá «Прорицание вёльвы».

References

Istochniki

1. *Mladshaya E'dda* / Izd. podgotovili O.A. Smirniczkaya i M.I. Steblin-Kamenskij. – М.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1970. – 138 s.
2. *Starshaya E'dda*. Drevneisländskie pesni o bogax i geroyax / Per. A.I. Korsuna; redakciya, vstup. stat'ya i komment. M.I. Steblin-Kamenskogo. – М.-Л.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. – 260 s.
3. *Edda*. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. Von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. – Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag, 1962. – 339 S.
4. *Snorri Sturluson*. Edda / Udg. Af Finnur Jónsson. – København: Forlagt af Universitetsboghandler G.E.C. Trykt hos Nielsen & Lydicke, 1900. – 237 S.

Literatura

5. *Gvozdeczkaya N.Yu.* Prolegomeny' k tekstocentricheskomu opisaniyu semantiki drevneanglijskogo poe'ticheskogo slova // Philologica Scandinavica: sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Steblin-Kamenskogo / N.Yu. Gvozdeczkaya; pod red. B.S. Zharova. – SPb.: SPbGU, 2003. – S. 28–42.
6. *Nikitina S.E.* O mnogoznachnosti, diffuzii znachenij i sinonimii v tezauruse fol'klora / S.E. Nikitina // Oblik slova: sb. st. pamyati Dmitriya Nikolaevicha Shmelyova / Pod red. L.P. Kry'sina. – М.: Russkie slovari, 1997. – S. 360–373.
7. *Smirniczkaya O.A.* Stix i yazy'k drevnegermanskoj poe'zii / O.A. Smirniczkaya. – М.: MGU im. M.V. Lomonosova. Filologicheskij f-t. Filologiya, 1994. – 481 s.
8. *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике: В 3-х тт. / В.Н. Топоров. – Т. 1: Теория и некоторые частные её приложения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 816 с.
9. *Топорова Т.В.* Принципы описания эпического слова: концепт горы в «Старшей Эдде» / Т.В. Топорова. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. – 400 с.
10. *Топорова Т.В.* Эпическое слово: обозначения *земли* и *неба* в «Старшей Эдде» / Т.В. Топорова. – М.: Тезаурус, 2011. – 315 с.
11. *Топорова Т.В.* Древнегерманские представления об идеальном пространстве и времени / Т.В. Топорова // Известия РАН. Серия лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 5. – С. 43–49.

Л.Г. Викулова,
О.А. Кулагина

**Национальная идентичность
в контексте инаковости:
языковая репрезентация оппозиции
«свои» – «чужие» во французской
литературе XX века
(на материале сборника эссе
Ф. Мориака «Чёрная тетрадь»)**

В статье рассматриваются ключевые для современной межкультурной коммуникации понятия «идентичность» и «инаковость» в контексте их репрезентации в сборнике эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь».

This paper deals with two of basic concepts of the modern cross-cultural communication «identity» and «otherness» represented in F. Mauriac's Essay Volume «The Black Notebook».

Ключевые слова: идентичность; инаковость; межкультурная коммуникация; языковая репрезентация; французы; немцы.

Keywords: identity; otherness; cross-cultural communication; linguistic representation; the French; the Germans.

Обращённость современной лингвистики к проблеме «человек в языке» и рассмотрение языка как деятельности привели к оформлению нового антропоцентрического подхода к изучению языка, что предполагает учёт всех параметров человека говорящего, в том числе его этничности. Смена научной парадигмы в языкознании поставила вопрос о переосмыслении лингвистических задач, пересмотре принципов изучения ряда категорий, в том числе категории «идентичность» (*identité*).

Категория инаковости как социальный феномен конструируется обществом и индивидом в соответствии с нормами конкретной культуры. Возрастает значимость инаковости (*altérité*) в социокультурной эволюции как кате-

гории, объективирующей Другого. Социальным последствием эпохи высоких технологий и глобализации, значительно увеличивающей познавательные и инструментально-материальные возможности человека, стало такое явление, как идентификационный кризис в некоторых странах мира [3: с. 220–221].

В настоящее время наблюдается пристальное внимание к этнокультурному фактору и к аспектам культурно обусловленного межличностного взаимодействия представителей разных культур. В частности, выявлено, что в пределах французского культурного пространства, на протяжении истории французского языка (а именно — в течение IX–XXI веков) сформировалась категория инаковости, проявляющаяся при представлении «чужого» путём его портретирования, под которым понимается репрезентация образа «чужого» в его дифференциальных чертах — внешность и коммуникативное поведение [4]. В социокультурной эволюции образ «чужого» изменчив и может быть измерен спецификой контактов с иным этносом в целом, а также напрямую связан с хронотопом, т. е. пространственно-временными отношениями.

Двойственность человеческого Я и необходимость присутствия Другого для формирования самосознания индивида постулированы современной философией и лингвофилософией [5; 8; 11; 17]. В качестве рабочих терминов на первый план выходит такая триада понятий, как *идентичность/инаковость/толерантность*, тесно связанных между собой, прежде всего в рамках межкультурной коммуникации. Если термины *идентичность* и *инаковость* составляют бинарную оппозицию, то термин *толерантность* объединяет данные понятия, так как признание идентичности и адекватное восприятие инаковости — условия толерантности.

Понятие идентичности не однозначно. Так, французский историк Ж. Нуарель, говоря о национальной идентичности, подчёркивает значимость двух основных критериев последней: *mêmeté* («подобие») и *ipséité* («личность, индивидуальность»). В первом случае речь идёт о сходстве двух или нескольких людей в сравнении с неким третьим лицом (например, все французы идентичны друг другу в сравнении с немцами). Второй критерий подразумевает осознание себя как личности и понимание своей принадлежности к определённой социальной, этнической или культурной группе. Именно совокупность данных критериев позволяет делать выводы о релевантности идентичности [14: р. 15–16, 19].

В современной культурологии выделяют следующие структурные компоненты идентичности (в частности, национальной): когнитивный и аффективный (эмоционально-ценностный). Когнитивный компонент представляет собой содержательное наполнение идентичности, знания и представления о своей нации, а также критерии этнической дифференциации и идентификации. Аффективный компонент включает в себя комплекс чувств, вызванных фактом принадлежности к данной нации: гордость, достоинство, самоуважение, радость, любовь, преданность, обиду, стыд, ущемлённость, вину, униженность [9: с. 4].

Зарубежные философы конца XX – начала XXI века рассматривают проблему идентичности в рамках ценностного подхода и в свете происходящих в мире таких социально-политических процессов, как прогрессирующая глобализация [5; 11]. Обзор основных философских точек зрения на проблему идентичности, а также диалога культур, позволяет думать, что для актуализации идентичности необходим непосредственный контакт с *Другим*, поскольку именно сквозь призму *Другого* индивид способен судить о самом себе [3]. Мы считаем данную точку зрения актуальной при рассмотрении проблемы межкультурного взаимодействия, так как осознание особенностей своей культурной и этнической идентичности возможно только при столкновении с иной культурой [7: с. 49].

Опираясь на идеи А.П. Садохина, мы принимаем следующую классификацию типов этнической идентичности:

1. *Нормальная идентичность*. Образ своего народа воспринимается как положительный, наблюдается благоприятное отношение к его культуре и истории.

2. *Этноцентрическая идентичность* предполагает некритическое предпочтении этнической группы и самоидентификацию индивида с ней, элементы этноизоляционизма, замкнутости. (Проявления этноцентрической идентичности наблюдаются, в частности, в рекламных слоганах, например: «Швеция, сделано с умом».)

3. *Этнодоминирующая идентичность*. Этничность становится наиболее предпочтительной перед другими видами идентичности (семейной, профессиональной и т. д.). Для данного типа идентичности зачастую характерно искажённое восприятие представителей других культур. Подобное искажение спровоцировано механизмом этноцентризма, когда происходит осознанное, а порой и неосознанное, предпочтении своей группы (внутриэтнический фаворитизм).

4. *Этнический фанатизм*. Крайне агрессивная форма идентичности, при которой абсолютное доминирование этнических интересов сопровождается готовностью идти ради них на любые действия. (В наше время примером этнического фанатизма может служить исламский фундаментализм [13; 15].)

5. *Этническая индифферентность*. Данный тип идентичности характеризуется равнодушием к проблеме собственной этничности и межэтнических отношений, к культурным ценностям своего этноса и других народов.

6. *Этнонигилизм, или космополитизм*. В данном случае речь идёт о полном отрицании этничности и любых этнокультурных ценностей.

7. *Амбивалентная этничность*. Данный тип чаще всего распространён в смешанной этнической среде и характеризуется невыраженной этнической идентичностью [6: с. 198–200].

Для нашего исследования наибольший интерес представляет такой тип идентичности, как этноцентрическая идентичность. Обратимся к следующему элементу триады значимых понятий — *инаковость*, под которой понимается противоположный или противопоставленный элемент в двоичном противоречии, например: Я/Другой, Восток/Запад, мужское/женское и т. д. [16]. Сове-

менный французский философ Ж.-Ф. Рей выделяет несколько разновидностей восприятия инаковости:

1) *Другой* может рассматриваться как *alter ego*, т. е. некое не-Я, которому индивид приписывает тем не менее мысли и чувства, подобные его собственным;

2) инаковость может восприниматься как угроза, а *Другой* — представляться врагом. В данном случае речь идёт не об идентификации, как в предыдущем пункте (*Другой* как *alter ego*), а о потенциальном противительном отношении к *Другому*;

3) *Другой* может рассматриваться как чужестранец (*étranger*), гость, прибывший издалека. В данном случае возможно семантическое расширение, результатом которого является восприятие как *Другого* не только того, кто прибыл издалека, а также и того, кто является членом того же социума, но находится в затруднительном положении (нищие, сироты и т. д.) [17: p. 5].

Отметим, что в современной франкоязычной лингвистической литературе термин *инаковость* рассматривается как достаточно спорный. При отнесении объекта к категории «иных» возникает попытка свести его к системе родной системы понятий, что создаёт некое противоречие. Обобщающий термин *инаковость* (*altérité*) не в состоянии охватить специфику всех потенциально «иных» объектов, искусственно сводя их к некоему неопределённому единству [10: p. 53; 17: p. 4–7].

Согласно Л.С. Васильеву [2: с. 62–77], на обострение проявлений оппозиции «свои — чужие» могут влиять следующие факторы: религия; этническое несходство; этнические проблемы и внешняя политика. Так, в отношениях Франции и Германии в конце XIX – начале XX века определяющим фактором стала экстралингвистическая ситуация — Первая мировая война.

Рубеж XIX–XX веков был отмечен стремлением французов не только утвердить собственную национальную идентичность, но и выявить так называемого «внутреннего врага» (*l'ennemi intérieur*). «Внутренними врагами» считались как проживающие на территории Франции иностранцы (в частности, евреи, а также иностранные рабочие), так и непосредственно члены французского социума, а именно — представители интеллигенции. Последние рассматривались как резонёры, которые способствовали ослаблению Франции, рассуждая о недостатках французской армии [14: p. 38–40].

В лингвистическом плане первая половина XX века характеризовалась возрастающей частотностью употребления неологизмов с усечённым корнем *national-*, например: *national-communistes*, *national-bolcheviques*. В период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) было отмечено возникновение арготизмов, используемых для номинации немцев. Так, прозвище *Boches*, полученное немцами ещё в конце XIX века, в 1914–1915 годах становится производной основой для таких уничижительных лексем, как *Bochie* («Германия»), *bocherie* («поступок, свойственный немцу»). В 1914 году также фиксируется менее распространённое во Франции прозвище немцев *Fritz* — изначально уменьшительно-ласкательная форма имени *Friedrich*, получившая пейоратив-

ную коннотацию. Как отмечают лингвисты, обратившиеся к истории Франции 1914–1945 годов, негативная окраска данных прозвищ связана с тем, что на протяжении длительного времени немцы были одним из основных внешних врагов Франции: сначала в период франко-прусской войны 1870–1871 годов, затем в Первой мировой войне [12: р. 156–157, 227]. Данные наблюдения позволяют предположить, что вопрос национальной идентичности представлялся французам особенно актуальным, особенно в свете набиравшего силу фашизма в соседних Германии и Италии, что рассматривалось как серьёзная угроза [14: р. 45]. Что касается немцев, то восприятие французами данного этноса как сугубо враждебного укрепитя во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.), когда солдаты немецко-фашистской армии выступили в роли захватчиков, «чужих», резко негативное отношение к которым отразится во французской литературе того времени.

Для иллюстрации репрезентации «чужого» в годы Второй мировой войны обратимся к сборнику эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь» (1943 г.), впервые подпольно изданному в период оккупации. Отметим, что данный сборник направлен не только против пришедших на французскую территорию «чужих», но и против «своих», т. е. коллаборационистов, которые также становились «чужими» для страдающего от войны общества, превращаясь во «внутренних врагов». Идеологическая точка зрения автора является доминирующей, в психологическом плане описание «чужого» является субъективным, т. е. основанным на индивидуальном и, главным образом, социальном опыте. В целом, текст «Чёрной тетради» характеризуется крайне жёстким отношением к «чужим», их резким неприятием.

Наиболее частотной номинацией немецко-фашистской армии в тексте «Чёрной тетради» является лексема *ennemi*. В современный период истории французского языка данная лексема включает в себя такие основные значения, как «тот, кто испытывает либо внушает крайне недружественное отношение», «представитель народа, проявляющего враждебность по отношению к другому народу либо ставшего жертвой враждебности», «объект, по своей природе не сочетающийся с другим объектом и способный навредить последнему»¹ [18]. Все перечисленные значения могут считаться релевантными в контексте употребления данной лексемы, которая используется в таких сочетаниях, как, например, *domination de l'ennemi* [1: р. 10] и *le spectacle immonde que trop de Français nous donnent en présence de l'ennemi* [1: р. 32]. Во втором примере отметим метафорический эпитет с выраженной негативной коннотацией *le spectacle immonde*: прилагательное *immonde* не только передаёт идею грязи и уродства (как физических, так и моральных), вызывающих отвращение, но также относится к религиозному дискурсу, где зафиксирован устойчивый оборот *esprit immonde*, синонимом которого является лексема *démon* [18].

Солдат фашистской армии репрезентируется как воплощение грязи и уродства; что касается сотрудничающих с врагом французов, они также уподобляются нечестивым демонам, которые представляют опасность для осталь-

¹ Здесь и далее перевод наш. — Л.В., О.К.

ных членов социума. Обращает на себя внимание разделение *trop de Français — nous*: посредством инклюзивного личного местоимения *nous* автор показывает разделение, существовавшее внутри французского общества, и в то же время включает себя и прочих французов в общий микромир, способствуя созданию фактора «вместе» и реализуя стратегию сотрудничества [8: с. 35]. Гиперболическое наречие *trop* подчёркивает многочисленность «чужих» французов и необходимость объединения тех, кто относится к категории *nous*, ради сохранения национальной идентичности.

Говоря о коллаборационистах, Ф. Мориак отдельно останавливается на характеристике полицейских и деятелей искусства:

La police française devenue, par la grâce de Vichy, une garde-chiourme, les trafiquants du marché noir, les hommes d'affaires et de lettres que l'armée d'occupation enrichit, cette humanité hideuse appartient à une espèce éternelle [1: p. 32–33].

Pour quelques écrivains français qui à Weimar se tinrent au garde-à-vous devant le Dr Goebbels, pour quelques peintres et sculpteurs qui ne comprirent pas que ce qu'ils incarnent dépasse infiniment leur médiocre personnage, et qu'ils allaient humilier devant l'ennemi des siècles de l'art le plus illustre, pour ce honteux petit troupeau, combien de femmes et d'hommes risquent leur vie, souffrent et meurent sous le feu des pelotons! [1: p. 35–36].

В первом примере отметим такие характеристики французской полиции, как *une garde-chiourme* и *cette humanité hideuse*. Лексема *garde-chiourme* изначально обозначает надзирателей на каторге либо на галерах; в результате семантического расширения данная вокабула получила значение «надзиратель, грубый человек» [18]. Следовательно, для «чужих» (как для иностранных оккупантов, так и для собственных полицейских) французы были заключёнными, за которыми враг не признавал права на собственную идентичность. Метафорический эпитет с выраженной негативной коннотацией *cette humanité hideuse* характеризует полицейских-коллаборационистов как некую массу, которая вызывает резкое неприятие и сильное отвращение. Номинация *humanité* указывает, тем не менее, на возможное наличие у этой массы человеческих качеств [18], чему фактически противоречит второй пример, представляющий собой многоуровневую антитезу «свои» – «чужие». Семантическое поле «чужие» выражено посредством перечисления профессий коллаборационистов (*écrivains, peintres, sculpteurs*), употребления рассмотренной выше лексемы *ennemi* для номинации немецко-фашистских солдат, использования обладающих крайне негативной коннотацией прецедентных имён (*Weimar, Dr Goebbels*), метафорического эпитета с негативной окраской *ce honteux petit troupeau*. Лексема *troupeau* в своём исконном значении указывает на стадо домашних или диких животных [18], что является дополнительным элементом репрезентации коллаборационистов как однородной массы, но на этот раз уже лишённой человеческих качеств.

Внутри семантического поля «чужие», представленного в рассматриваемом примере, мы выделяем также антитезу *leur médiocre personnage – l'art le*

plus illustre. Эпитет *médiocre* характеризует нечто заурядное и не выходящее за рамки обычного, в то время как эпитет *illustre* указывает на некий предмет или некое лицо, широко известное благодаря своим исключительным особенностям [18]. Таким образом, немецко-фашистская армия изображается как нечто посредственное, лишённое каких-либо отличительных черт, — наравне с коллаборационистами, утратившими национальную идентичность в результате тесного контакта с врагом.

Что касается семантического поля «свои», оно представлено номинациями *femmes* и *hommes*, а также восходящей градацией *risquent leur vie, souffrent et meurent*. Лексемы *femme* и *homme* обозначают исключительно человеческих существ [18], что, как нам представляется, свидетельствует об отсутствии у автора сомнений в человечности французов, которых он причисляет к «своим». Наличие градации *risquent leur vie, souffrent et meurent* позволяет выделить внутри антитезы «свои» – «чужие» ещё одну антитезу, количественного характера: *quelques – combien*. Неопределённо-личное прилагательное *quelques* относится к людям искусства, перешедшим на сторону врага, и несёт в себе значение исчисляемости [18], в то время как восклицание *combien de femmes et d'hommes* передаёт, напротив, идею бесчисленности и несоизмеримости приносимых жертв с количеством тех, чьими действиями эти жертвы вызваны.

Завершая текст «Чёрной тетради», Ф. Мориак уподобляет врага великану, в чьей власти оказалась Франция. Данное сравнение повторяется дважды: *...et quel géant nous couvre de son ombre et presse la petite France entre ses deux paumes...* [1: p. 50].

Mais d'abord s'arracher à l'étreinte du géant, écartier ses mains de notre gorge, son genou de notre poitrine... [1: p. 51–52].

В приведённых примерах две развёрнутые метафоры обозначают врага, пытающегося подавить Францию как снаружи (немецко-фашистские захватчики), так и изнутри (коллаборационисты). Две разновидности «чужих» репрезентированы посредством метафоры *entre ses deux paumes*. В свою очередь, повтор притяжательного прилагательного *notre* указывает на чёткое определение французами, противостоящими врагу, национальной идентичности и стремление её сохранить.

Обращение к данному литературному произведению позволяет сказать, что в рассматриваемый исторический период речь идёт не столько об инаковости, сколько о чуждости как между двумя этносами, так и среди членов одного социума. Этнокультурный диссонанс обусловлен общественно-политическими факторами, что отражено в тексте «Чёрной тетради» посредством многоуровневой антитезы «свои» – «чужие», внутри которой чётко прослеживается оппозиция «мы» – «они».

Таким образом, исходя из вышеперечисленных факторов, французская национальная идентичность, представленная в рассмотренном тексте, тяготеет к замкнутости и настороженному отношению к инаковости, граничащему с враждебностью, демонстрируя чёткое разделение на «мы» и «они», т. е. «своих» и «чужих».

Библиографический список

Источники

1. *Mauriac F.* Le cahier noir / F. Mauriac. – Genève; Paris: Éditions des Trois Collines, 1945. – 52 p.

Литература

2. *Васильев Л.С.* Комплекс «свои – чужие» как историко-культурный и социально-политический феномен / Л.С. Васильев // Мы и Они. Конформизм и образ «другого»: сб. ст. на тему ксенофобии / Отв. ред. Л.С. Васильев. – М.: КДУ, 2007. – С. 27–118.

3. *Викулова Л.Г.* Семиотрия рефлексии о ценностях современного общества / Л.Г. Викулова, Е.Ф. Серебренникова, О.А. Кулагина // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллектив. монография. – М.: Тезаурус, 2011. – С. 196–230.

4. *Кулагина О.А.* Языковое портретирование «чужого» как способ передачи этнокультурного диссонанса во французском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05; защищена 12.11.2012 г. / О.А. Кулагина. – М., 2012. – 202 с.

5. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллектив. монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова. – М.: Тезаурус, 2011. – 352 с.

6. *Садохин А.П.* Этнология: учеб. пособие / А.П. Садохин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2011. – 352 с.

7. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2008. – 344 с.

8. *Успенский Б.А.* Ego loquens: Язык и коммуникативное пространство / Б.А. Успенский. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 360 с.

9. *Шевлякова Д.А.* Доминанты национальной идентичности итальянцев: автореф. дис. ... докт. культурологии: 24.00.01; защищена 06.12.2011 г. / Д.А. Шевлякова. – М., 2011. – 46 с.

10. *Bonoli L.* Lire les cultures: La connaissance de l'altérité culturelle à travers les textes / L. Bonoli. – Paris: Éditions Kimé, 2008. – 280 p.

11. *Drapeau Contim F.* Qu'est-ce que l'identité? / F. Drapeau Contim. – Paris: LIBRAIRIE PHILOSOPHIQUE J. Vrin, 2010. – 128 p.

12. Histoire de la langue française 1945–2000 / Sous la dir. de G. Antoine et R. Martin. – Paris: CNRS Éditions. – 1028 p.

13. *Millière G.* La France bientôt république islamique? / G. Millière // Les 4 vérités. – 2010. – 08 sep. – URL: les4verites.com/La-France-bientot-republique-islamique-3165.html, свободный.

14. *Noiriel G.* À quoi sert «l'identité nationale»? / G. Noiriel. – Marseille: Agone, 2007. – 154 p.

15. *Schmitt J.* Fin de la France? Histoire d'une perte d'identité / J. Schmitt. – Paris: Nouvelles Éditions Debresse, 1986. – 295 p.

Справочные и информационные издания

16. Социологический словарь. – 2000–2011. – URL: mirslouvrei.com/soc_a, свободный.

17. Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles / Sous la dir. de G. Ferréol et G. Jucquois. – Paris: Armand Colin, 2010. – 354 p.

18. Le Trésor de la Langue Française informatisé / Sous la direction de J.-M. Pierrel. – Nancy-Université. – URL: atilf.atilf.fr/tlf.htm, свободный.

References

Istochniki

1. *Mauriac F.* Le cahier noir / F. Mauriac. – Genève; Paris: Éditions des Trois Collines, 1945. – 52 p.

Literatura

2. *Vasil'ev L.S.* Kompleks «svoi – chuzhie» kak istoriko-kul'turny'j i social'no-politicheskij fenomen / L.S. Vasil'ev // *My' i oni. Konformizm i obraz «drugogo»*: sb. st. na temu ksenofobii / Otv. red. L.S. Vasil'ev. – M.: KDU, 2007. – S. 27–118.

3. *Vikulova L.G.* Semiometriya refleksii o cennostyax sovremennogo obshhestva / L.G. Vikulova, E.F. Serebrennikova, O.A. Kulagina // *Lingvistika i aksiologiya: e'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektiv. monografiya*. – M.: Tesaurus, 2011. – S. 196–230.

4. *Kulagina O.A.* Yazy'kovoe portretirovanie «chuzhogo» kak sposob peredachi e'tnokulturnogo dissonansa vo francuzskom yazy'ke: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05; zashhishhena 12.11.2012 g. / O.A. Kulagina. – M., 2012. – 202 s.

5. *Lingvistika i aksiologiya: e'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektiv. monografiya* / Otv. red. L.G. Vikulova. – M.: Tesaurus, 2011. – 352 s.

6. *Sadoxin A.P.* E'tnologiya: ucheb. posobie / A.P. Sadoxin. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Al'fa-M, INFRA-M, 2011. – 352 s.

7. *Ter-Minasova S.G.* Vojna i mir yazy'kov i kul'tur: ucheb. posobie / S.G. Ter-Minasova. – M.: Slovo / Slovo, 2008. – 344 s.

8. *Uspenskij B.A.* Ego loquens: Yazy'k i kommunikativnoe prostranstvo / B.A. Uspenskij. – M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2007. – 360 s.

9. *Shevlyakova D.A.* Dominantny' nacional'noj identichnosti ital'yancev: avtoref. dis. ... dokt. kul'turologii: 24.00.01; zashhishhena 06.12.2011 g. / D.A. Shevlyakova. – M., 2011. – 46 s.

10. *Bonoli L.* Lire les cultures: La connaissance de l'altérité culturelle à travers les textes / L. Bonoli. – Paris: Éditions Kimé, 2008. – 280 p.

11. *Drapeau Contim F.* Qu'est-ce que l'identité? / F. Drapeau Contim. – Paris: LIBRAIRIE PHILOSOPHIQUE J. Vrin, 2010. – 128 p.

12. Histoire de la langue française 1945–2000 / Sous la dir. de G. Antoine et R. Martin. – Paris: CNRS Éditions. – 1028 p.

13. *Millière G.* La France bientôt république islamique? / G. Millière // *Les 4 vérités*. – 2010. – 08 sep. // URL: les4verites.com/La-France-bientot-republique-islamique-3165.html, свободный'j.

14. *Noiriel G.* À quoi sert «l'identité nationale»? / G. Noiriel. – Marseille: Agone, 2007. – 154 p.

15. *Schmitt J.* Fin de la France? Histoire d'une perte d'identité / J. Schmitt. – Paris: Nouvelles Éditions Debresse, 1986. – 295 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

16. Sociologicheskij slovar'. 2000–2011. – URL: mirslovarei.com/soc_a, свободный'j.

17. Dictionnaire de l'altérité et des relations interculturelles / Sous la dir. de G. Ferréol et G. Jucquois. – Paris: Armand Colin, 2010. – 354 p.
18. Le Trésor de la Langue Française informatisé / Sous la direction de J.-M. Pierrel. – Nancy-Université. – URL: atilf.atilf.fr/tlf.htm, svobodny'j.

Г.А. Сосунова

Профессиональная таможенная лексика во французском языке в период наполеоновской континентальной блокады

Статья посвящена употреблению лексики таможенного дела в период наполеоновской континентальной блокады, осуществлявшейся под знаком протекционизма. В основе исследования лежит историко-лингвистический анализ таможенной деятельности и формирования таможенно-юридических, таможенно-экономических терминов.

The article is devoted to use of customs vocabulary in the period of Napoleon's Continental Blockade, imposed under the sign of protectionism. The study is based on historical and linguistic analysis of customs activity and formation of customs law, customs and economic terms.

Ключевые слова: наполеоновская континентальная блокада; виды таможенной деятельности; таможенно-юридические термины; таможенно-экономические термины.

Keywords: Napoleon's continental blockade; kinds of customs activities; customs and legislative terms; customs and economic terms.

Вопросы изучения профессиональной терминологии отражены в трудах многих лингвистов, в частности, О.О. Агеевой (экономическая терминология), Е.М. Гороховой (терминология «экология почвы»), Е.А. Панкратовой (терминология «нефть и нефтепродукты»), Е.А. Рябовой (ракетно-космическая терминология), Е.Н. Юдиной (юридическая терминология) и ряда других авторов.

Формирование профессиональной таможенной терминологии во французском языке неразрывно связано с развитием государственности. Появление первой лексики, обозначающей виды таможенной деятельности, зафиксировано ещё в эпоху Античности. Так, в частности, возникает таможенная терминология на французском языке, обозначающая виды платежей — *le paiement de la rançon* (выплата выкупа), а также различные виды пошлин — *les droits de traite (ou traites)* (таможенная пошлина), *un droit de haut-passage* (пошлина на удобный перевоз товара), *un droit de rêve* (пошлина на уплату товара, не запрещённого на вывоз из страны). В современном французском языке перечисленная терминология не используется в связи с устранением данных платежей и пошлин.

Таможенно-экономическая деятельность интенсивно развивалась в средневековой Франции. В этот период зарождается один из ключевых терминов

современной таможенной службы — *таможенная пошлина*. Изначально это была возникшая в 1369 году пошлина на внешнюю торговлю с названием *droit de traite foraine*, далее термин видоизменяется в *les droits de douane*, т. е. звучит как *таможенная пошлина*. Зарождаются также многочисленные таможенные термины на латинском языке, обозначающие различные виды пошлин. Они проникают во французский язык и сохраняются в нём до сегодняшних дней с дальнейшими орфографическими и фонетическими изменениями: портовая пошлина — лат. *portatica* (фр. *tonlieux des ports*), речная пошлина — лат. *ripatica* (фр. *tonlieux des fleuves*), дорожная пошлина — лат. *rotatica* (фр. *tonlieux des routes*), мостовая пошлина — лат. *pontatica* (фр. *tonlieux des ponts*), пошлина — лат. *teloneion* (фр. *tonlieux*) [2]. В связи с дальнейшим прекращением этих видов пошлин в современной таможенной практике данная терминология практически не используется (за исключением текстов, трактующих исторические события).

Период службы французского государственного деятеля Кольбера считается наиболее существенным для таможенного ведомства Франции. Современные таможенные служащие называют Кольбера *le père de la douane moderne* (*отец современной таможни*). Различная профессиональная терминология периода кольбертизма используется в современном французском языке: таможенная терминология — *le chargement* (*груз*), *le contrôleur* (*контролёр*), *les droits de douane* (*таможенные пошлины*), *les droits d'entrée et de sortie* (*таможенная пошлина на ввоз и вывоз товаров*), *le tarif douanier* (*таможенный тариф*), *le recouvrement* (*взимание налогов*), *le dédouanement* (*таможенное оформление товаров*); таможенно-экономическая терминология — *importer* (*ввозить товары*), *exporter* (*вывозить товары*), *les produits de valeur* (*ценные товары*), *des subventions* (*субсидии*), *des exemptions fiscales* (*налоговые льготы*), *les entrepôts de réexportation* (*склады реэкспорта товаров*), *une tarification* (*ценообразование*) и другая; таможенно-юридическая терминология — *une législation douanière* (*таможенное законодательство*).

Следующий за кольбертизмом период наполеоновской континентальной блокады, осуществлявшейся под знаком протекционизма, также представляет интерес для лингвистического исследования. Протекционизм был распространён во многих странах, в частности, в Австрийской монархии, многих германских государствах, в России — впервые при Петре I. Во Франции протекционизм сыграл особую роль — под знаком протекционизма наполеоновская Франция вела экономическую борьбу с Великобританией [1]. Здесь речь идёт о так называемой «континентальной блокаде». Эта историческая эпоха представляет интерес для многих исследователей, как отечественных, так и зарубежных. Происходящие в то время события описывают в своих работах М.Ф. Злотников, Е.В. Тарле, Ф. Крузэ, Р. Дюфресс, А. Сорель и многие другие авторы. Континентальную блокаду вынуждены были поддерживать многие европейские страны, находившиеся в то время под контролем наполеоновской Франции, в том числе и Россия, которая,

присоединившись к Тильзитскому мирному договору 1807 года, претерпела большие экономические убытки, так как Англия была одним из её главных партнёров. М.Ф. Злотников в своей работе «Континентальная блокада и Россия» приводит статистические данные, отражающие потери в экономике: «...если в период 1802–1806 годов экспорт из России в среднем составлял 54,1 млн рублей серебром, а импорт — 40,8 млн руб., то в 1807 году экспорт и импорт составляли 40,4 млн и 27,2 млн, в 1808 году — 28,3 и 16,2 млн рублей соответственно» [3: с. 131].

Анализ литературы, отражающей события наполеоновской континентальной блокады, позволяет выявить профессиональную таможенную лексику, используемую в государственных и таможенных средах того периода. В этой связи в ходе исследования использовались следующие источники: F. Crouzet «L'Économie britannique et le Blocus continental (1806–1813)» («Британская экономика и континентальная блокада (1806–1813)»); F. Ouellet «Revue d'histoire de l'Amérique française» («Журнал истории французской Америки»); R. Dufraisse «Napoleon» («Наполеон»), а также работа Е.В. Тарле «Континентальная блокада», включающая текст Берлинского декрета Наполеона 1806 года о запрете ввоза во Францию товаров английского происхождения (архив AD. XVIII, № 108 — Procès-verbaux, 245) [6: с. 108].

Французский критик Ф. Уэлле, исследуя события континентальной блокады, отмечает: «Континентальная блокада является важным эпизодом революционных войн. Начатая в ноябре 1806 года и закончившаяся после провала русской кампании, она была призвана дополнить военные усилия Франции и с помощью экономических мер достичь уровня развития Англии, которая, в силу своей островной ситуации и морского перевеса, ускользала из рук Наполеона. Император хотел «завоевать море и стать властелином земли», т. е. разрушить экономику Великобритании, не дать возможности её экспорту появляться на европейском континенте и в конечном счёте заставить правительство Англии капитулировать» («*Le Blocus continental constitue un épisode important des guerres de la Révolution. Inauguré au mois de novembre 1806 par le décret de Berlin, il prit fin après l'échec de la campagne de Russie. Il visait à compléter l'effort militaire de la France par des mesures économiques destinées à atteindre l'Angleterre qui, en raison de sa situation insulaire et de sa prépondérance maritime, échappait à l'emprise de Napoléon. L'empereur voulait «conquérir la mer par la puissance de la terre», c'est-à-dire ruiner l'économie de la Grande-Bretagne en fermant à ses exportations les marchés du continent européen, afin de contraindre son gouvernement à capituler*») [10: p. 131]. Работа Ф. Уэлле содержит следующие таможенно-экономические термины: *des paiements* (платежи), *le commerce extérieur* (внешняя торговля), *exporter* (вывозить), *les marchandises* (товары), *les marchés* (рынки), *le volume des échanges* (объём внешней торговли), *des relations commerciales* (торговые отношения), *l'activité économique* (экономическая деятельность); таможенно-юридические термины: *le décret de Berlin* (Берлинский декрет), *des agents français* (французские таможенники), *la corruption* (коррупция), *un foyer de contrebande* (рассадник контрабанды) [10: p. 131].

В Декрете о блокаде Британских островов, подписанном Наполеоном 21 ноября 1806 года, сконцентрированы все предстоящие события. В ходе блокады предусматривались различные меры и действия юридического характера. В этой связи текст Декрета содержит таможенно-юридическую терминологию: *être condamné* (быть приговорённым), *le délinquant* (правонарушитель), *une amende* (штраф), *un emprisonnement* (тюремное заключение): *Le délinquant sera en outre condamné à une amende triple de la valeur des objets saisis, et à un emprisonnement qui ne pourra être moindre de cinq jours ni excéder trois mois* (Правонарушитель, кроме того, будет приговорён к штрафу в тройном размере от стоимости вещи и к тюремному заключению длительностью не менее пяти дней, но не более трёх месяцев); *la contravention* (нарушение), *l'arrestation* (арест), *le contrevenant* (преступник), *le tribunal* (суд), *la police* (полиция), *le tribunal de police correctionnel* (судебная полиция): *Toute contravention aux articles ci-dessus donnera lieu à l'arrestation du contrevenant, et à sa traduction devant le tribunal de police correctionnel* (Любое нарушение вышеуказанных пунктов приведёт к аресту преступника и к его отправлению в судебную полицию); *la confiscation* (конфискация): *Les marchandises de fabrique anglaise qui se trouveront dans un bâtiment pris sur l'ennemi, ou naufragé, ou échoué, et celles qui proviendront de confiscation, seront assujetties à l'entrepôt et à la réexportation, et ne pourront être vendues que sous ces conditions* (Товары британского производства, которые будут обнаружены на вражеском корабле, в том числе потерпевшем кораблекрушение либо разрушенном, а также конфискованные, подлежат хранению на складе и реэкспорту и могут быть проданы только при этих условиях).

Французский историк Ф. Крузе в своей работе говорит о последствиях континентальной блокады, революционных волнениях: *«le conflit toujours croissant entre sans-culottes et gouvernants»* (растущий конфликт между санкюлотами и правителями) [9: p. 525].

Работа Р. Дюфреса «*Politique douanière française, blocus et système continental en Allemagne*» отражает события того времени, в ней содержится:

– таможенная терминология: *la politique douanière* (таможенная политика), *la promulgation du tarif* (принятие тарифа), *des taxes douanières* (таможенные налоги), *l'exportation* (экспорт), *l'importation* (импорт), *les tarifs* (тарифы), *le système douanier français* (французская таможенная система), *l'uniforme des douaniers* (таможенная униформа), *le personnel des brigades* (таможенные служащие, контролирующие территорию), *les employés des bureaux* (таможенные служащие, работающие в отделах), *l'administration des douanes françaises* (французская таможенная администрация), *une nouvelle ligne de douanes* (новая линия таможенных постов), *veiller* (осматривать, контролировать), *surveiller* (надзирать, контролировать), *un bureau de douanes français* (отдел французской таможни), *en franchise* (беспошлинный), *le paiement d'une taxe* (уплата налога);

– таможенно-юридическая терминология: *la contrebande* (контрабанда), *le début du blocus continental* (начало континентальной блокады), *le fameux décret de Berlin* (знаменитый Берлинский декрет), *les lois douanières françaises* (французские таможенные законы), *le système des licences* (система лицензирования), «*contrebande légale*» («законная контрабанда»), *la législation douanière* (таможенное законодательство), *prohibé* (запрещённый), *la prohibition* (запрет), *le système prohibitionniste* (запретительная система), *réprimer la contrebande* (подавить контрабанду), *saisir des marchandises réputées anglaises* (изъять английские товары);

– ономастика: антропонимика — *Jean-Baptiste Collin, François Ferrier, Théodore Gréterin* [1].

Проведённый историко-лингвистический анализ таможенной деятельности и формирования профессионального таможенного подъязыка в период наполеоновской континентальной блокады Великобритании позволил сделать следующие выводы:

– в период наполеоновской континентальной блокады функционируют виды таможенной деятельности, осуществляемые в Средневековье, затем в период кольбертизма и дошедшие до наших дней; используется соответствующая профессиональная лексика и терминология, в частности: таможенная — *les douanes* (таможенная служба), *les directeurs généraux* (таможенные руководители), *la création du poste* (создание таможенного поста), *l'uniforme des douaniers* (таможенная форма), *un bureau de douanes* (таможенный пост), *le régime douanier* (таможенный режим) и др.; таможенно-экономическая — *le commerce extérieur* (внешняя торговля), *exporter les marchandises* (вывозить товары), *le volume des échanges* (объём внешней торговли), *le paiement des droits* (уплата пошлин), *le paiement de lourdes taxes au profit du Trésor* (уплата высоких налогов в казну), *le trafic des marchandises* (грузовые перевозки), *d'énormes quantités de marchandises* (огромное количество товаров); таможенно-юридическая — *la corruption des agents français* (коррупция среди таможенных служащих), *la législation douanière* (таможенное законодательство), *les lois douanières* (таможенные законы), *en vertu de la loi* (в соответствии с законом) и др.;

– в сравнении с предыдущими эпохами в период континентальной блокады отмечается бурное развитие экономики, и использование таможенной терминологии происходит в рамках торговых операций таможенно-коммерческой деятельности, в частности: *le seigle et les autres céréales* (рожь и другие зерновые), *le sucre et le café* (сахар и кофе), *les approvisionnements* (запасы продовольствия), *l'industrie des toiles de lin ou de chanvre* (производство льняных или конопляных тканей), *des cotons en laine* (вата), *toiles de coton blanches, tabac, dentelles, poivre* (ткани белого хлопка, табак, кружева, перец), *l'accès au marché* (доступ к рынкам), *des manufacturiers français* (французские производители), *des produits fabriqués* (изготовленные изделия, продукты питания); часто встречается слово *des denrées* (продовольственные

запасы) в различных конструкциях: *même des matières premières ou des denrées coloniales* (даже сырьё или колониальные продукты питания), *les denrées coloniales et certaines matières premières* (колониальные продукты питания и некоторые виды сырья), *mais uniquement des denrées coloniales ou des matières premières comme le coton en laine* (но только колониальные продукты питания или сырьё, как, например, вата);

– таможенно-коммерческая деятельность в период наполеоновской блокады, это видно из названия, неразрывно связана с именем императора, что позволяет встречать многочисленные выражения, характеризующие данное время и виновника этих событий, в частности: *une conception napoléonienne* (наполеоновская концепция), *l'époque napoléonienne* (наполеоновская эпоха), *les efforts de Napoléon* (усилия Наполеона), *la politique impérialiste poursuivie par Napoléon* (империалистическая политика, проводимая Наполеоном);

– в период наполеоновской континентальной блокады практически не встречается терминология, связанная с таможенной деятельностью эпох Античности и Средневековья, только лишь в случаях, где необходимо подчеркнуть преемственность событий, поколений: *Jean-Baptiste Collin ... fils d'un employé des Fermes, en 1812, devenu ministre du Commerce et des Manufactures, il garde les douanes sous sa tutelle* (Жан-Батист Коллен... сын откупщика, в 1812 году, став министром торговли и промышленности, берёт таможеню под своё покровительство) [1].

Таким образом, историко-лингвистический анализ реалий периода наполеоновской континентальной блокады позволил установить функционирование таможенной терминологии, отражающей деятельность таможенной службы данного периода. Наличие в профессиональном таможенном подязыке большого количества таможенно-юридических, таможенно-экономических терминов объясняется активным действием запретительной системы наполеоновской континентальной блокады.

Библиографический список

Источники

1. *Dufraisse R.* Politique douanière française, blocus et système continental en Allemagne. – URL: [http:// www.napoleon.org/fr/salle_lecture/articles/files/Politique_douaniere_francaise_blocus.asp](http://www.napoleon.org/fr/salle_lecture/articles/files/Politique_douaniere_francaise_blocus.asp).
2. URL: <http://www.douane.gouv.fr/page.asp?id=164>.

Литература

3. *Агеева О.О.* Особенности эквивалентной соотносительности экономических терминов английского и русского языков: на материале терминологии «управление персоналом»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20, защищена 16.06.2009 г. / О.О. Агеева. – М., 2009. – 165 с.

4. *Горохова Е.М.* Особенности становления терминосистемы «экология почвы» в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20, защищена 02.11.2007 г. / Е.М. Горохова. – М., 2007. – 247 с.
5. *Злотников М.Ф.* Континентальная блокада и Россия / М.Ф. Злотников. – М.–Л.: Наука, 1966. – 290 с.
6. *Панкратова Е.А.* Сравнительно-сопоставительный анализ развития терминологии «нефть и нефтепродукты» в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 защищена 23.09.2005 г. / Е.А. Панкратова. – М., 2005. – 192 с.
7. *Рябова Е.А.* Проблемы и принципы систематизации терминологии: на материале сопоставительного анализа ракетно-космической лексики английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20, защищена 26.02.2010 г. / Е.А. Рябова. – М., 2010. – 208 с.
8. *Тарле Е.В.* Сочинения: В 12-х тт. / Е.В. Тарле. – Т. 3: Континентальная блокада. – М.: АН СССР, 1958. – 652 с.
9. *Crouzet F.* L'Économie britannique et le Blocus continental (1806–1813): 2 vol. / F. Crouzet. – Paris: Les Presses Universitaires de France, 1958. – 949 p.
10. *Ouellet F.* Compte rendu. Ouvrage recensé: CROUZET, François/ F. Ouellet // Revue d'histoire de l'Amérique française, vol. 13. – n°1. – 1959. – P. 131–136.

Справочные и информационные издания

11. URL: <http://dictionary-economics.ru/word/>

References

Istochniki

1. *Dufraisse R.* Politique douanière française, blocus et système continental en Allemagne. – URL: http://www.napoleon.org/fr/salle_lecture/articles/files/Politique_douaniere_francaise_blocus.asp
2. URL: <http://www.douane.gouv.fr/page.asp?id=164>

Literatura

3. *Ageeva O.O.* Osobennosti e'kvivalentnoj sootnositel'nosti e'conomicheskix terminov anglijskogo i russkogo yazy'kov: na materiale terminologii «upravlenie personalom»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20, zashhishhena 16.06.2009 g. / O.O. Ageeva. – М., 2009. – 165 s.
4. *Goroxova E.M.* Osobennosti stanovleniya terminosistemy' «e'cologiya pochvy'» v anglijskom i russkom yazy'kax: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20, zashhishhena 02.11.2007 g. / E.M. Goroxova. – М., 2007. – 247 s.
5. *Zlotnikov M.F.* Kontinentalnaya blokada i Rossiya / M.F. Zlotnikov. – М. – Л.: Nauka, 1966. – 290 s.
6. *Pankratova E.A.* Sravnitel'no-sopostavitel'ny'j analiz razvitiya terminologii «neft' i nefteprodukty'» v anglijskom i russkom yazy'kax: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20, zashhishhena 23.09.2007 g. / E.A. Pankratova. – М., 2005. – 192 s.
7. *Ryabova E.A.* Problemy' i principy' systematizacii terminologii: na materiale sopostavitel'nogo analiza raketno-kosmichskoj leksiki anglijskogo i russkogo yazy'kov: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20, zashhishhena 26.02.2010 g. / E.A. Ryabova. – М., 2010. – 208 s.

8. *Tarle E.V.* Sochineniya: V 12-ti tt. / E.V. Tarle. – Т. 3. Kontinental'naya blokada. – М.: AN SSSR, 1958. – 652 s.

9. *Crouzet F.* L'Économie britannique et le Blocus continental (1806–1813): 2 vol. / F. Crouzet. – Paris: Les Presses Universitaires de France, 1958. – 949 p.

10. *Ouellet F.* Compte rendu. Ouvrage recensé: CROUZET, François / F. Ouellet // Revue d'histoire de l'Amérique française, vol. 13. – n°1. – 1959. – P. 131–136.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. URL:<http://dictionary-economics.ru/word/>

А.П. Ходькова

Современные тенденции употребления местоимений во французской литературе

В статье рассматриваются особенности употребления местоимений различных семантических классов, выявленные путём анализа современной французской литературы последних лет. Отмечено проникновение в литературный язык более свободных правил употребления форм местоимений, свойственных разговорной речи.

The article deals with contemporary peculiarities of using pronouns of different semantic classes revealed by analysis of contemporary French. Less strict rules of using pronouns' forms typical of informal speech have penetrated literary language.

Ключевые слова: семантические подклассы местоимений; литературная норма; разговорный язык; тенденция сближения; размытость границ.

Keywords: semantic classes of pronouns; literary norm; informal language; approximation tendency; vague borders.

Система местоимений французского языка описана давно с различной степенью детализации и с различных позиций [16: с. 233–272; 18: р. 35–38; 25: р. 524–667; 28: р. 88–111]. Не вдаваясь в различия, а иногда и противоречия подходов к выяснению семантических подклассов и функциональных характеристик, обратим внимание на неустойчивость в функционировании некоторых из местоимений, отражённую в современной французской литературе последних десятилетий, и на намечающиеся новые тенденции в их употреблении.

Рассмотрим прежде всего некоторые изменения в системе **личных** местоимений. Общеизвестно, что во французском языке личные местоимения имеют две параллельные формы: 1. Несамостоятельные (приглагольные), которые могут употребляться в функции подлежащего и дополнения (прямого и некоторых косвенных); 2. Самостоятельные, которые употребляются без глагола и могут даже сами быть предложением (— *Qui a faim?* — **Moi.**); они могут употребляться также как приложение к подлежащему или к дополнению (**Moi, j'ai faim; Je te vois, toi**), как косвенное дополнение, представляющее лицо, с различными предлогами (*Je pars sans elle, avec eux*). Что касается последних, то интересно обратить внимание на различия в форме косвенных дополнений, «вбирающих» в себя предлоги *à* и *de*. Здесь отмечаются различия по форме для антропонимов (лиц) и неантропонимов (неодушевлённых предметов и имён животных) [16: с. 124]. Как правило, замещение существительного местоимением происходит следующим образом:

Je parle à mes amis. — Je leur parle.

Je parle de mon frère. — Je parle de lui.

Je parle de ma maison. — J'en parle.

Je pense à mes amis. — Je pense à eux.

Je pense à ma vie (à mes animaux). — J'y pense.

Как видно, данное правило не отличается простотой и стройностью. Его можно суммировать следующим образом: при замещении имён с предлогом *à* неантропонимы принимают местоимение *у*, антропонимы — приглагольные несамостоятельные формы *me, te, lui, nous, vous, leur*. Список некоторых исключений форм дополнений глаголов приводится во всех грамматиках. Это допонения-антропонимы при таких глаголах, как: *penser, s'intéresser, faire attention* и некоторых других. В этой подгруппе дополнений сохраняется предлог *à* и принимается замещение существительного самостоятельной местоименной формой. Дополнения к глаголам с предлогом *de* представляют собой более простую систему: для неантропонимов употребляется местоимение *en*, для антропонимов — самостоятельные формы с сохранением предлога.

Однако во французских грамматиках последних лет находим неоднозначное определение правил употребления местоимений-косвенных дополнений, заменяющих имя-антропоним¹. В некоторых источниках строго определяется, что *en* и *у* не могут представлять лицо, а лишь неодушевлённый предмет, в том числе и абстрактное понятие [20: p. 14].

Но в большинстве источников с большей или меньшей убедительностью отмечается, что в литературном языке местоимения *en* и *у* не могут представлять антропоним, но что такое употребление возможно в разговорной речи. Так, например, в грамматике Ж. Дюбуа и Р. Лагана отмечается, что в разговорной речи *en* может представлять лицо²:

Benoît est absent; j'en parle souvent [22: p. 89]. Заметим, что данная фраза может иметь двойственное содержание: 1. *Nous parlons de Benoît*; 2. *Nous parlons de son absence*.

Однако авторы не касаются второго варианта смысла данной фразы.

М. Грегуар в своей грамматике выражает подобную мысль о местоимениях *en* и *у*, но приводит пример лишь с *en*: — *Tu t'occupes des enfants?* — *Oui, je m'en occupe* [24: p. 98].

В грамматике «Le petit Grevisse» отмечается, что *en* и *у* иногда представляют лицо: *C'est un véritable ami, je ne pourrais jamais oublier les services que j'en ai recus. C'est un homme équivoque, ne vous y fiez pas* [26: p. 155].

Более тонкие нюансы значений *en* и *у* находим у Б. Гайяра и Ж.-П. Колинёна. Грамматисты пишут, что *у* вместо *lui (à lui)* «хорошие» авторы употребляют для стилизации речи детей или простых людей:

Dis-y donc!, Viens-tu donc! j'y dis alors, J'irai chez ma tante à héritage pour y souhaiter un bon anniversaire, Ben! Tu pourrais leur z'y expliquer, à tes parents!

¹ В данной статье мы не касаемся адвербиальных употреблений *en* и *у*.

² В цитируемых источниках приводятся примеры их авторов.

Заметим, что в последнем примере косвенное дополнение *leur* подкрепляется его репризой *z'y*. Что касается местоимения *en*, то авторы отмечают, что оно чаще всего представляет имена неодушевлённые, но может иметь антецедентом и антропоним: *Des danseurs, j'en ai vu beaucoup* [23: p. 71].

Как нетрудно заметить, в данном примере *en* не является косвенным дополнением, а входит в состав прямого дополнения с количественным наречием *beaucoup*. Следовательно, само объяснение излишне, так как здесь не нарушается правило, согласно которому *en*-прямое дополнение может представлять как лицо, так и не-лицо.

В «Grammaire alphabétique» А. Бентолила пишет, что не нужно использовать в литературной речи *en* и *у* для лиц, но отмечает тенденцию к стиранию границ употребления этих местоимений как для предметов, так и для лиц [18: p. 255].

Как отмечает Ж.-П. Колен, подобное употребление данных местоимений для лица существует, но говорящий при этом испытывает некоторое колебание. Так, *Cette fille, j'en suis amoureux* употребляется наряду с *Je suis amoureux d'elle* [21: p. 186]. Что же касается *у*, то его употребление по отношению к лицу является ни нередким, ни неправильным:

Je pense à vous. J'y pense sans cesse. Vous vous intéressez à lui? — Je ne m'y intéresse pas; je m'en divertis.

Но далее приводится реплика, противоречащая тому, что было сказано о фактически свободном выборе в выражении косвенного дополнения между *en*, *у*, с одной стороны, и *de (à) lui*, — с другой. Автор отмечает, что нужно говорить *Je me présente à lui, je m'attaque à lui* [21: p. 594]. Следовательно, автор склоняется к соблюдению установленных правил, хотя оставляет у своих читателей некоторое сомнение.

В грамматике Г. Може употребление *у* для лица отмечается как редкое: *Pensez-vous à votre mère? — Oui, j'y pense.* О местоимении *en* для представления лица не упоминается [26: p. 188].

Как видно из краткого обзора употребления местоимений *en*, *у* в функции косвенного дополнения, в частности, способности этих местоимений представлять антропонимы, в современном французском языке наблюдаются колебания. Заметим, что эти колебания возрастают в последние десятилетия. Если в грамматиках, написанных в 60–70-е годы прошлого века, лишь упоминается о подобном употреблении [22: p. 12], то в грамматиках, изданных в XXI веке, авторы отмечают всё с большей уверенностью «вторжение» данных местоимений в сферу лица.

Эта тенденция подтверждается материалом из современной литературы, представленной примерами авторов разнообразных литературных направлений и стилей (от нормативного литературного Д. Пеннака, Е. Орсенна, Ж. Эшено до сниженно-разговорного Т. Гарсия, А. Гавальды и др.). Однако, как нам думается, пока рано говорить об изменении самого правила. Мы лишь констатируем, что *en* и *у*, представляющие лицо, «проникают» в литературный язык, что очевидно демонстрирует его сближение с разговорной повседневной речью.

Примеров с *en*-лицо немного, некоторые из них двусмысленны:

1. *Cette femme, nous ne l'avons aperçue que quelques secondes et nous en parlons des heures...* [10: p. 242].
2. *Henri Alekan l'estimait beaucoup et voulait en faire son assistant...* [13: p. 28].
3. *Elle avait perdu son père bien trop jeune pour pouvoir s'en souvenir* [3: p. 19].
4. *...Elle est allée chercher Paulette, elle lui a laissé sa chambre, aujourd'hui elle s'en occupe avec une douceur incroyable* [11: p. 434].

Обратим внимание на следующий пример, в котором *de lui* употребляется вместо *en*:

Je n'ai pas une passion pour les mots rares. Mais quelquefois il arrive qu'un mot, en quelque sorte, tombe à pic, déboule au bon moment où j'ai besoin de lui [6: p. 246].

Роман Ж. Эшено «Je m'en vais» написан в классическом литературном стиле. Приведённая фраза взята из диалога автора с представителями издательства «Breal». Общение происходит с использованием нормативной грамматики, однако дополнение *de lui*, которое должно бы представлять лицо, здесь представляет либо метафорически употреблённое слово *mot*, либо речь идёт о смешении представления лица / не-лица.

Что же касается употребления *у* для представления лица, то примеры в литературе крайне редки:

J'y tiens, à mes amis, je les aime, et je n'avais pas envie de te les sacrifier [8: p. 299].

Чаще встречаются примеры употребления форм *à lui*, *lui* вместо *у* для представления неодушевлённого предмета, о чём в грамматиках почти не упоминается:

1. *...Le temps est avec nous depuis que nous avons renoncé à lui en faire gagner* [1: p. 65].
2. *Il y avait encore du courant mais on pouvait lui résister* [2: p. 21].

Не упоминается также в грамматиках и употребление самостоятельных местоименных форм для замещения имени неодушевлённого в функции косвенного дополнения с другими предлогами. Однако такие примеры встречаются, и это ещё раз подчёркивает, что в системе личных местоимений возникла некоторая неопределённость:

1. *Patrice a compris cela et renoncé à l'espoir de la voir remarquer un jour. Il ne l'avait pas connue sans ses béquilles, il l'aimait avec elles* [6: p. 235].

2. *Il inséra un disque dans le lecteur de disques, baissa tout de suite le volume sonore puis changea de disque mais coupa le son avant de rallumer la télévision et de rester debout devant elle un très long moment, sans changer de chaîne ni comprendre ce qu'il en percevait* [14: p. 223].

Краткий анализ научного и фактического материала по проблеме употребления личных местоимений свидетельствует о том, что функционирование местоимений претерпевает некоторые изменения и что чётко установленная норма не всегда соблюдается.

Происходят изменения также и в употреблении **возвратно-личного местоимения *soi***. В грамматиках отмечается, что это местоимение

употребляется в соотношении с такими неопределёнными местоимениями, как *chacun, tout, on*, безличным *il* или существительным с обобщённым значением: *Chacun ne pensait qu'à soi. On ne le fait que pour soi. Il faut être soi. L'égoïste ne pense qu'à soi.*

По отношению к определённому лицу по правилу *soi* не употребляется, а употребляется возвратное личное местоимение, согласующееся с ним в лице и числе: *Je ne pense qu'à moi (-même). Mon ami pense à lui (-même).* Однако это правило не всегда соблюдается, и *soi* употребляется иногда в литературе в соотношении с определённым лицом:

1. *Mais elle n'avait plus le choix, plus d'amarres en réserve, plus d'étapes à brûler, plus de frontière devant soi* [7: p. 247].

2. *Finally la porte s'ouvrit encore et cette fois c'était le docteur Sarradon soi-même* [2: p. 148].

Наблюдаются изменения и в употреблении местоимения *quoi*, которое относится к относительным и к вопросительным в зависимости от его функционирования. Как правило, в том и в другом случае *quoi* употребляется с предлогом: *C'est quelque chose à quoi je m'intéresse. Je sais à quoi tu penses.*

В корпусе наших примеров есть немало таких, в которых *quoi* без предлога употребляется после глаголов *savoir* и *voir* перед инфинитивом вместо местоимения *que*, согласно правилу:

1. *Willie ne voyait pas quoi dire d'autre* [10: p. 149].

2. *Elle savait bien qu'à Paris l'oubli viendrait recouvrir cet été de bruit et de démence qu'elle voulait garder intact jusqu'à savoir quoi en faire* [5: p. 241].

3. *Raphaëlle ne savait pas quoi dire* [2: p. 39].

4. *C'est merveilleux ce que vous avez accompli, je ne sais même pas quoi te dire* [14: p. 120].

5. *Il ne savait plus quoi faire de ses mains* [12: p. 53].

6. *Frédérique devinait que son fils n'était pas dupe, et la jugeait. Mais ne sachant quoi dire qui la justifierait, elle persistait à raconter Lyon...* [7: p. 214].

7. *Oh! pensa-t-elle avec orgueil, Simon allait découvrir ce que c'est de perdre sa femme et sa famille: perdre une partie de soi-même et ne pas savoir quoi faire de l'autre* [9: p. 150].

С. Пуассон-Кэнтон и её соавторы, однако, отмечают, что такое употребление *quoi* не свойственно нормативному языку [27: p. 76]. Представляется, что «проникновение» подобного употребления в литературный язык свидетельствует о желании авторов произведений приблизить литературный язык к разговорно-просторечному.

В системе относительных местоимений наблюдаются некоторые изменения в употреблении местоимения *lequel*. Как известно, данное местоимение вводит придаточное определительное, в структуре которого оно употребляется в сочетании с предлогом в функции косвенного дополнения или обстоятельства. Наиболее полное объяснение нюансов его бес-

предложного употребления в функции подлежащего или прямого дополнения придаточного определительного предложения находим у Г. Може. В современном языке, пишет Г. Може, подлежащее *lequel* может употребляться лишь в некоторых юридических текстах (...*Ont comparu trois témoins, lesquels ont affirmé...*) или в письменной речи, чтобы избежать смешения между двумя возможными antecedентами, различающимися в роде и числе (*Vous savez qu'il y a une édition contrefaite de mon livre, laquelle doit paraître bientôt*). Возможно также, говорит Г. Може, употребление *lequel*, чтобы избежать повторения *qui* (...*les changements radicaux qui sont absolument imprévisibles, sinon dans un avenir lointain, lequel ne relève pas de la politique*) [26: p. 169].

В отобранных нами 10 однотипных примерах, из которых мы приводим лишь 4, где *lequel* употреблён вместо *qui* в функции подлежащего придаточного определительного, лишь в 2-х примерах его появление вызвано необходимостью внести уточнение, какое из существительных главного предложения является его antecedентом (примеры 1, 2). В других же примерах употреблению данного местоимения авторы отдают предпочтение (а не *qui*) по иным художественным причинам, пока не описанным в грамматиках.

1. *Malgré la médiocrité de mon français, je compris vite que ces gens militaient contre le gouvernement pour obtenir la régularisation de certains étrangers, lesquels, réfugiés dans la sacristie, mouraient volontairement de soif et de faim* [15: p. 148].

2. *Au moment où nous allions ressortir sur la route, une voiture blanche se pointa, conduite par Roon, lequel avait replié le toit ouvrant de sa limousine pour l'allonger en élégante décapotable* [15: p. 148].

3. *Nous les regardions progresser vers le fuyard, lequel se comportait avec bizarrerie, davantage comme un fou que comme un voleur* [15: p. 57].

4. *Ca fait des enfants malheureux et les enfants malheureux ça fait des adultes mauvais, disait-elle à son Simon, lequel attendait que sa mère en eût terminé, mais ne l'écoutait pas* [9: p. 18].

Заметим, что в использовании относительного *lequel* в качестве подлежащего проявляются индивидуальные художественные пристрастия авторов, например, Э.-Э. Шмитта.

В заключение отметим, что описанные особенности употребления личных местоимений *en*, *у* в противопоставлении *de lui*, *à lui*, представляющих лицо, возвратно-личного *soi*, косвенно-вопросительного *quoi*, относительного *lequel* как подлежащего придаточного относительного предложения не могут считаться в настоящее время нормативными, однако они не остаются незамеченными. Мы можем лишь констатировать определённую размытость границ между подклассами местоимений и тенденцию сближения функционирования местоимений в языке литературной нормы с более свободным выбором форм местоимений в разговорной речи.

Библиографический список

Источники

1. *Barbery M.* L'élégance de l'hérisson / M. Barbery. – Paris: Gallimard, 2006. – 410 p.
2. *Bourdin F.* Mano a mano / F. Bourdin. – Paris: Pocket, 2011. – 254 p.
3. *Carrère E.* D'autres vies que la mienne / E. Carrère. – Paris: P.O.L. éditeur, 2009. – 334 p.
4. *Carrère E.* Hors d'attente? / E. Carrère. – Paris: P.O.L. éditeur, 1988. – 279 p.
5. *Carrère E.* Un roman russe / E. Carrère. – Paris: P.O.L. éditeur, 2007. – 399 p.
6. *Echenoz J.* Je m'en vais / J. Echenoz. – Paris: Les éditions de Minuit, 2001. – 250 p.
7. *Garcia T.* La meilleure part des hommes / T. Garcia. – Paris: Gallimard, 2008. – 359 p.
8. *Gavalda A.* Ensemble, c'est tout / A. Gavalda. – Paris: Le dilettante, 2004. – 573 p.
9. *Gavalda A.* Je l'aimais / A. Gavalda. – Paris: Le dilettante, 2002. – 155 p.
10. *Houellebecq M.* Les particules élémentaires / M. Houellebecq. – Paris: Flammarion, 1998. – 316 p.
11. *Levy M.* Mes amis mes amours / M. Levy. – Paris: Editions Robert Laffont, 2006. – 338 p.
12. *Orsenna E.* Madame Bâ / E. Orsenna. – Paris: Fayard/Stock, 2003. – 506 p.
13. *Pennac D.* Comme un roman / D. Pennac. – Paris: Gallimard, 1992. – 198 p.
14. *Schmitt E.-E.* La rêveuse d'Ostende / E.-E. Schmitt. – Paris: Albin Michel, 2007. – 246 p.
15. *Schmitt E.-E.* Ulysse from Bagdad / E.-E. Schmitt. – Paris: Albin Michel, 2008. – 273 p.

Литература

16. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 831 с.
17. *Илия Л.И.* Очерки по грамматике современного французского языка / Л.И. Илия. – М.: Высшая школа, 1970. – 176 с.
18. *Bentolila A.* Grammaire alphabétique / A. Bentolila. – Paris: Nathan, 2007. – 383 p.
19. *Chevalier J.-C.* Grammaire Larousse du français contemporain / J.-C. Chevalier, C. Blanche-Benveniste, M. Arrivé, J. Peytard. – Paris: Larousse, 1964. – 494 p.
20. *Chollet I.* Précis de Grammaire / I. Chollet, J.-M. Robert. – Paris: CLE international, 2009. – 224 p.
21. *Colin J.-P.* Difficultés du français / J.-P. Colin. – Paris: Le Robert, 2004. – 623 p.
22. *Dubois J.* La nouvelle grammaire du français / J. Dubois, R. Lagane. – Paris: Larousse, 2001. – 266 p.
23. *Gaillard B.* Toute la grammaire / B. Gaillard, J.-P. Colignon. – Paris: Magnard et Dicos d'or, 2005. – 256 p.
24. *Grégoire M.* Grammaire progressive du Français / M. Grégoire. – Paris: CLE international / Sejer, 2012. – 287 p.
25. *Grevisse M.* Le bon usage / M. Grevisse. – Paris: Duculot, 1980. – 1519 p.
26. *Mauger G.* Grammaire pratique du français d'aujourd'hui / G. Mauger. – Paris: Hachette, 1968. – 419 p.
27. *Poisson-Quinton S.* Grammaire expliquée française / S. Poisson-Quinton, R. Mimran, M. Mahéo-Le Coadic. – Paris: CLE international, 2005. – 430 p.

28. *Tarassova A.* Grammaire française d'aujourd'hui / A. Tarassova. – Т. 1. – М.: NESTOR, 2006. – 526 p.

Справочные и информационные издания

29. *Robert P.* Le petit Robert: en 2 vol. / P. Robert. – Т. 1. – Paris: Le Robert, 2012. – 2839 p.

References

Istochniki

1. *Barbery M.* L'élégance de l'hérisson / M. Barbery. – Paris: Gallimard, 2006. – 410 p.
2. *Bourdin F.* Mano a mano / F. Bourdin. – Paris: Pocket, 2011. – 254 p.
3. *Carrère E.* D'autres vies que la mienne / E. Carrère. – Paris: P.O.L. éditeur, 2009. – 334 p.
4. *Carrère E.* Hors d'attente? / E. Carrère. – Paris: P.O.L. éditeur, 1988. – 279 p.
5. *Carrère E.* Un roman russe / E. Carrère. – Paris: P.O.L. éditeur, 2007. – 399 p.
6. *Echenoz J.* Je m'en vais / J. Echenoz. – Paris: Les éditions de Minuit, 2001. – 250 p.
7. *Garcia T.* La meilleure part des hommes / T. Garcia. – Paris: Gallimard, 2008. – 359 p.
8. *Gavalda A.* Ensemble, c'est tout / A. Gavalda. – Paris: Le dilettante, 2004. – 573 p.
9. *Gavalda A.* Je l'aimais / A. Gavalda. – Paris: Le dilettante, 2002. – 155 p.
10. *Houellebecq M.* Les particules élémentaires / M. Houellebecq. – Paris: Flammarion, 1998. – 316 p.
11. *Levy M.* Mes amis mes amours / M. Levy. – Paris: Editions Robert Laffont, 2006. – 338 p.
12. *Orsenna E.* Madame Bâ / E. Orsenna. – Paris: Fayard/Stock, 2003. – 506 p.
13. *Pennac D.* Comme un roman / D. Pennac. – Paris: Gallimard, 1992. – 198 p.
14. *Schmitt E.-E.* La rêveuse d'Ostende / E.-E. Schmitt. – Paris: Albin Michel, 2007. – 246 p.
15. *Schmitt E.-E.* Ulysse from Bagdad / E.-E. Schmitt. – Paris: Albin Michel, 2008. – 273 p.

Literatura

16. *Gak V.G.* Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazy'ka / V.G. Gak. – М.: Dobrosvet, 2000. – 831 s.
17. *Iliya L.I.* Ocherki po grammatike sovremennogo francuzskogo yazy'ka / L.I. Iliya. – М.: Vy'sshaya shkola, 1970. – 176 s.
18. *Bentolila A.* Grammaire alphabétique / A. Bentolila. – Paris: Nathan, 2007. – 383 p.
19. *Chevalier J.-C.* Grammaire Larousse du français contemporain / J.-C. Chevalier, C. Blanche-Benveniste, M. Arrivé, J. Peytard. – Paris: Larousse, 1964. – 494 p.
20. *Chollet I.* Précis de Grammaire / I. Chollet, J.-M. Robert. – Paris: CLE international, 2009. – 224 p.
21. *Colin J.-P.* Difficultés du français / J.-P. Colin. – Paris: Le Robert, 2004. – 623 p.
22. *Dubois J.* La nouvelle grammaire du français / J. Dubois, R. Lagane. – Paris: Larousse, 2001. – 266 p.
23. *Gaillard B.* Toute la grammaire / B. Gaillard, J.-P. Colignon. – Paris: Magnard et Dicos d'or, 2005. – 256 p.

24. *Grégoire M.* Grammaire progressive du Français / M. Grégoire. – Paris: CLE international / Sejer, 2012. – 287 p.
25. *Grevisse M.* Le bon usage / M. Grevisse. – Paris: Duculot, 1980. – 1519 p.
26. *Mauger G.* Grammaire pratique du français d'aujourd'hui / G. Mauger. – Paris: Hachette, 1968. – 419 p.
27. *Poisson-Quinton S.* Grammaire expliquée française / S. Poisson-Quinton, R. Mimiran, M. Mahéo-Le Coadic. – Paris: CLE international, 2005. – 430 p.
28. *Tarassova A.* Grammaire française d'aujourd'hui / A. Tarassova. – T. 1. – M.: NESTOR, 2006. – 526 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

29. *Robert P.* Le petit Robert: en 2 vol. / P. Robert. – T. 1. – Paris: Le Robert, 2012. – 2839 p.

О.А. Сулейманова

Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra

В статье рассматриваются основные виды лингвистического эксперимента: в лингвистической типологии, психолингвистике и семантике. Проводится их разграничение на основе учёта исследуемого материала, цели исследования, формата проведения эксперимента и прогнозируемого результата. Обсуждается также статистическая составляющая экспериментов (требуемое в каждом случае количество информантов), роль интроспекции.

The paper focuses on basic types of linguistic experiments: in linguistic typology, psycholinguistics, and semantics. They are distinguished according to the linguistic material, the final goal pursued by the researcher, their format, and expected results. The emphasis is on statistical (quantity) and quality aspects of experiment, the role of introspection.

Ключевые слова: семантика; типология; психолингвистика; эксперимент; информант; интроспекция.

Keywords: semantics; typology; psycholinguistics; experiment; informant; introspection.

В современной лингвистике в принципе сложились традиции экспериментальной работы; лингвисты в рамках различных парадигм опираются на экспериментальные методики, которые, однако, не всегда эксплицированы, что может приводить к разногласиям в интерпретации результатов экспериментов и к сомнениям в их валидности. Это может обуславливаться также и тем, что нечётко определены особенности видов лингвистического эксперимента. Так, по-прежнему распространено представление, что семантический эксперимент — это разновидность полевого, «регистрирующего» языковые факты; или что он схож с психолингвистическим — к нему предъявляются требования, которым он по определению не должен соответствовать. Возникает необходимость чётче разграничить психолингвистический, типологический и семантический эксперимент, а также эксплицировать ключевые требования к ним.

Основные виды лингвистических экспериментов. Виды экспериментов, при определённых общих принципах, различны по своим исходным познавательным установкам, задачам, формату проведения и прогнозируемым результатам — т. е. по ключевым параметрам, и таким образом, например, семантический эксперимент имеет мало общего с применяемыми в психолингвистике, в лингвистической типологии, где сложились свои традиции экспериментальной работы.

Характер исследуемого материала. В лингвистической типологии «изучаемый язык не является родным и на начальной стадии может быть вообще неизвестным» [2: с. 39] для исследователя; важно введение в круг интересов новых языковых пространств с целью расширения доказательной базы [2: с. 40]; ставится задача накопления корпуса данных, на основе которых далее выявляется системно закодированная языковая система; результаты типологических экспериментальных исследований часто ориентированы на лингвиста, не знающего данный язык. Для семантики, напротив, важно исследовать либо родной, либо хорошо изученный иностранный язык — описание строится на основе уже описанной единицы, результаты анализа ориентированы на применение в преподавании, в лексикографии. В психолингвистике исследование может строиться на материале как родного, так и неродного языка, необходимым условием является его хорошее знание (что сближает его с семантическим экспериментом).

Цель описания. В семантическом эксперименте ставится задача получения в конечном итоге адекватного описания семантики языковой единицы. При проведении психолингвистического (ассоциативного [11], многофакторного шкалирования, анкетирования, составления денотатной цепочки, классификационного [4]) эксперимента ставится задача выяснить, как представлены ментальные сущности — структуры (языкового) знания (как правило, языковые единицы) в сознании индивида (носителя языка) и общества, насколько тесна/опосредована связь между ними и под. (Не исследуется семантика языковой единицы — то, что дано нам в индивидуальном и совокупном языковом опыте, то, что можно «наблюдать» при их употреблении — напротив, исследуется то, как взаимодействуют единицы в языковом сознании, т. е. то, что не поддаётся никакому наблюдению.) Так, в экспериментальном исследовании имён цвета в известной работе Р.М. Фрумкиной [11] на основе метода свободной классификации устанавливается кластерная структура поля цветообозначений, устанавливается степень близости единиц-цветообозначений, их «родства». По сути, ассоциативный эксперимент позволяет воссоздать глубокие связи между словами и соответственно между явлениями объективной действительности [6: с. 27]. Типологический эксперимент ставит задачу получения описания языковой системы — на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях, что получает выражение в практически направленных проектах — в виде описаний грамматик и основанных на них практических учебников, фонетических и морфологических систем.

Формат работы. Различия в целях и задачах исследования определяют различия в формате работы с информантами — в полевой лингвистике используется свойство информанта «бесконтрольно использовать язык в коммуникативных целях» [2: с. 271] в естественно / искусственно заданной ситуации. От него часто требуется создать текст (по теме, картинке) спонтанно, на основе ассоциаций [2: с. 272–273]. Важна спонтанность речи, естественное её производство. В семантическом эксперименте ситуация создается искусственно — информант не использует язык спонтанно, от него требуется оценить созданный исследователем/подобранный согласно заданным параметрам текст, обычно равный предложению или несколько больше (в целях обеспечения более однозначного контекста) с точки зрения его соответствия представлениям информанта о языковой норме — не требуется быстрота реакции, важна продуманность оценки, предполагающая способность информанта осознанно относиться к своей речевой деятельности и умение вдумчиво оценивать предлагаемое речевое произведение; при этом время оценивания предложений не ограничено. При проведении ассоциативного эксперимента упор делается на спонтанную реакцию индивида (первое, что приходит в голову), важна скорость реакции.

Количество информантов. В силу того что (семантические) отношения недоступны непосредственному наблюдению, особую значимость приобретает статистический параметр эксперимента — величина выборки, степень её репрезентативности определяет в конечном итоге валидность результатов. Иными словами, в семантическом эксперименте, равно как и в распространённом ассоциативном, где, — не имея иного доступа в ментальные структуры, — исследователь опрашивает большое число респондентов, именно статистика позволяет утверждать, что полученные результаты отражают представления не только данной конкретной группы индивидов, но валидны и для (в идеале — всего) языкового сообщества (или для предполагаемой группы).

В силу различий типов лингвистического эксперимента различно и требуемое количество (а также качество) информантов. Для семантического эксперимента, по разным данным, достаточно опросить 12–15 информантов [3]. Для определения достаточного количества информантов [7] проведено специальное исследование, в котором автор исходил из того, что каждая полученная от информанта оценка (представленная в цифровой форме — 1, 2, 3, 4) рассматривается (как это принято в математической статистике, оперирующей именно величинами, репрезентирующими экспериментальные цифровые данные) как случайная величина. Всякая случайная величина представляет собой сочетание детерминированной, объективной составляющей (отражающей языковую систему в нашем случае) и субъективной (отражающей субъективный фактор — настроение информанта, его самочувствие и др.). Опытным путём была получена совокупность оценок, которая далее обрабатывалась по хорошо разработанным методикам и алгоритмам математической теории вероятностей. Было выяснено, что хорошие результаты, попадающие

в так называемый доверительный интервал, показаны уже на выборке в 25–40 событий (величину выборки составляет произведение числа высказываний на число информантов), и увеличение числа высказываний/информантов уже не меняет общую картину. Проведя ряд таких специальных опытных опросов, мы пришли к выводу, что в норме достаточно опросить 5–8 информантов, при условии, что для опроса предлагается не менее 5 высказываний (с тем чтобы величина выборки и составила величину в 25–40 событий).

Помимо аппарата математической статистики в пользу данных цифр свидетельствует и весь формат семантического эксперимента, а именно: как отмечал ещё Л.В. Щерба, построив некую отвлечённую систему, необходимо проверять её на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые из неё факты действительности. Иными словами, сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз, применяя это правило [12: с. 31–32]. Таким образом, выдвинув гипотезу и экспериментально её проверив, исследователь может далее строить высказывания с учётом данной гипотезы, поверяя её языковой практикой — оценивая (с опорой на своё языковое чувство) правильность или неправильность полученного высказывания (чего нельзя сделать, например, в психолингвистическом эксперименте, где непосредственно не наблюдаемы и не даны нам в чувственном опыте сведения о том, как организованы языковые значения в сознании индивида).

Тем самым каждый раз имеет место верификация описания (что невозможно при ассоциативном эксперименте — при проведении ассоциативного эксперимента для многократной верификации требуется специальная постановка эксперимента, исследователю дана лишь своя интроспекция, которая при ассоциативном эксперименте несвободна от теоретических установок исследователя).

Интроспекция. При обсуждении экспериментальных лингвистических практик спорными традиционно являются вопрос о статусе интроспекции и о том, насколько ей можно доверять. Сравним, например, работу [10], где автор полагает, что «в когнитивной науке данные, полученные в результате интроспекции, не считаются надёжным основанием», полагаясь при этом на более надёжные, по их мнению, бихевиористские методы (ссылаясь на работы Р. Гиббса) и далее симбиоз этих методов (с добавлением нейрофизиологии) [10: с. 46–47]. Как представляется, говоря об ограниченности описательной силы интроспекции, особенно при проведении семантического эксперимента, исследователи экстраполируют интроспекцию на два различных явления, что и заставляет их делать выводы о её бесперспективности как составляющей экспериментальной методики. Действительно, в семантическом исследовании имеет место опора на интроспекцию в случае, когда информант оценивает правильность/неправильность предлагаемого речевого произведения, делая это с опорой на свою интроспекцию, которую в таком случае точнее назвать не интроспекцией, а языковым чувством носителя языка.

Экспериментатор также является информантом (как и любой другой носитель языка), оценивая не гипотезу(!), а высказывание с точки зрения его правильности/неправильности («так говорят» или «так не говорят»), и в таком случае он имеет безусловное право на интроспекцию. Сходным образом психолингвистический эксперимент опирается на ответы информанта, продуцируемые с опорой на своё (языковое) чувство, на интроспекцию. Л.В. Щерба в своё время, в сущности, привёл аргументы в пользу такого понимания интроспекции, отмечая, что «путём непосредственного самонаблюдения нельзя констатировать, например, “значений” условной формы глагола в русском языке. Однако, экспериментируя, т. е. <...> ставя исследуемую форму в разнообразных условиях и наблюдая получающиеся при этом “смыслы”, можно сделать несомненные выводы об этих “значениях”. <...> При таком понимании дела отпадают <...> упреки в “субъективности” получаемых подобным методом лингвистических данных. <...> С распространённой боязнью, что при таком методе будет исследоваться “индивидуальная речевая система”, а не языковая система, надо покончить раз навсегда. <...> Говорящий <...> говорит не для себя, а для окружения» [12: с. 33–34].

Однако не этот вид интроспекции вызывает сомнения у критиков — говоря о её ненадёжности, по-видимому, имеют в виду то, каким образом в семантике исследователь приходит к гипотезе. Здесь следует признать, что в принципе этап выдвижения гипотезы в любой области науки основан в известной степени на субъективных представлениях (которые и призваны снять последующий эксперимент — и здесь лингвистика не одинока), только в семантике эти субъективные представления касаются также и предмета исследования — языка. Любое гипотетическое представление интроспективно, однако экспериментальная проверка вполне позволяет снять связанную с ней интроспективность. Более того, противопоставление интроспекции и бихевиористских методик не носит абсолютного характера — в семантическом эксперименте (в частности, в его отечественной традиции, представленной работами Ю.Д. Апресяна, О.Н. Селивёрстовой и многих других) удачно соединены оба вида интроспекции, а также и бихевиористские методики. Например, именно на основе анализа поведения языковой единицы формулируется, проверяется и далее уточняется в режиме нескольких итераций исходная гипотеза о значении языковой единицы. Таким образом, интроспекция составляет обязательный компонент научного исследования, однако нуждается в экспериментальной проверке.

Семантический эксперимент. Трудности в постановке семантического эксперимента (как и в целом лингвистического) обусловлены тем, что в качестве прибора выступает человек. Это не означает вместе с тем, что полученные данные субъективны; как отмечал ещё Л.В. Щерба, «два человека с одинаковым социальным прошлым <...> будучи поставлены в одинаковые условия деятельности и момента, возымеют одну и ту же мысль, <...> в язы-

ковой системе мы, очевидно, имеем <...> нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы» [12: с. 26–27]. Ср. также его анализ того, «в каком отношении находится “психофизиологическая организация” владеющего данным языком индивида к этой выводимой лингвистами из языкового материала языковой системе. Очевидно, что она является её индивидуальным проявлением» [12: с. 27]. Иными словами, основой методики можно признать принцип рекурсивности, известный в лингвистике ещё со времён В. фон Гумбольдта, который отмечал, что «язык предполагает обращение к отличному от нас и понимающему нас существу» [1: с. 63–64].

Теоретическое обоснование семантического эксперимента. Во-первых, объективным основанием служит совпадение в принципе языковых кодов говорящих, что и делает возможным понимание между людьми, говорящими на одном языке (несовпадение языковых кодов говорящих возможно — чаще всего оно обусловлено возрастными и социальными факторами — ср. язык различных социумов, поколений). Во-вторых, употребление языковой единицы произвольно, оно подчиняется определённым законам, не зависящим от говорящего. По словам Л.В. Щербы, эксперимент и основан на «оценочном чувстве правильности или неправильности того или иного речевого высказывания, его возможности или абсолютной невозможности <...> чувство это <...> обосновано, являясь функцией языковой системы <...>, а потому и может служить для исследования этой последней» [12: с. 33]. Можно утверждать, что полученные результаты отражают в целом языковую систему — самым сильным аргументом в пользу этого служит то, что, пользуясь языковым кодом, говорящий и слушающий в норме понимают друг друга. В противном случае понимание было бы невозможно, и само существование языка теряло бы смысл, поскольку не выполняло бы своей основной функции — коммуникативной. Более того, возможное возражение о том, что «информант может наговорить всё что угодно», не имеет под собой оснований, поскольку от информанта требуется только оценить правильность или неправильность предложенной ему фразы, он должен всего лишь сказать «так говорят» или «так не говорят». Сходным образом утверждение о том, что при семантических исследованиях «информанты всё описали», а роль исследователя минимальна, также не имеет оснований: информант — это «прибор», работающий в системе количественных полаганий (часто практически в двоичной системе + / –), в рамках заданной системы оценок (обычно от 1 до 4 / от 4 до 1). Даже если исследователь и получает комментарии информанта, который таким образом пытается вербализовать своё языковое чувство, эти комментарии находят объяснение после проведения исследования. Утверждать, что полученные от информанта оценки субъективны (= ненадёжны), заставляет наличие наблюдаемых расхождений в оценках информантов. Действительно, даже в идеально поставленном эксперименте (см. примеры разработки таких экспериментов в [5], а также психолингвистический эксперимент в [11]) оценки информантов (или в описываемом психолингвистическом эксперименте — создаваемые информантами классифи-

кации) могут несколько различаться в силу действия субъективных факторов. Это происходит потому, что говорящий руководствуется, с одной стороны, своим языковым чутьём (в значительной степени совпадающим с чутьём других носителей языка), а с другой стороны, на его ответ может повлиять обстановка эксперимента, его самочувствие и прочие субъективные факторы. Они являются одной из причин, вызывающих недоверие к результатам эксперимента, и представляют объективную трудность в его проведении.

Трудности в постановке эксперимента. Даже при условии, что эксперимент тщательно разработан и соблюдены все требования к его постановке, в результатах опроса неизбежно возникают расхождения между оценками информантов. Эти расхождения могут быть значимыми, а могут быть обусловлены случайными факторами. Значимые могут быть связаны с некорректностью/погрешностью в постановке эксперимента [5], вызваны несовпадением языковых кодов говорящих, а также возможностью различного осмысления самой денотативной ситуации.

Они поддаются коррекции на стадии разработки эксперимента. Расхождения же в оценках, обусловленные случайными факторами, могут быть вызваны психологическими факторами — влияние окружающей обстановки (информант отвлекается), усталость, иногда несерьёзное отношение к эксперименту, влияние соседа; субъективностью восприятия самой шкалы оценок (при выборе шкалы оценок необходимо учитывать национально-культурную специфику системы оценки) [8: с. 9]. Таких случайных расхождений невозможно избежать, однако существуют математико-статистические методы, позволяющие отделить фактор случайности от оценки, детерминированной структурой языка, — например, метод экспертных оценок.

Можно также диагностировать информанта с точки зрения его компетентности (коэффициент компетентности), которая измеряется по степени согласованности его оценок с групповой оценкой высказываний. При достаточном коэффициенте компетентности информанта он рассматривается как надёжный и с ним можно работать дальше [9: с. 84–89]. Не менее важной представляется величина степени согласованности мнений информантов, или дисперсионный коэффициент конкордации, который показывает, есть согласованность между оценками различных информантов или отсутствует. При значении коэффициента больше нормативного результаты опроса считаются валидными, группа информантов — достоверной. Однако главное следствие такого результата состоит в том, что лингвистический эксперимент приходится признать успешным, экспериментальные процедуры — полностью соответствующими принятым требованиям к постановке эксперимента, а результаты эксперимента — валидными [9: с. 87–92].

Таким образом, получаемые от информантов цифровые данные (оценки) объективны относительно языковой системы: оценивая высказывания, информант руководствуется не зависимыми от него законами языка; результаты экспертного оценивания могут подвергаться обработке при помощи математико-статистического аппарата; в результате можно получить математическое

выражение степени согласованности мнений информантов и, как следствие, достоверности данных ими оценок; высокая степень согласованности оценок, в свою очередь, свидетельствует о надёжности группы информантов и возможности работы с данной группой в дальнейшем.

Библиографический список

Литература

1. *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 396 с.
2. *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке) / А.Е. Кибрик. – М.: URSS, 2001. – 332 с.
3. *Лич Дж.Н.* К теории и практике семантического эксперимента / Дж.Н. Лич // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 14. – М.: Прогресс, 1983. – С. 108–132.
4. *Маслова В.А.* Ассоциативный эксперимент как один из методов исследования лексической антонимии / В.А. Маслова // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981. – С. 60–68.
5. *Селивёрстова О.Н.* Эксперимент в семантике / О.Н. Селивёрстова, О.А. Сулейманова // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – Т. 47. – 1988. – С. 431–443.
6. *Соловьёва Н.В.* Изучение ассоциативных полей ряда русских глаголов / Н.В. Соловьёва // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – С. 27–42.
7. *Сулейманова О.А.* К обоснованию экспериментальной методики в семантике / О.А. Сулейманова // Грамматические и семантические исследования языков разных систем. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1986. – С. 142–151.
8. *Сулейманова О.А.* Принципы и методы семантических исследований / О.А. Сулейманова, М.А. Фомина. – М.: МГПУ, 2010. – 120 с.
9. *Сулейманова О.А.* Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений / О.А. Сулейманова. – М.: Диалог МГУ, 1999. – 222 с.
10. *Тимофеева М.К.* Экспериментальные методы когнитивной лингвистики / М.К. Тимофеева // Современные парадигмы языкознания. – М.: АСОУ, ИНИОН РАН, 2010. – С. 8–23.
11. *Фрумкина Р.М.* Экспериментальное изучение семантических отношений в группе слов-цветообозначений / Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев, А.В. Терёхина. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1982. – 39 с.
12. *Щерба Л.В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 24–30.

References

Literatura

1. *Gumbol'dt V. von* Izbranny'e trudy' po yazy'koznaniyu / V. von Gumbol'dt. – М.: Progress, 1984. – 396 s.
2. *Kibrik A.E.* Oчерки po obshhim i prikladny'm voprosam yazy'koznaniya (universal'noe, tipovoe i specificheskoe v yazy'ke) / A.E. Kibrik. – М.: URSS, 2001. – 332 s.

3. *Lich Dzh.X.* K teorii i praktike semanticheskogo e'ksperimenta / Dzh.X. Lich // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. – Vy'p.14. – M.: Progress, 1983. – S. 108–132.
4. *Maslova V.A.* Associativny'j e'ksperiment kak odin iz metodov issledovaniya leksicheskoy antonimii / V.A. Maslova // *Psixolingvisticheskie issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki*. – Kalinin: Kalinin. gos. un-t, 1981. – S. 60–68.
5. *Selivyorstova O.N.* E'ksperiment v semantike / O.N. Selivyorstova, O.A. Sulejmanova // *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury' i yazy'ka*. – T. 47. – 1988. – S. 431–443.
6. *Solov'yova N.V.* Izuchenie associativny'x polej ryada russkix glagolov / N.V. Solovyova // *Psixolingvisticheskie issledovaniya znacheniya slova i ponimaniya teksta*. – Kalinin: Kalinin. gos. un-t, 1988. – S. 27–42.
7. *Sulejmanova O.A.* K obosnovaniyu e'ksperimental'noj metodiki v semantike / O.A. Sulejmanova // *Grammaticheskie i semanticheskie issledovaniya yazy'kov razny'x sistem*. – Kalinin: Kalinin. gos. un-t, 1986. – S. 142–151.
8. *Sulejmanova O.A.* Principy' i metody' semanticheskix issledovanij / O.A. Sulejmanova, M.A. Fomina. – M.: MGPU, 2010. – 120 s.
9. *Sulejmanova O.A.* Problemy' russkogo sintaksisa: Semantika bezlichny'x predlozhenij / O.A. Sulejmanova. – M.: Dialog MGU, 1999. – 222 s.
10. *Timofeeva M.K.* E'ksperimental'ny'e metody' kognitivnoj lingvistiki / M.K. Timofeeva // *Sovremenny'e paradigmy' yazy'koznaniya*. – M.: ASOU, INION RAN, 2010. – S. 8–23.
11. *Frumkina R.M.* E'ksperimental'noe izuchenie semanticheskix otnoshenij v gruppe slov-czvetoooboznachenij / R.M. Frumkina, A.V. Mixeev, A.V. Teryoxina. – M.: Institut russkogo yazy'ka AN SSSR, 1982. – 39 s.
12. *Shherba L.V.* O troyakom aspekte yazy'kovy'x yavlenij i ob e'ksperimente v yazy'koznanii / L.V. Shherba // *Shherba L.V. Yazy'kovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. – 2-e izd., stereotip. – M.: Editorial URSS, 2004. – S. 24–30.

Л.П. Амири

Параграфемные средства языковой игры как паралингвистические реалии в рекламной коммуникации

Статья посвящена рассмотрению параграфемных элементов в рекламных текстах. Паралингвистические средства носят не только комплементарный, но и коннотативный характер; участвуют в смыслообразовании рекламного сообщения и способствуют акцентуализации той или иной части порождаемого смысла. Особое внимание уделяется их анализу как экспрессивных единиц.

This article is devoted to the use of paragraphemic elements in advertising texts. Paralinguistic media are not merely complements to primary communicative units, but in fact contribute connotative meaning of their own. They participate in the construction of meaning within the advertising message, and they help focus the attention of the recipient of the text on specific components of the message. Particular attention is directed at their use as expressive units.

Ключевые слова: паралингвистика; языковая игра; параграфемные элементы; рекламный текст; графодериваты.

Keywords: paralinguistics; language play; paragraphemic elements; advertising text; graphoderivates.

Актуальность статьи обусловлена тем фактом, что явления паралингвистики приобретают всё большее распространение в рекламе. Визуальные средства подачи информации — важный канал донесения смысла рекламного сообщения, способ его компрессии. В отличие от вербальных элементов невербальные элементы всегда рассчитаны на зрительное восприятие. В большинстве случаев один-единственный знак символической или иконической природы в состоянии передать общую направленность смысла. Цель статьи — продемонстрировать особое материальное выражение и комплементарный характер параграфемных элементов. Предметом исследования является фактическое, материальное выражение паралингвистических средств. Материалом для написания статьи послужили примеры современной рекламной коммуникации.

Явления паралингвистики — относительно новое введение в рамках рекламного дискурса. В широком понимании применение пиктографики как средства коммуникации для передачи информации известно ещё с древних времен, хотя использование собственно параграфемных элементов в рамках рекламного текста — изобретение относительно новое. Паралингвистиче-

ские реалии в широком смысле являются единицей коммуникации и могут быть «представлены в виде поля средств, определяющих внешнюю организацию текста, создающих как бы его “оптический образ”. К полю паралингвистических средств относятся: графическая сегментация текста и его расположение на бумаге, шрифтовой и красочный наборы, типографские знаки, цифры, средства иконического языка (рисунки, фотографии, таблицы, схемы и др.), необычное написание и нестандартная расстановка пунктуационных знаков» [2: с. 71]. Все случаи игры с графическими средствами языка можно именовать общим термином *графодеривация*, а сами единицы — *графодериватами* [8]. «Способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т. п.)» называют также *графиксацией* [5: с. 76].

Термин «паралингвистические реалии» мы используем в широком смысле, понимая под ним все графические средства. Что касается более узкого определения «параграфемные элементы», то под ним понимаются средства шрифтового выделения (написание прописными буквами, варьирование шрифтов, сочетание различных алфавитных систем), нестандартное расположение текста и использование пунктуационных знаков (запятой, вопросительного и восклицательного знаков, скобок, кавычек и др.), различных символов (математических, денежных, физических и др.). Параграфемные элементы можно разделить на три основные группы: синграфемика (механизмы пунктуационного варьирования); супраграфемика (механизмы шрифтового варьирования); топографемика (механизмы варьирования плоскостной синтагматики текста) [6: с. 120–121].

Паралингвистические реалии могут быть как иконической, так и символической природы (физические символы), причём в этом случае коммуникация возможна только при наличии фоновых знаний, а перевод в другую знаковую систему может быть осуществлён только описательно-языковым способом, иначе нечитаемый символ станет причиной коммуникативного провала [10: с. 129].

В рамках данной работы нас интересуют только те рекламные тексты, в которых использование паралингвистических реалий направлено на реализацию воздействующей функции в языке рекламы. Рассматриваемые элементы обладают такими параметрами, как экспрессивность и информативность (являются самодостаточными, «самостоятельными» носителями информации).

По характеру реализации они более близки к вербальному ряду, чем, например, паралингвистические реалии иконической природы, используются в качестве «смыслодополняющих» средств, вносят семантические и коннотативные и экспрессивные оттенки в его содержание, им всем свойственны внутрисемантические отношения, или синсемантические отношения, для которых характерна тесная внутритекстовая спаянность и которым соответствуют структурная или дейктическая связь [2: с. 74]. Однако следует внести несколько уточнений. Так, под струк-

турной связью в рамках данной работы понимается внедрение знака иконической или символической природы как во внутреннюю, так и внешнюю структуру вербального знака, а не только его замена. Речь идёт скорее о морфемных, чем о синтаксических связях внутри предложения. В случае замены вербального компонента или знака полностью следует говорить скорее о создании *пиктолексемы* (термин наш. — Л.А.). Что касается дейктической связи, то сам параграфемный элемент обладает заложенной в него информацией аллюзивного характера, которая должным образом воссоздается в конкретной текстовой реализации. В ряде случаев дейктическая связь представляет собой ссылку на иконический компонент — рисунок или изображение, но это происходит, только когда присутствие иконического компонента является необходимым для семантической трансформации рекламного сообщения. В качестве языкового маркера чаще всего выступает сам вербальный компонент, на базе которого и реализуется графическая игра.

Рассмотрим примеры рекламных текстов, демонстрирующих разнообразие параграфемных элементов.

1. Математические знаки:

– арабские цифры:

1) полная замена части вербального сегмента цифровым: *Сеть универсамов «7я»* («Семья»). В данной графической контаминации цифра 7 произносится полностью, а графодериват читается как слово «семья»; *«Кириешки — на100ящие сухарики»* (реклама сухариков «Кириешки»), *«Новый АРИ100КРАТ в русском стиле»* (реклама сигарет «Аристократ»), *«На100ящие сейфы — беспроцентный кредит»* (реклама мебельного магазина). Здесь имеет место замена части слова [сто] цифрой 100;

2) частичная замена вербального сегмента цифровым: *«4ернила у нас лучшая канцелярия»* (реклама магазина «Чернила»). Цифра 4 автоматически прочитывается как буква ч. *«Н08АЯ КОЛЛЕКЦИЯ»* (реклама коллекции одежды 2008 г.). В случае замены буквы О на цифру 0 игра основана на сходстве её графической формы с цифрой, во втором случае имеет место не просто сходство в написании буквы В и цифры 8, которое, несомненно, присутствует, а именно тот факт, что в обоих случаях письменная форма цифры 8 начинается с буквы В;

– римские цифры: *«МАХХИМУМ СКИДК НА ЛЕТО»* (реклама магазина одежды больших размеров «МАКСИМУМ XXL»), *«СверХ кредит нам Х лет!»* (реклама магазина электротехники «Техносила»).

– проценты (%): *«ЛЮБАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ В ИПОТЕКУ С Б%ЛЬШИМИ СКИДКАМИ!»* (реклама строительного концерна «ВАНТ»), *«НА100%СТОЯЩЕЕ АВТОСТРАХОВАНИЕ»* (реклама компании «Наста»). Использование знака % позволяет расширить смысловой пласт текста, создаёт его двойное прочтение, ср.: *«На 100 процентов настоящее страхование»*.

2. Физические символы:

– t°: *«Окна, которые хранят t°епло»* (реклама фирмы «Оникс»), *«Сделайте ваш пол t°ёплым. Уникальные системы обогрева пола»* (реклама фирмы «Оникс»);

– С°: «Зимнее понижение С°ен!» (реклама специализированного магазина сантехники «Билд»).

3. Денежные символы:

– \$: «6 ноября RCLUB PROJECT ПО\$КОШЬ...» (реклама вечеринки в ночном клубе), «Ростовская фи\$ка удачи (реклама рекламного журнала), «Фор\$мажор Пирсинг Татуировки» (реклама студии «Форсмажор»);

– €: «love + Лав€=14.02 *турнир влюбленных в боулинг + призы и подарки от спонсоров» (реклама празднования Дня Святого Валентина в боулинг-центре «Полярная станция»), «SUBARU ВНЕ €УРОЗОНЫ У нас реальные цены и они не зависят от курса евро» (реклама импортера «Subaru»);

– ¥: «Кредиты малому бизнесу без залога ¥€\$! До 1 000 000 рублей на 12 месяцев без залога» (реклама «Импэксбанк»). На базе известного и популярного в России английского слова *yes* удачно обыгрывается банковская деятельность рекламодателя. В слове *yes* все буквы переданы известными денежными символами, используемыми в качестве замены схожих по графической форме латинских литер, ср.: \$ — S, ¥ — Y, € — E. Создаётся выраженная оценочная коннотация.

4. Знаки препинания:

– !: «СТРОЙ!МАТЕРИАЛЫ» (сеть магазинов строительных материалов). Восклицательный знак используется для выделения части текста, в котором содержится призыв к потребителю в виде глагола в повелительном наклонении: «Строй!» За счёт использования восклицательного знака можно не только выделить какую-то самостоятельную лексическую единицу на базе рекламного текста, как, например, слово *строй*, но и использовать пунктуационный знак как способ компрессии смысла рекламного текста, ср.: «ОТКРЫЛСЯ ТЦ “СТРОЙ!ДЕЛО”! ВЫ РЕШИЛИСЬ НА РЕМОНТ? ТЦ “СТРОЙ!ДЕЛО”», что позволило вложить в него смысл: Хочешь строить? Строй дело! Цель и ожидаемый эффект воздействия на реципиента — Хочешь строить как надо? Тогда приходи к нам в «СТРОЙДЕЛО»; «ЖЕЛЕЗНО!дорожные перевозки» (фирма грузоперевозок). Реклама приобретает дополнительный смысл за счёт выделения слова *железно*, имеющего жаргонное значение: «Сто процентов! Без проблем!»;

– ?: «ПОЛНЫЙ? ВПЕРЁД!» (реклама сети бензоколонок). Рекламный текст за счёт восклицательного знака имеет два прочтения: 1) Полный вперёд! 2) Бак полный? Вперёд!

– квинтация, или закавычивание: «Мужчинам свойственно быть “импульсивными!» (Реклама дезодоранта «Импульс») [7: с. 173]. Так, квинтация может служить средством выделения из вербального ряда названия ключевого слова, в нашем случае названия товара «Импульс», ср.: *импульсивным*. Кавычки можно рассматривать как шрифтовое варьирование, в данном случае их использование равноценно выделению части слова прописными буквами. «“КРАСИВАЯ” КРАСИВАЯ БЫСТРОЕ УДАЛЕНИЕ МОРИЩИН» (реклама лаборатории красоты «J’etenal», г. Челябинск). В последнем примере кавычки выступают в качестве

Перевернутая буква может сопровождаться другим параграфемным элементом, ср.: *ГОРОДСКОЙ БАР № 2* (реклама бара, г. Ростов-на-Дону). Буква *Д* перевернута, а её верхняя часть передана изображением бокала, что имеет отношение к рекламе бара. Здесь мы имеем дело с *буквографемой* [3], или *пиктографемой* (термин наш. — Л.А.) [1: с. 197].

10. Слияние: «ку**ПИК**вартиру» (реклама агентства недвижимости «ПИК»).

11. Вставки: «*Слушайте Удачное радио*» (реклама радио «Динамит»). При помощи вставленной буквы обыгрывается *дачное* — *удачное* радио.

Все вышеприведённые примеры использования параграфемных средств в рекламе носят относительно частотный характер.

Следует также отметить единичные случаи использования параграфемных средств — таких, как:

– дефис: «*Sim-фония*», «*Sim-сим*» [9: с. 683];

– апостроф: «*Магазин “О’стин”*»;

– двоеточие: «*Ре:акция*» (название газеты);

– авторская сочетаемость пунктуационных знаков: «*реал,-*» (реклама гипермаркета «Реал»).

В современной рекламе наиболее распространённым явлением следует считать индивидуальные способы шрифтового варьирования и плоскостного оформления текста. Так, широко используется написание букв с намёком или указанием на определённое действие, что целиком и полностью подтверждает тот факт, что «смена шрифтов, их разнообразие, продуманность в расположении обладают значительным воздействующим потенциалом» [4: с. 123], ср.: «*Копи-центр Студент фото на документы широкоформатная печать*» (реклама типографии). В слове *копи-центр* каждая буква представлена в виде наложения одной и той же буквы друг на друга, что имеет непосредственное отношение к рекламируемому объекту — типографии. «*Не хочешь ждать? Покупай билеты на pass.rzd.ru в терминалах!*» (реклама «РЖД»). Постепенное уменьшение размера шрифта зрительно напоминает собой длинную очередь: «*ДОСТАВКА*» (реклама сети ресторанов «Рис»). Размытость ряда букв в слове «*доставка*» используется для ассоциации с быстрой скоростью, с которой вы получите свой заказ.

Анализ показывает, что в рекламной коммуникации параграфемные элементы используются в качестве информативных и экспрессивных единиц, обладающих как комплементарным, так и коннотативным характером. Условием для применения параграфемного элемента в рекламном тексте выступает его смысловое содержание, широкая известность, простота подачи информации и её считываемость. Среди параграфемных элементов чаще всего встречаются денежные символы, символы интернет-дискурса, реже — физические символы и другие менее распространённые, но все они общеизвестные культурные знаки.

В рамках рекламной коммуникации список паралингвистических средств не может быть жёстко фиксированным. Он пополняется и варьируется в зависимости от характера, целей и задач конкретного текста, что также свиде-

тельствует об относительной свободе графической нормы в рамках рекламной коммуникации. Проведённое исследование открывает границы для дальнейшего изучения реализации графической нормы на невербальном уровне в рекламном тексте.

Библиографический список

Литература

1. *Амири Л.П.* Элементы паралингвистики как средство визуальной трансформации кириллического слова в рамках рекламного дискурса / Л.П. Амири // Славянские языки и культуры в современном мире: II Междунар. научн. симпозиум: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2012. – С. 197–198.
2. *Анисимова Е.Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е.Е. Анисимова // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71–78.
3. *Григорьева Т.М.* Параграфемные явления в современном русском письме / Т.М. Григорьева // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень / Под ред. И.В. Пекарской. – Вып. 1. – Абакан, 2003. – С. 68–76.
4. *Дзякович Е.В.* Возможности пунктуации и параграфемии в современной печатной рекламе / Е.В. Дзякович // Словарь и культура русской речи: к 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – С. 121–126.
5. *Изотов В.П.* Параметры описания системы способов русского словообразования: монография / В.П. Изотов. – Орёл: Орловский гос. ун-т, 1998. – 149 с.
6. *Клюканов И.Э.* К функциональной характеристике графических приёмов / И.Э. Клюканов // Стилистика художественной речи: Межвузовский тематический сборник. – Калинин: КГУ, 1982. – 171 с.
7. *Пирогова Ю.К.* Речевое воздействие и игровые приёмы в рекламе / Ю.К. Пирогова // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М.: ИД Гребенникова, 2000. – С. 167–190.
8. *Попова Т.В.* Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в. / Т.В. Попова // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 230–231.
9. *Попова Т.В.* Полифункциональность русского дефиса / Т.В. Попова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 682–686.
10. *Фещенко Л.Г.* Структура рекламного текста: учебно-практ. пособие / Л.Г. Фещенко. – СПб.: Петербургский институт печати, 2003. – 232 с.

References

Literatura

1. *Amiri L.P.* E'elementy' paralingvistiki kak sredstvo vizual'noj transformacii kirillicheskogo slova v ramkax reklamnogo diskursa / L.P. Amiri // Slavyanskije yazy'ki i kul'tury' v sovremennom mire: II Mezhdunar. nauchn. simpozium: Trudy' i materialy'. – М.: Izd-vo MGU, 2012. – S. 197–198.
2. *Anisimova E.E.* Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovanny'x i gibridny'x tekstov) / E.E. Anisimova // Voprosy' yazy'koznaniya. – 1992. – № 1. – S. 71–78.

3. *Grigor'eva T.M.* Paragrafemny'e yavleniya v sovremennom russkom pis'me / T.M. Grigor'eva // *Yazyk, kul'tura, kommunikaciya: aspekty vzaimodejstviya. Nauchno-metodicheskij byulleten'* / Pod red. I.V. Pekarskoj. – Vy'p. 1. – Abakan, 2003. – S. 68–76.
4. *Dzyakovich E.V.* Vozmozhnosti punktuacii i paragrafemiki v sovremennoj pechatnoj reklame / E.V. Dzyakovich // *Slovar' i kul'tura russkoj rechi: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Ozhegova.* – M.: Indrik, 2001. – S. 121–126.
5. *Izotov V.P.* Parametry' opisaniya sistemy' sposobov russkogo slovoobrazovaniya: monografiya / V.P. Izotov. – Oryol: Orlovskij gos. un-t, 1998. – 149 s.
6. *Klyukanov I. E'.* K funkcional'noj karakteristike graficheskix priyomov / I.E'. Klyukanov // *Stilistika xudozhestvennoj rechi: Mezhvuzovskij tematiceskij sbornik.* – Kalinin: KGU, 1982. – 171 s.
7. *Pirogova Yu.K.* Rechevoe vozdejstvie i igrovy'e priyomy' v reklame / Yu.K. Pirogova // *Reklamny'j tekst: semiotika i lingvistika.* – M.: ID Grebennikova, 2000. – S. 167–190.
8. *Popova T.V.* Grafoderivaciya v russkom slovoobrazovanii koncza XX – nachala XXI v. / T.V. Popova // *Russkij yazyk: istoricheskie sud'by' i sovremennost'. III Mezhdunarodny'j kongress issledovatelej russkogo yazyka: trudy' i materialy'.* – M.: MAKS Press, 2007. – S. 230–231.
9. *Popova T.V.* Polifunkcional'nost' russkogo defisa / T.V. Popova // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* – 2010. – № 4 (2). – S. 682–686.
10. *Feshhenko L.G.* Struktura reklamnogo teksta: uchebno-prakt. posobie / L.G. Feshhenko. – SPb.: Peterburgskij institut pečati, 2003. – 232 s.

К.С. Карданова-Бирюкова

**Реализация принципа
рекурсивности речевой деятельности
в политическом дискурсе
(на основе анализа стенограммы
телепередачи «К барьеру!»)**

В статье рассматривается возможность моделирования межличностной коммуникации с опорой на ключевые постулаты и категории теории аутопоэза. Предлагается обоснование объяснительного потенциала аутопоэтической методологии и обосновывается необходимость разработки теории второго порядка за счёт введения операциональной единицы — рекурсивного шага. Теоретические выкладки подтверждаются примером анализа стенограммы телепередачи «К барьеру!».

The paper looks into the prospect of modeling interpersonal communication by adopting key principles and categories of the theory of autopoiesis. The dynamics of communication is achieved through recursive interaction of the participants to the communicative act which results in their adaptation and autopoiesis (self-preservation). The paper presents the findings of the research in order to show how autopoietic methodology can be applied and how it can be operationalized (TV show «К Барьеру!»).

Ключевые термины: коммуникация; рекурсивность; рекурсивный шаг; точка рекурсивности; теория аутопоэза.

Keywords: communication; recursiveness; recursive step; onset of recursive interaction; autopoiesis.

Рассуждая о принципах конструирования научного объекта, Ф. де Соссюр отмечал, что «в лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создаёт самый объект» [2: с. 46]. Используя систему фильтров, швейцарский лингвист отграничил язык (*la langue*) от речевой деятельности (*la parole*) и разработал параметры для описания языковой системы. Таким образом, был сформирован научный объект, находившийся в центре внимания лингвистики в течение первой половины XX века. Язык рассматривался как «замкнутое целое» [2: с. 34], системное описание которого осуществлялось за счёт введения совокупности дифференцированных знаков и различных оснований для их противопоставления и классификации. Благодаря тому, что взгляды Ф. де Соссюра определили развитие языковедения в XX веке, многие языковые и речевые феномены стали изучаться с системноцентрических позиций.

Вне всякого сомнения, подобные модели представляют собой один из возможных путей описания научного объекта. Более того, они строятся с опорой на систему чётких и непротиворечивых параметров, что позволяет говорить об их высоком объяснительном потенциале. Однако подобная «дискретизация» объекта научного рассмотрения вряд ли применима в тех случаях, когда речь идёт о континуальных явлениях. Так, коммуникация традиционно определяется как «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д. — специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [5]. Следовательно, особенность коммуникативного взаимодействия заключается в том, что за внешними дискретными речевыми единицами стоит процесс мышления, который невозможно «дискретировать». Поэтому модель коммуникации должна строиться на основаниях, отличных от тех, на которые традиционно опирается лингвистическая наука, — только в этом случае она может отразить континуальность коммуникации и стать действенным инструментом анализа.

На наш взгляд, методологическую основу, необходимую для конструирования такой принципиально динамической модели, формирует **теория аутопоэза**, которая была разработана чилийскими биологами У. Матураной и Фр. Варелой в 1970-е годы. Эта теория рассматривает живые организмы (в частности, человека) как самоорганизующиеся системы, все действия которых направлены на поддержание собственной внутренней организации.

Центральным понятием теории аутопоэза является **живая система**, или «сеть процессов производства, трансформации и деструкции компонентов, необходимых для непрерывного поддержания самих этих процессов и в совокупности предстающих в качестве отдельного локализованного в среде объекта, в рамках которого эти процессы реализуются» [3: р. 9] (перевод наш. — *К.К.*). Из этого следует, что для описания живой системы важны не столько её сущностные свойства (атрибуты), сколько **активный** характер её деятельности (потенции, которые актуализируются в когнитивном действии).

В процессе жизнедеятельности живые системы конструируют **среду**, определяемую в теории аутопоэза как «область всех возможных взаимодействий группы объектов (выступающих как таковые вне зависимости от их сложности), задаваемую свойствами этих объектов (их измерениями)» [3: р. 33] (перевод наш. — *К.К.*). Иначе говоря, определяя живую систему, мы определяем тем самым и её среду, поскольку характеристики среды детерминируются её свойствами. Так как среда — это та область, в которой функционирует живая система, любой объект, с которым она контактирует, — часть этой среды. Следовательно, при взаимодействии двух живых систем одна система является средой для реализации аутопоэза (или самоорганизации) другой, вследствие чего происходит их **онтогенетическая адаптация**, т. е. сопряжение изменяющейся структуры пластичного самоорганизующегося объекта с изменяющейся структурой среды.

Представляется, что применение теории аутопоэза к анализу социального субъекта может оказаться продуктивным, поскольку позволяет рассмотреть субъект социального, в том числе и речевого, взаимодействия в эволюционном аспекте. Так конструируется новый исследовательский объект: речевая деятельность как свойство социального субъекта, опосредующее его эволюцию. При этом речевая деятельность, будучи (биологически) существенным свойством системы, континуальна, однако способна временно стабилизироваться благодаря тому, что язык как социальный код соотносится с системой личностных смыслов индивида и, таким образом, «фиксирует» её. Как субъект, так и среда структурно пластичны, адаптивны, что создаёт импульс для их дальнейшей эволюции. Постоянное изменение каждого из компонентов этого взаимодействия проявляется в том, что в разных «точках» континуума соотношение между субъектом и средой принципиально иное. Это даёт основания говорить о том, что смысл не просто порождается в самом субъекте: в сущности, смыслопорождение — это эволюция субъекта (изменение его состояния), а следовательно, его адаптация к среде и его способность конструировать более сложную среду.

Таким образом, теория аутопоэза представляет собой методологическую основу, обладающую достаточным объяснительным потенциалом при исследовании динамического объекта. Опора на концепцию У. Матураны и Фр. Вареллы открывает для языкознания новые методологические перспективы, что признаётся многими лингвистами, но дальше этих признаний дело, как правило, не идёт. На наш взгляд, отсутствие необходимого и достаточного минимума работ в этом направлении связано с тем, что теория аутопоэза предлагает только общефилософское описание исследуемого объекта. Однако для того чтобы она могла применяться как исследовательский инструмент, необходимо переработать её в теорию второго порядка, задав операциональную единицу. Представляется, что такой операциональной единицей может стать **рекурсивный шаг**, т. е. эволюционный «скачок» в организации самоорганизующейся системы, выводящий её на новый уровень взаимодействия со средой (позволяющий ей выстраивать более сложную среду и, следовательно, вступать в более сложные отношения с этой средой).

Исходя из ключевых постулатов теории аутопоэза, характер и эффективность рекурсивного шага определяются характеристиками аутопоэтической системы, характеристиками среды и характеристиками собственно взаимодействия. Поскольку перечисленные факторы обуславливают рекурсивное взаимодействие и детерминируют его характер, они релевантны для разрабатываемой модели и, следовательно, должны быть включены в неё. Рассмотрим, каким образом происходит их взаимодействие на примере анализа фрагментов стенограммы информационно-аналитической программы ТВ «К барьеру!» (Выпуск 179. Н. Аширов vs. А. Дугин) [1].

На наш взгляд, анализ межличностной коммуникации следует начинать с определения отправной точки рекурсивного взаимодействия, которую мы на-

зываем **точкой рекурсивности**. Точка рекурсивности задаётся мотивом коммуниканта, поскольку представляет собой исходную установку индивида, вступающего в межличностную коммуникацию. Следовательно, протекание рекурсивного взаимодействия и его эффективность в значительной степени зависят от характера экспликации точки рекурсивности и степени соответствия между нею и мотивом коммуниканта. Если мотив коррелирует с целью коммуникации, точка рекурсивности может задаваться анонсированной целью. Следует, однако, отметить, что связь между точкой рекурсивности и целью коммуникации вовсе не очевидна, поскольку за известной всем участникам общения целью могут стоять различные мотивы (например, самопрезентации, доказательства вины или конструктивного диалога). При таком положении вещей собеседники, вероятно, будут руководствоваться своими мотивами, постоянно отступая от эксплицированной цели коммуникации, пренебрегая ею.

Это даёт основание предположить, что в зависимости от характера коммуникации и мотивов её участников точка рекурсивности может быть завуалирована или эксплицирована. Так, в случае публичных дебатов цель коммуникации, как правило, сформулирована заранее: если мотив коммуниканта скоординирован с этой целью, точка рекурсивности может быть определена; если мотив и цель коммуникации не согласуются, определение точки рекурсивности становится невозможным (или является ошибочным). Рассмотрим примеры из стенограммы:

А. ДУГИН: *...Н. Аширов по-своему предложил решить национальную проблему в России... надо создать этнические гетто в городах... С моей точки зрения, это создаёт катастрофическую ситуацию, и приведёт к усилению межнациональной и межрелигиозной розни...*

Н. АШИРОВ: *...общеизвестно, что на улицах российских городов... каждый день гибнут люди только за то, что у них другой цвет глаз и цвет кожи... в стране, победившей фашизм, это непозволительно... проблема сегодня не решается... я считаю, что только раздельное проживание может спасти их жизни и безопасность обеспечить... я прочитал несколько Ваших статей, в которых излагается мысль о том, что в России народы не должны иметь одинаковый статус... русскому народу нужно придать государствообразующий статус, а все остальные народы как бы становятся людьми второго сорта...*

Исходя из извлечённой из стенограммы вербальной информации, точки рекурсивности коммуникантов определены с разной степенью детализации. Н. Аширов эксплицирует собственную позицию и определяет поле известной ему информации об исходной базе собеседника; с опорой на эту информацию, очевидно, планируется дальнейшая коммуникация. А. Дугин исходит из точки зрения оппонента, обозначая в своей позиции только то, что он выступает против. Следует отметить, что подобная «размытость» точки рекурсивности открывает возможности для дальнейшего маневрирования, поскольку она не только не «овнешняет», но скорее вуалирует мотив коммуниканта.

С другой стороны, если неопределённость точки рекурсивности возникает случайным образом (а не планируется участником общения), это может происходить вследствие того, что система обладает низким уровнем организации. Такая система, как правило, является более устойчивой и менее гибкой, и адаптация при рекурсивном взаимодействии ей в принципе не свойственна (иными словами, система **резистивна**).

Определение точки рекурсивности позволяет зафиксировать отправной момент рекурсивного взаимодействия, а следовательно, задать точку отсчёта. Далее исследователь может последовательно моделировать происходящие в процессе коммуникации рекурсивные шаги и соотносить полученные на каждом этапе данные с той информацией, которая была получена при определении точки рекурсивности. Таким образом, становится возможным обнаружение и описание структурных изменений в коммуникантах (аутопоэтических системах). Анализ следующего фрагмента стенограммы позволяет увидеть, насколько коммуниканты готовы задействовать адаптационные механизмы (представляется, что только в таком случае может происходить конструктивный диалог):

Н. АШИРОВ: *Мне кажется, что именно ваши мысли сегодня, к сожалению, подогревают те националистические сегодня истерии, от которой страдают многие люди в Российской Федерации, которые являются коренными её жителями, будь то чеченцы, дагестанцы, татары, баикиры и другие. Вы делите людей на какие-то кастовые различия.*

А. ДУГИН: *Никого никак не делю. Я просто, я более того, мои идеи — это борьба с расизмом.*

Н. АШИРОВ: *Зачем тогда помимо того, что декларирует конституция Российской Федерации, зачем тогда выдумывать новые какие-то конструкции для существования граждан нашей страны.*

А. ДУГИН: *Я не предлагаю никаких конструкций, я предлагаю назвать вещи своими именами. Ту роль, которую русский народ сыграл в нашей истории, в организации нашего общества ... **вот и всё**.*

Н. АШИРОВ: *Никто этого не отрицает.*

ВЕДУЩИЙ: *Вернёмся всё-таки к теме.*

А. ДУГИН: *Пожалуйста, да, на самом деле...*

Н. АШИРОВ: *Этого никто не отрицает, понимаете, но реалии сегодняшнего дня...*

А. ДУГИН: *Почему вы же предлагаете, господин Аширов, вы предлагаете разделить наш народ, особенно города, самое опасное, на зоны этнического расселения мигрантов, в то время когда это унижает, на мой взгляд, людей...*

Н. АШИРОВ: *Извините меня, сегодня наши города уже разделены по кастам. Сегодня есть комплексы жилые, которые закрытого типа, которые имеют всю свою инфраструктуру для богатых людей.*

Анализ вербального контекста позволяет говорить о том, что в речи Н. Аширова реализуется **мотив доказательства вины**. Поскольку именно

А. Дугин инициировал «дуэль», он, очевидно, не был готов оказаться в позиции обвиняемого, поэтому его ответы на несколько провокационные вопросы оппонента звучат агрессивно (*Никого никак не делю; вот и всё*) и неубедительно (*Я просто, я более того, мои идеи*). Как только ведущий предлагает отказаться от этой линии (*Вернёмся всё-таки к теме*), А. Дугин немедленно использует эту возможность (*Пожалуйста, да, на самом деле...*) и, не позволяя Н. Аширову продолжить заданное направление дискуссии (*Этого никто не отрицает, понимаете, но реалии сегодняшнего дня*), задаёт свой вопрос.

Следует отметить, что А. Дугин возвращается в точку рекурсивности, поскольку его следующий вопрос никак не коррелирует с ранее проведённой серией вопросов и ответов. В сущности, он выстраивает свою позицию «с нуля», поскольку теперь у него появляется возможность реализовать **мотив доказательства вины**. Видимо, этот мотив является доминантным, поскольку он частотно реализуется А. Дугиным в коммуникации. В свою очередь, Н. Аширов демонстрирует большую степень адаптивности: отвечая на поставленный вопрос, он мгновенно «встраивается» в новое направление дискуссии (*Извините меня, сегодня наши города уже разделены по кастам...*). Иными словами, этот коммуникант является более гибким и готовым к структурным перестройкам для обеспечения более высокой степени согласования со средой (элементом которой выступает его собеседник).

Анализ следующих этапов коммуникации подтверждает то, что один из коммуникантов (А. Дугин) представляет собой резистивную систему, которой значительно меньше свойственна адаптация:

А. ДУГИН: *А если господин Аширов ещё применял к этому преступлению идею расовой ненависти или собственного превосходства, он должен тройне осуждён быть. Потому что нацизм разрушает наше общество.*

Н. АШИРОВ: *Правильно. Вот в этом случае, когда закон будет реально работать в отношении тех сил, которые сегодня раскачивают лодку Российской Федерации и хотят разделить народ по анклавам действительно, вот они хотят разделить нас по анклавам.*

А. ДУГИН: *Ну вы же и предлагаете разделить.*

Н. АШИРОВ: *А потому что я предлагаю это как решение безопасности граждан, которые не могут сегодня...*

А. ДУГИН: *Ну, вы выступаете против разделения на анклавы и сами защищаете.*

В этом фрагменте Н. Аширов указывает на невозможность решения обсуждаемой проблемы в рамках существующего законодательства, поскольку закон не работает «в отношении тех сил, которые... хотят разделить народ по анклавам». Ранее в дискуссии отмечалось, что «есть определённые лица, определённые слои в нашем обществе, которые хотят раскачать нашу общую лодку... что... она хорошо будет плыть, если выкинуть татарина, чеченца, дагестанца» (**Н. АШИРОВ**). При этом сам коммуникант, исходя из предложен-

ной аргументации, не поддерживает подобную стратификацию — речь идёт исключительно о раздельном проживании без ущемления какого-либо из народов в правах:

Н. АШИРОВ: *Сегодня есть комплексы жилые... закрытого типа, которые имеют всю свою инфраструктуру для богатых людей. И простая русская учительница, которая сегодня не может оплатить свою квартиру и купить себе хлеб с маслом и с молоком никогда не попадёт в этот анклав, который вы называете гетто. Гетто сегодня для богатых людей существует. Раз сегодня национальное меньшинство, не обеспечена их безопасность, что же им делать тогда?*

В своем комментарии А. Дугин, вероятно, исходит из того, что в обоих случаях Н. Аширов использует термин «анклав» (*вы же и предлагаете разделить; вы выступаете против разделения на анклавы и сами защищаете*). В этом фрагменте коммуникации речевое взаимодействие осуществляется: речевые действия объединены формальными связями и выстраиваются в единый акт коммуникации. Однако оно не опосредуется когнитивным взаимодействием: по крайней мере, один из коммуникантов не способен в полной мере учитывать речевую деятельность собеседника как средовой фактор. Это следствие того, что язык и когниция представляют собой системы, которым свойственны разные типы самоорганизации и разная степень адаптивности. Очевидно, что между данными системами наблюдается зависимость, однако их динамика не всегда коррелятивна.

Таким образом, **характер рекурсивного шага** определяется свойствами взаимодействующих когнитивных систем и их мотивами, а также характеристиками среды. На протяжении рекурсивного взаимодействия системы по очереди осуществляют рекурсивные шаги, адаптируясь в среде и совершая ответное действие. Однако в ряде случаев адаптация может предполагать и некоторое упрощение структуры с тем, чтобы «подстроиться» под более простую систему и обеспечить эффективное взаимодействие. Такой рекурсивный шаг является **регрессивным** (в отличие от прогрессивного шага, предполагающего усложнение системы). Так, в следующем фрагменте после безуспешной попытки сохранить формат конструктивного диалога Н. Аширов «подстраивается» под дискуссионный тренд, заданный оппонентом и ведущим:

А. ДУГИН: *Вы предлагаете всех расселить.*

Н. АШИРОВ: *Ну, не надо передёргивать слова. Я сказал, что нужно тем людям, которые не защищены от произвола тех людей, которые сегодня кроют черепа людям на улицах. Независимо. Кстати, вы тоже можете под этот разряд попасть. Вы тоже, как в своё время выразился Рогозин, «я тоже не голубоглазый блондин». Его дети тоже могут под это попасть, хотя он русский. Тут мы не разделяем, русский — не русский. Вы понимаете?*

А. ДУГИН: *Если он не голубоглазый блондин, ну, я-то уж совсем.*

ВЕДУЩИЙ: *То как раз голубоглазый блондин.*

А. ДУГИН: *Приблизительно.*

ВЕДУЩИЙ: *А Дугин-то голубоглазый блондин, да, неудачно.*

Н. АШИРОВ: *С ваххабитом элементарно перепутать.*

В тех случаях, когда один из коммуникантов представляет собой резистивную систему, которой в меньшей степени свойственна адаптация, рекурсивные шаги могут носить **циклический** характер. На протяжении коммуникации такая система взаимодействует, опираясь исключительно на формальные компоненты среды (например, отдельные слова и пр.), однако она, как правило, не выстраивает сложные иерархии средовых факторов. Каждое последующее действие такой системы не приводит к её усложнению — она всякий раз возвращается в точку рекурсивности.

В анализируемой стенограмме циклические рекурсивные шаги частотно совершаются А. Дугиным. Например, в следующем фрагменте:

Н. АШИРОВ: *...за 4 месяца текущего года убито 70 человек. 126 человек искалечено. И это в мирное время.*

А. ДУГИН: *Чрезвычайно важно. А сколько в автомобильных катастрофах, а сколько самоубийств?*

ВЕДУЩИЙ: *32 тысячи.*

СЕКУНДАНТ: *Извините меня, при чём здесь автомобили или катастрофы?*

А. ДУГИН: *У нас огромные социальные проблемы. Столкновения... вот смотрите, между странами.*

Складывается впечатление, что этот коммуникант не стремится выдвинуть и аргументировать позицию, противопоставленную точке зрения Н. Аширова, поскольку в процессе коммуникации он фактически не вносит конструктивные предложения. Для подтверждения этого мы выбрали методом сплошной выборки комментарии А. Дугина и выстроили их в порядке следования (приведён фрагмент стенограммы из третьей «схватки»):

А. ДУГИН: *И не будет русских.*

А. ДУГИН: *...гетто.*

А. ДУГИН: *Это экономическая проблема тогда.*

А. ДУГИН: *Ну новые русские не могут подражать между собой.*

А. ДУГИН: *Есть и обратная сторона.*

А. ДУГИН: *Кровь стынет в жилах.*

А. ДУГИН: *Наличие таких анклавов, которые действительно возникают сейчас, к сожалению. Господин Аширов говорит не только о будущем. Он говорит о том, что уже складывается на наших глазах.*

А. ДУГИН: *И что является самым серьёзным источником межнациональных трений.*

А. ДУГИН: *Повсюду. На самом деле возникают в наших городах. Компактно селятся...*

Следует отметить, что в этой части телепередачи общее количество реплик А. Дугина составляет 19 высказываний (ср. Н. Аширов — 68; ведущий — 75), среди которых только две являются объёмными (больше 30 слов).

Представляется, что при таком взаимодействии рекурсивные шаги не осуществляются, поскольку резистивная система не адаптируется в среде и, следовательно, не эволюционирует. Это, однако, может способствовать усложнению другой когнитивной системы: действия резистивной системы в определённой степени нарушают ожидания другого коммуниканта и поэтому требуют постоянной адаптации в изменяющейся среде.

Таким образом, анализ стенограммы телепередачи «К барьеру!» показал, что вступающие в коммуникацию индивиды могут представлять собой разные типы самоорганизующихся систем. Подобное несовпадение приводит к определённым сбоям социального взаимодействия — коммуникант не распознает или не учитывает речевое действие собеседника, переключаясь в ответе на собственный доминирующий мотив. В таких случаях речевое взаимодействие коммуникантов не опосредуется когнитивным взаимодействием, а следовательно, рекурсивность утрачивается.

Предложенная модель коммуникации принципиально отличается от моделей, разрабатываемых в лингвистической науке, поскольку основывается на иной методологической базе. Она опирается на дискретные единицы, однако в ней также находит отражение имманентная континуальность, свойственная процессуальным явлениям. Дальнейшее уточнение предложенной модели возможно при её применении к анализу других типов дискурса, поскольку это позволит точнее определить роль некоторых из включённых в неё факторов, а также выявить универсальные и частные характеристики рекурсивности.

Библиографический список

Источники

1. К барьеру!: информационно-аналитическая программа ТВ [Видеозапись] / Автор и ведущий: В. Соловьёв; дуэлянты: Н. Аширов, А. Дугин. – Вып. 179. – Выход в эфир: 22 мая 2008 г. – URL: <http://www.kreml.org/media/182051789>.

Литература

2. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.

3. *Maturana H.R.* Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living / H.R. Maturana, F. Varela // Boston Studies in the Philosophy of Science. – Vol. 42. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1980. – P. 5–58.

4. *Maturana H.R.* Biology of Language: The Epistemology of Reality / H.R. Maturana // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg. – New York: Academic Press, 1978. – P. 27–63.

Справочные и информационные издания

5. Лингвистический энциклопедический словарь. – URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/kommunikatsiia/267>, свободный.

References

Istochniki

1. К бар'еру!: informacionno-analiticheskaya programma TV [Videozapis'] / Avtor i vedushhij V. Solov'yov; due'lyanty': N. Ashirov, A. Dugin. – Vy'p. 179. – Vy'ход v e'fir: 22 maya 2008 g. – URL: <http://www.kreml.org/media/182051789>.

Literatura

2. *Sossur F. de. Trudy' po yazy'koznaniyu* / F. de Sossur. – M.: Progress, 1977. – 696 s.

3. *Maturana H.R. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living* / H.R. Maturana, F. Varela // *Boston Studies in the Philosophy of Science*. – Vol. 42. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1980. – P. 5–58.

4. *Maturana H.R. Biology of Language: The Epistemology of Reality* / H.R. Maturana // *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg*. – New York: Academic Press, 1978. – P. 27–63.

Spravochny'e i informacionnye izdaniya

5. *Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar'*. – URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/kommunikatsiia/267,svobodny'j>.

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

О.А. Гаврилюк

Автономность в российском высшем образовании: теоретические аспекты проблемы в рамках иноязычной подготовки

В статье рассмотрены философско-исторический и педагогический аспекты проблемы академических свобод и автономности в современном российском высшем образовании, выделена роль иноязычной языковой подготовки в развитии автономности и предложены педагогические подходы, способные послужить методологическим основанием для разработки концепции автономно-ориентированной образовательной среды вуза.

The paper considers philosophical, historical and pedagogical aspects of the problem of academic freedoms and autonomy in current Russian higher education, emphasizes the role of foreign language training in the development of autonomy and presents pedagogical approaches, able to serve as a methodological basis for developing the conception of autonomy-oriented university educational environment.

Ключевые слова: академические свободы; автономность; образовательная среда вуза; автономно-ориентированный подход; иноязычная языковая подготовка.

Keywords: academic freedoms; autonomy; university educational environment; autonomy-oriented approach; foreign language training.

В наши дни высшее образование в России переживает процесс серьёзной трансформации, обусловленный необходимостью соответствия уровня развития высшей школы требованиям современной экономики. При этом согласно современным нормативным документам, регулирующим российское высшее образование, особая роль отводится процессам демократизации и гуманизации образовательной системы. Принятие Федерального закона «Об автономных учреждениях», реализация вузами обозначенных в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» прав личности на свободное развитие, самореализацию, свободу выбора, а также необходимость внедрения образовательных программ с применением

электронного обучения, дистанционных образовательных технологий с использованием сетевой формы требуют качественно и количественно повышенного уровня свободы и «самостоятельности вузов в решении вопросов, отнесенных к их компетенции» [5: с. 45].

Между тем широко пропагандирующаяся сегодня институциональная автономия не может возникнуть без соответствующей подготовки субъектов образовательной среды вуза. Чтобы освоить повышенный уровень институциональной автономии и академических свобод (или «предоставленной» автономии), обеспечив необходимый уровень «освоенной автономии», от субъектов образовательной среды вуза требуется качественно и количественно повышенный уровень самостоятельности и ответственности. Уровень компетентности, который позволит субъектам образовательной среды вуза действовать относительно независимо (принимать ответственные решения, делать самостоятельный выбор) от внешних установок на основе осознания альтернатив и их последствий, в современной научно-педагогической литературе всё чаще обозначают термином «автономность».

Таким образом, можно вести речь о том, что в современной теории высшего образования развивается новый автономно-ориентированный подход, который предполагает рост институциональной автономии вузов, а также повышение уровня автономности субъектов образовательной среды вуза (обучающихся и преподавателей). Поиск эффективных путей практической реализации нового автономно-ориентированного подхода к организации высшего образования на уровне образовательной среды вузов требует, с одной стороны, более тщательного теоретического осмысления идей автономии, с другой, — их конкретизации применительно к образовательной среде вузов и её субъектам.

Анализируя *философско-исторический аспект проблемы* развития высшего образования в мире, можно вести речь о том, что вопросы академических свобод и автономии в образовательной среде высших учебных заведений возникли не внезапно, они поднимались не раз на протяжении многих лет существования университетов, особенно во времена образовательных реформ. Как утверждает Г. Хаймпель, университет по-настоящему реформируется лишь тогда, когда он вновь и вновь возвращается к древнему закону свободы, который всякий раз заново подтверждается самой жизнью [9].

Действительно, мысль о личностной автономности субъекта образования (правда, без эксплицитного выделения данного понятия) звучит в риторике многих зарубежных философских исследований в форме рассуждений о свободе личности в образовании (Т. Гоббс, Р. Декарт, Б. Спиноза, Д. Локк, И. Кант, Ф. Ницше и др.).

В отечественной философии большой вклад в рассмотрение проблемы свободы в образовании внесли М.В. Ломоносов, И.Ф. Богданович, А.И. Герцен, К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, Б.Н. Чичерин, П.Ф. Каптерев, Н.А. Бердяев, С.И. Гессен, В.А. Сухомлинский и др. Так, Б.Н. Чичерин отмечает, что

«автономия нужна университету как условие, предпосылка выполнения задач, стоящих перед ним, — развитие науки, приобщение к мировой культуре, нравственное воздействие. Однако автономия университета не является абсолютной» [10: с. 24].

Что касается автономности как характеристики субъекта высшего образования, философия связывает её с проблемой диалектики зависимости и независимости в том или ином социокультурном контексте. При этом автономность не рассматривается как дистанцирование личности от общества, а ассоциируется с «действием факторов внутренней независимости, мотивов и потребностей личности через внешние условия» [5: с. 14]. Таким образом, автономность, с одной стороны, учитывает личностные характеристики, и, с другой, — даёт возможность рационально их соотнести с неизбежными внешними условиями, тем самым позволяя личности, на основе осознания ситуации зависимости, управлять данной ситуацией, т. е. осуществлять выбор. Это соответствует философской идее о том, что личность становится автономной, когда она способна не отрицать естественные проявления зависимости, а управлять ими с помощью личностных установок. Развивая изложенные философские идеи и учитывая рассмотрение Э. Фроммом свободы не как «действия в сознании необходимости», а как «действия на основе осознания альтернатив и их последствий» [8: с. 103], автономность субъекта образовательной среды вуза можно определить как компетенцию, позволяющую ему (субъекту) действовать относительно независимо (принимать ответственные решения, делать самостоятельный, рациональный выбор в области своей учебной или профессиональной деятельности) от внешних установок на основе глубокого понимания образовательного контекста и рефлексии учебно-образовательного процесса. В таком понимании автономность субъектов образовательной среды вуза ассоциируется с выделенной А.С. Арсеньевым свободой «для» как с положительным типом свободы (основанном на способности личности действовать свободно и творчески, но одновременно ответственно, с учётом принятых в обществе морально-этических норм), в противопоставлении свободе «от» как изоляции человека от общества, нежеланию нести ответственность, выходу из ограничений или протесту [1].

Психологический аспект проблемы исследования не менее интересен для изучения. Прежде всего отметим, что в психологической литературе автономность личности представлена как один из базовых психологических механизмов, связанных с ценностями, смыслами, мотивами личности и рассматривается как движущая сила самоактуализации, предполагающая присутствие осознанной ответственности за свои действия, поступки, понимание индивидом значимости своей личности и постоянное стремление к личностному развитию (Д.А. Леонтьев, А. Маслоу, Е.Л. Деци, Р.М. Рюан и др.). Автономность рассматривается современными психологами в качестве основы позитивного направления развития личности и душевного здоровья человека (Р. Мэй, К.Г. Юнг и др.). Анализ современных исследований в области пси-

хологии позволяет утверждать, что развитие автономности личности обеспечивается действием комплекса личностных характеристик, в который входят мотивы, способности и качества личности. При этом стержнем автономности личности считается внутренний локус контроля или внутренняя детерминация деятельности (Т.О. Гордеева, Д.А. Леонтьев, Е.Л. Осин, E.L. Deci, R.M. Ryan и др.). Так, в соответствии с теорией самодетерминации Р.М. Райана и Э.Л. Деси, потребность в автономии (или потребность в наличии выбора и самодетерминации) — одна из базовых психологических потребностей личности, удовлетворение которой является важным условием, определяющим психологическое благополучие, оптимальное функционирование и здоровое развитие личности [11].

В целом, представленный ракурс рассмотрения автономности, с одной стороны, свидетельствует о её значимости как личностной характеристики человека, с другой, — соотносится с представленными выше философскими положениями, раскрывающими суть данного феномена.

Рассматривая *педагогический аспект проблемы академических свобод и автономности личности в образовании*, отметим, что в современной теории и практике высшего образования своё отражение находят различные формы автономии. Внимание современных исследователей образовательных систем всё чаще привлекают вопросы академической свободы (Л.М. Волосникова, Л.С. Гребнев, Е.И. Кайгородцева, Б.Х. Фиапшев и др.) и автономизации образовательной среды вузов (Л.А. Вербицкая, В.Б. Касевич, А.И. Галаган, В.В. Гуцин, В.А. Гуреев, Е.А. Корчагин, В.А. Проскурин и др.). При этом ключевую роль педагогика придаёт автономности, с одной стороны, как важной компетенции субъекта образования, с другой, — как цели и предмету педагогической деятельности.

В научной литературе проблема автономности получила наибольшее развитие в рамках методики обучения иностранным языкам. В работах современных исследователей в области преподавания иностранных языков поднимаются вопросы учебной автономности как важной характеристики обучающегося, обеспечивающей его способность учиться (И.В. Абанкина и др., Н.Ф. Коряковцева, Е.Г. Тарева, Е.А. Цывкунова, Д.А. Ходяков, D. Little и др.), а также профессиональной автономности педагогов вузов (Е.А. Носачёва, Т.Ю. Тамбовкина, N. Aoki, P. Benson, R.C. Smith и др.), «требующей напряжённого умственного труда и повышенной степени профессиональной ответственности» [6: с. 3]. В целом, в работах современных исследователей автономность личности в образовании представлена как способность к повышенному уровню самостоятельности, предполагающему принятие ответственных решений, независимые действия, критическую рефлексю.

Выделение учёными значимости автономности в контексте языковой подготовки обусловлено её высокой востребованностью в процессе обучения иностранному языку, требующем повышенного уровня ответственности и самостоя-

тельности, глубокого понимания теории языка и особенностей межкультурной коммуникации, высокой коммуникативной мобильности. Одновременно сама система иноязычной языковой подготовки в вузе обладает особым потенциалом в отношении развития автономности субъектов образовательного процесса. Делая возможным ознакомление с новейшими достижениями в области науки и практики и обеспечивая активное участие в процессах академической мобильности, иноязычная языковая подготовка позволяет поддерживать их профессиональную компетентность. Кроме того, при освоении в ходе иноязычной языковой подготовки приёмы и методы самообучения (различные виды чтения, аннотирование, реферирование и др.) являются универсальными, так как могут успешно применяться и в других контекстах. Уровень свободы, которым, в соответствии с Федеральными государственными стандартами высшего профессионального образования (далее — ФГОС ВПО), обладает дисциплина «Иностранный язык», позволяет на основе широкого использования активных и интерактивных методов обучения развивать духовно-нравственный потенциал и гуманитарную культуру личности, умения выражения и аргументации личностной позиции. В современных условиях набирающей темпы интернационализации высшего образования и роста поликультурности российского общества организованная на высоком уровне система иноязычной языковой подготовки в вузах способна значительно расширить сферу самореализации субъектов образовательного процесса, позволив реализовать предоставляемые им возможности для выбора форм и видов деятельности, взаимодействия, творческой активности, личностно-профессионального саморазвития, проявления ответственности и реализации собственной социально-нравственной позиции.

Таким образом, иноязычная языковая подготовка обладает особым потенциалом в развитии автономности субъектов образовательной среды вуза и их готовности к реализации предоставляемых им академических свобод. Между тем изучение данного потенциала и возможностей его реализации характеризуется фрагментарностью, отсутствием единого подхода и целостной концепции. В связи с этим чрезвычайно важным представляется глубокое теоретическое осмысление идей автономности в контексте российского высшего образования в целом, и методики обучения иностранным языкам в частности, а также разработка целостной концепции развития данного качества субъектов образовательной среды вуза с использованием имеющихся возможностей иноязычного языкового образования. Для решения этой задачи необходим поиск педагогических подходов, способных послужить методологическим основанием при проектировании адекватного современному этапу развития российского общества автономно-ориентированного подхода к высшему профессиональному образованию.

Одним из таких оснований способен служить компетентностный подход. Положенный в основу ФГОС ВПО, данный подход акцентирует внимание на повышенной роли личностного фактора в образовании. Как отмечает А.А. Вер-

бицкий, «реформирование образования на компетентностной основе не может не опираться на комплекс наук о человеке, не учитывать в процессах образования психологические (социологические, культурологические и т. д.) закономерности развития его личности и индивидуальности» [3: с. 2]. С позиций компетентностного подхода одним из значимых результатов современного высшего образования должны стать метапредметные (ключевые, трансверсальные или универсальные) компетенции. Данные компетенции служат для облегчения, ускорения, повышения качества приобретения других компетенций и тем самым выполняют ведущую функцию в профессионально-личностном саморазвитии специалиста. В таком контексте автономность может быть рассмотрена как одна из метакомпетенций специалиста, которая, реализуясь в деятельности, проявляется в виде одной из его ключевых компетентностей. Отметим, что такой вывод находит своё подтверждение в положениях развивающегося в рамках общеевропейского проекта по разработке, внедрению, оценке и улучшению качества образовательных программ в европейских вузах тюнингового подхода, где способность работать автономно выделена как одна из ключевых компетенций, необходимых всем профессионалам.

Значимость автономности как качества субъекта высшего образования подтверждается и с позиций развивающегося в современной педагогике контекстного подхода (А.А. Вербицкий), так как в соответствии с результатами современных научных исследований автономность выделяется в качестве ключевой компетентности представителей целого ряда профессий с повышенной степенью профессиональной ответственности (педагоги, политики, психологи, врачи и др.).

Идея рассмотрения личности в образовательной среде как свободного и ответственного её субъекта является центральной и в концепции формирования рационального стиля деятельности (Е.Г. Тарева), в основу которой положена внутренняя мотивация достижения успеха в учебной или профессиональной деятельности.

С учётом рассмотренного выше психологического аспекта проблемы важным методологическим основанием автономно-ориентированного подхода в высшем образовании может стать теория самодетерминации Р. Райана и Э. Деси, придающая первостепенное значение в обеспечении эффективности деятельности удовлетворению потребности личности в автономии [11].

С учётом того, что автономное поведение, предполагающее активность личности, креативность и конструктивные стратегии, способно стимулировать изменения в образовательной среде, методологическим основанием для разработки концепции автономно-ориентированной образовательной среды вуза могут стать общенаучные основы средового подхода, среди которых А.И. Артюхина выделяет «вовлечение людей в процесс разработки локальных программ развития» и «взаимообусловленность изменений личности и среды» [2: с. 104].

Мощным потенциалом для разработки исследуемой проблемы служат положения личностно-деятельностного подхода, суть которого, по В.В. Серико-

ву, состоит в том, чтобы «создать условия, шанс, пространство выбора для проявления и, следовательно, развития личности» [7: с. 73]. Отметим, что идеи личностно-деятельностного подхода отражают положения психологических работ Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, рассматривающих человека как субъекта деятельности, который сам, формируясь в деятельности и в общении с другими людьми, определяет характер этой деятельности и общения.

Наконец, в качестве методологического основания для изучения проблем, связанных с автономно-ориентированным подходом к системе высшего профессионального образования, способны выступить теория аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы, трактующая человека как «строителя» самого себя, а также теория синергетики (В.Г. Афанасьев, С.П. Курдюмов, В.П. Казначеев, Е.Н. Князева и др.), которая рассматривает человека как целостную, сложную, саморазвивающуюся систему открытого типа, активно взаимодействующую с окружающей социокультурной средой.

Таким образом, в целом современная ситуация в высшем образовании России характеризуется, с одной стороны, наличием объективных предпосылок для внедрения в образовательный контекст автономно-ориентированного подхода, с другой, — недостаточной изученностью проблемы автономности в образовательном контексте. Это обуславливает необходимость разработки концепции развития автономности субъектов образовательной среды вуза. Одним из важных компонентов данной концепции может послужить система иноязычной языковой подготовки, которая, с одной стороны, обладает множеством потенциальных возможностей, стимулирующих проявление автономности, с другой, — позволяет развивать автономность за счёт своей универсальности и личностной направленности. Построенная на адекватных современной образовательной ситуации методологических основаниях, такая концепция способна обеспечить решение актуальной проблемы подготовки профессионала нового поколения, имеющего автономную личностную позицию, а также ведущего активный поиск путей реформирования и повышения статуса отечественного высшего профессионального образования.

Библиографический список

Литература

1. *Арсеньев А.С.* Философские основания понимания личности / А.С. Арсенев. — М.: ИЦ «Академия», 2000. — 592 с.
2. *Артюхина А.И.* Образовательная среда высшего учебного заведения как педагогический феномен (на материале проектирования образовательной среды медицинского университета): дис. ... докт. пед. наук: 13.00.08, защищена 05.04.2007 г. / А.И. Артюхина. — Волгоград, 2007. — 377 с.
3. *Вербицкий А.А.* Проблемные точки реализации компетентностного подхода / А.А. Вербицкий // Материалы II Международной научно-практической конференции

«Проектирование образовательных систем с заданными свойствами». – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. – С. 2–10.

4. *Волосникова Л.М.* О принципе академической автономии / Л.М. Волосникова // Университет, общество, государство. – Екатеринбург: НП «Журнал «Университетское управление: практика и анализ»», 2005. – С. 44–49.

5. *Похилько А.Д.* Социокультурная автономность сознания: философско-антропологическое измерение: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.13, защищена 26.06.2007 г. / А.Д. Похилько. – Ставрополь: Ставропол. гос. ун-т, 2007. – 350 с.

6. Преподаватель в XXI веке: рекоменд. указ. [2000–2010 гг.] / Сост.: О.П. Шрейн, Е.А. Штумпф; под ред. О.И. Ткаченко. – Челябинск: ЮУрГУ, 2010. – 147 с.

7. *Сериков В.В.* Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем / В.В. Сериков. – М.: Логос, 1999. – 272 с.

8. *Фромм Э.* Душа человека / Э. Фромм. – М.: Республика, 1992. – 430 с.

9. *Хаймпель Г.* Вина и задача университета / Г. Хаймпель // Отечественные записки: сетевой журнал. 2003. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6> (Дата обращения: 17.01.2013 г.).

10. *Чичерин Б.Н.* Избранные труды / Б.Н. Чичерин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 555 с.

11. *Ryan R.M.* Self-regulation and the problem of human autonomy: Does psychology need choice, self-determination, and will? / R.M. Ryan, E.L. Deci // Journal of Personality. – 2006. – № 74. – P. 1557–1586.

References

Literatura

1. *Arsen'ev A.S.* Filosofskie osnovaniya ponimaniya lichnosti / A.S. Arsen'ev. – М.: ICZ «Akademiya», 2000. – 592 s.

2. *Artyuxina A.I.* Obrazovatel'naya sreda vy'sshego uchebnogo zavedeniya kak pedagogicheskij fenomen (na materiale proektirovaniya obrazovatel'noj sredy' medicinskogo universiteta): dis. ... dokt. ped. nauk: 13.00.08, zashhishhena 05.04.2007 g. / A.I. Artyuxina. – Volgograd, 2007. – 377 s.

3. *Verbickij A.A.* Problemy'e tochki realizacii kompetentnostnogo podxoda / A.A. Verbickij // Materialy' II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Proektirovanie obrazovatel'ny'x sistem s zadanny'mi svojstvami». – М.: MGGU im. M.A. Sholoxova, 2011. – С. 2–10.

4. *Volosnikova L.M.* O principe akademicheskoy avtonomii / L.M. Volosnikova // Universitet, obshhestvo, gosudarstvo. – Ekaterinburg: NP «Zhurnal «Universitetskoe upravlenie»», 2005. – С. 44–49.

5. *Poxil'ko A.D.* Sociokul'turnaya avtonomnost' soznaniya: filosofsko-antropologicheskoe izmerenie: dis. ... dokt. filoz. nauk: 09.00.13, zashhishhena 20.07.2007 g. / A.D. Poxil'ko. – Stavropol': Stavrop. gos. un-t, 2007. – 350 s.

6. Prepodavatel' v XXI veke: rekomend. ukaz. [2000–2010 gg.] / Sost.: O.P. Shrejn, E.A. Shtumpf; pod red. O.I. Tkachenko. – Chelyabinsk: YuUrGU, 2010. – 147 s.

7. *Serikov V.V.* Obrazovanie i lichnost'. Teoriya i praktika proektirovaniya pedagogicheskix sistem / V.V. Serikov. – М.: Logos, 1999. – 272 s.

8. *Fromm E'.* Dusha cheloveka / E'. Fromm. – М.: Respublika, 1992. – 430 s.

9. *Xajmpel' G. Vina i zadacha universiteta / G. Xajmpel' // Otechestvenny'e zapiski: setevoy zhurnal. 2003. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6> (data obrashheniya: 17.01.2013 g.).*
10. *Chicherin B.N. Izbranny'e trudy' / B.N. Chicherin. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 1998. – 555 s.*
11. *Ryan R.M. Self-regulation and the problem of human autonomy: Does psychology need choice, self-determination, and will? / R.M. Ryan, E.L. Deci // Journal of Personality. – 2006. – № 74. – P. 1557–1586.*

Е.Ю. Петрова

Использование подкастов в образовательном процессе

В статье описывается относительно новый образовательный инструмент — подкаст (видео- или аудиофайл, созданный самим пользователем и размещённый в Интернете для скачивания другими пользователями). Рассматриваются его преимущества и недостатки.

This article deals with a relatively new educational tool — podcast (an audio or video recorded by a user himself and uploaded in the Internet for further download). The paper looks into advantages and disadvantages of its use.

Ключевые слова: подкаст; образовательный процесс; образовательный инструмент; учебный материал.

Keywords: podcast; educational process; educational tool; learning material.

Нынешнее поколение с самого рождения окружено компьютерами, видеоиграми, КПК, проигрывателями аудиофайлов в формате mp3, мобильными телефонами и другими изобретениями цифровой эпохи. Они стали неотъемлемой частью жизни современного студента. Это поколение называют «жителями цифровой эры» (digital natives), так как «они свободно говорят на цифровом языке компьютеров, видеоигр и Интернета» (здесь и далее перевод наш. — *Е.П.*) [5].

Подкаст — пример мобильного обучения (m-learning). В онлайн-энциклопедии «Britannica» мобильное обучение описывается как один из видов электронного обучения (e-learning), при котором обучающийся не привязан к одному фиксированному месту; при желании он может воспользоваться учебными материалами вне привычного учебного пространства (аудитории) и без использования компьютера [1].

Согласно К. Лим, подкаст «предполагает создание видео- или аудиофайла и организацию подписки на него и последующие файлы этого автора в Интернете, которые автоматически скачиваются на компьютер пользователя, как только появляется следующий эпизод», а также «возможность проигрывания файла на других переносных устройствах, таких как iPod и mp3-проигрыватели» [4]. Хотя iPod и проигрыватели аудиофайлов в формате mp3 в основном служат развлекательной цели, их можно использовать для придания образовательному процессу мобильности и гибкости.

В образовательной среде подкаст может стать инструментом, который позволит преподавателям инновационным и творческим способом оказать

поддержку своим студентам в обучении. В этом случае подкаст может быть использован в образовательных целях (для распространения лекций), во вспомогательных целях (для предоставления информации по библиотечным ресурсам, по читаемым дисциплинам и т. д.), в рекламных целях (для продвижения курса, факультета, учебного заведения) и для облегчения внедрения новых технологий в образовательный процесс [6].

Практика показывает, что в образовательном процессе подкасты используются весьма редко. Такое положение дел вызвано либо незнанием о существовании такого инструмента обучения, либо технофобией, либо ложными представлениями о подкастах.

Во-первых, высказывается опасение, что использование подкастов может привести к снижению посещаемости лекций, так как студенты предпочтут остаться дома и скачать лекцию с подкаста вместо того, чтобы прийти на занятие. Однако причины плохой посещаемости чаще всего кроются в том, что обучающиеся не получают удовольствия от занятий, если преподаватель просто пересказывает учебник или уделяет большое внимание несущественным деталям. Студентам необходим преподаватель, который заставит их размышлять, анализировать, критически подходить к решению поставленного вопроса, и подкаст тому не помеха. Одновременно с этим подкаст способствует лучшей организации и строгому структурированию материала, оказывая преподавателю и студенту помощь в определении наиболее важной информации. Тем самым подкаст снимает проблему монотонного и неяркого представления материала, а также помогает очертить объём данных, необходимых для усвоения.

Во-вторых, бытует мнение, что подкаст — это лишь запись лекции, прочитанной преподавателем в аудитории. Может показаться, что легче всего записывать лекции вживую, а затем выкладывать их на сайте без редактирования. Однако преподаватель не должен прибегать к такому способу создания подкаста за исключением случаев, когда он сам не может присутствовать на занятии. Подкаст — не замена преподавателя, он помогает студентам справиться с большим объёмом информации. Важно понимать, что подкаст играет вспомогательную роль, поскольку он даёт студентам возможность учиться самостоятельно в заданных ими самими временных и локальных параметрах.

В-третьих, считается, что использование подкастов способно привести студентов к перенасыщению информацией и вследствие этого повысить их нервозность, снизить их работоспособность и мотивацию. На практике наблюдается обратная картина. В ходе опроса, который был проведён в Калифорнийском политехническом университете после апробации студентами подкастов, созданных преподавателями университета, были получены исключительно положительные отзывы. Записи помогали студентам вычленивать наиболее важную информацию. «Подкаст — хороший способ разобраться в материале. Часто я просто в ужасе от количества информации, которое я получаю в ходе 2-часового занятия, а подкасты помогают мне заполнить пробелы, если

я что-то пропустил во время лекции, или разобраться в том, что я не совсем понял» [2].

Противники использования подкастов выделяют следующие их недостатки: большие расходы (оборудование компьютерных классов, закупка программного обеспечения, обучение преподавателей и студентов пользованию этими программами); отсутствие непосредственной интеракции; возможные проблемы при доступе к сайту; возможная задержка появления подкаста на сайте; затрата времени на скачивание и прослушивание подкаста; предположительное снижение посещаемости лекций.

Данные прогнозируемые недостатки несомненно компенсируются реальными преимуществами:

1. Подкасты являются хорошим инструментом для людей с разными стилями обучения и особенно для тех, кто привык обучаться «в пути» (*'on the go'*).

2. Для некоторых студентов существует необходимость неоднократного прослушивания или прочтения лекции, чтобы лучше понять изучаемый материал или детально вспомнить, что обсуждалось на предыдущем занятии, а также при подготовке к экзамену. Одним из недостатков подкастов считается необходимость транскрибировать запись как для студентов, так и для преподавателей. Между тем предоставление скрипта вместе с подкастом является безусловным плюсом, так как студенты могут проверить по нему то, что они не услышали или не поняли.

3. Подкасты могут также помочь студентам, страдающим от проблем со зрением или дислексии (избирательное нарушение способности к овладению навыком чтения при сохранении общей способности к обучению).

4. Подкаст может удовлетворить потребности студентов, у которых наблюдаются какие-либо трудности с обучением на иностранном языке.

5. Подкаст помогает студенту учиться в том темпе, который он сам для себя выбирает (в отличие от конспектирования лекций, когда темп определяет преподаватель).

6. Подкасты дают возможность обучающимся выбирать время и место, когда и где они хотят учиться.

7. Подкасты могут оказаться более привлекательными для определенного, традиционно мало мотивированного контингента студентов и тем самым увеличить количество вовлеченных в процесс обучения людей.

8. Подкасты способствуют появлению чувства «принадлежности» к учебному сообществу для студентов, обучающихся заочно.

9. Подкаст позволяет обеспечить студентов, обучающихся заочно или дистанционно, тем же количеством материала, что и очно обучающихся.

10. Эффективность подкаста подтверждается тем, что он предоставляет больше возможностей для анализа содержания обучения. Опрос студентов показал, что использование подкастов значительно увеличивает понимание преподаваемого материала.

11. Подкаст помогает также развить коммуникативные умения, умение организовать своё время, способность решать проблемы. Он способствует совершенствованию механизмов критического и аналитического мышления. Например, подкаст может включать вопросы для обсуждения, на которые студенты должны подготовить ответ к следующему занятию. Тем самым подкаст развивает критическое отношение к предлагаемому материалу и аналитические способности обучающихся.

12. Подкаст дополняет обязательный учебный материал по теме.

13. Благодаря использованию подкастов сокращается число студентов, которые бросают обучение либо из-за неспособности совместить работу, семью и учёбу, либо в связи с необходимостью траты большого количества времени на дорогу. Использование подкастов может помочь студентам планировать свою учёбу так, как им удобно, помогает им правильно организовывать своё время в условиях необходимости совмещения работы, семьи и учёбы.

14. Подкаст вносит разнообразие в учебный процесс (способствует смене учебной деятельности — break from reading).

15. Благодаря подкастам у студентов появляется возможность наверстать материал, если они пропустили лекцию по какой-либо причине. Подкаст позволяет им быть полноценными участниками образовательного процесса.

16. Более эмоциональная, личностно обусловленная презентация материала в подкасте повышает интерес студентов к предмету и мотивирует их (в отличие от академического учебника).

17. Подкаст обеспечивает относительную лёгкость получения информации (слушание) в отличие от прочтения учебника.

Использование подкастов в обучении свидетельствует о модернизации современного образования. Подкасты можно также использовать при обучении иностранному языку. В этом случае язык выступает в роли не только средства передачи информации, но и объектом изучения. В настоящее время в обучении иностранному языку главную роль отводят аутентичности и автономности. Подкаст отвечает этим требованиям: 1) в Интернете можно найти подкасты, записанные носителями языка, — требование аутентичности, и 2) подкаст даёт студентам возможность действовать в соответствии со своим уровнем обученности и темпом обучения — требование автономности. Подкаст способствует, в первую очередь, формированию навыков аудирования, при этом студент научается не только воспринимать речь носителей языка, но и воспроизводить интонационный рисунок иноязычной речи и различать разные акценты. Помимо этого подкаст позволяет расширить словарный запас студентов, лингвокультурологические представления, что в свою очередь обогащает знания студентов об изучаемой культуре. Таким образом, подкаст является платформой, на основе которой возможно обучать говорению: от вычленения разговорных оборотов до организации дискуссии по теме подкаста.

Подкаст может быть эффективно использован при дистанционном обучении иностранному языку.

Подкаст может быть создан самим студентом как часть учебного задания с его последующей презентацией на занятии. Таким образом, подкаст может помочь более интенсивному вовлечению студентов в образовательный процесс. Нет ничего необычного в том, что знания студентов проверяются через написание эссе, докладов, рефератов и т. д., однако этот «конечный продукт» редко выходит за пределы кабинета преподавателя, который является его единственным читателем и оценщиком. Подкасты же дают доступ всем заинтересованным лицам к результатам учебного труда.

Использование на занятиях подкастов, созданных самими студентами, меняет динамику отношений между ними и преподавателем. Если раньше считалось нормой, когда преподаватель доносил материал в виде лекций и семинаров, то с внедрением студенческих подкастов лектор выполняет также роль помощника (*facilitator*): он должен удостовериться, что информация, представленная в подкасте, верна и соответствует цели обучения. Такая организация образовательного процесса бросает вызов традиционной трактовке роли студентов в обучении как пассивных получателей знаний и превращает их одновременно в творцов и создателей (*prosumers* = *producer* + *consumer*) [3].

Таким образом, использование подкастов не только развивает аналитическое мышление, но и помогает раскрыть творческие способности студентов. К тому же с точки зрения пользователя-создателя, подкаст дает ощущение автономности и контроля. Подготовка собственных подкастов помогает обучающимся применить теорию (знания, полученные на лекции или семинаре) на практике, что способствует лучшему пониманию материала.

В заключение следует отметить, что подкаст обеспечивает гибкость образовательного процесса — явное преимущество в постоянно меняющемся и развивающемся мире. Как представляется, подкасты будут востребованы в ближайшем будущем в качестве инструмента обучения и познания.

Библиографический список

Литература

1. Britannica Online Encyclopedia. – URL: <http://www.britannica.com>.
2. Fose L. Plugging into Students' Digital DNA: Five Myths Prohibiting Proper Podcasting Pedagogy in the New Classroom Domain / L. Fose, M. Mehl // MERLOT Journal of Online Learning and Teaching. – Vol. 3. – №. 3. – September 2007. – P. 277–287.
3. Lee M.J.W. Teaching and Learning in the Web 2.0 Era: Empowering Students Through Learner-generated Content / M.J.W. Lee, C. McLoughlin // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. – 2007. – Vol. 4. – № 10. – URL: http://www.itdl.org/Journal/Oct_07/article02.htm.
4. Lim K. Now Hear This — Exploring Podcasting as a Tool in Geography Education / K. Lim // Nanyang Technological University, 2005. – URL: http://homepage.mac.com/voyager/brisbane_kemlim.pdf.

5. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // On the Horizon. – Vol. 9. – № 5. – October 2001. – P. 1–6.
6. *Salmon G.* Podcasting for Learning in Universities / G. Salmon, P. Edirisingha. – Maidenhead, England: Open University Press, 2008. – 248 p.

References

Literatura

1. Britannica Online Encyclopedia. – URL: <http://www.britannica.com>.
2. *Fose L.* Plugging into Students' Digital DNA: Five Myths Prohibiting Proper Podcasting Pedagogy in the New Classroom Domain / L. Fose, M. Mehl // MERLOT Journal of Online Learning and Teaching. – Vol. 3. – № 3. – September 2007. – P. 277–287.
3. *Lee M.J.W.* Teaching and Learning in the Web 2.0 Era: Empowering Students Through Learner-generated Content / M.J.W. Lee, C. McLoughlin // International Journal of Instructional Technology and Distance Learning. – 2007. – Vol. 4. – № 10. – URL: http://www.itdl.org/Journal/Oct_07/article02.htm.
4. *Lim K.* Now Hear This — Exploring Podcasting as a Tool in Geography Education / K. Lim // Nanyang Technological University, 2005. – URL: http://homepage.mac.com/voyager/brisbane_kemlim.pdf.
5. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // On the Horizon. – Vol. 9. – № 5. – October 2001. – P. 1–6.
6. *Salmon G.* Podcasting for Learning in Universities / G. Salmon, P. Edirisingha. – Maidenhead, England: Open University Press, 2008. – 248 p.

Р.В. Агаджанян

Суггестивные стратегии англоязычного дидактического дискурса: опыт анализа

Статья посвящена суггестивным приёмам, употребляемым в современном англоязычном дидактическом дискурсе, а также присущим им языковым особенностям выражения, обнаруживаемым материалами международного учебника «Market Leader Upper Intermediate Business English» (Longman, 2002). Внимание сосредоточено на обосновании эксплицитного характера суггестивной стратегии, применённой авторами-составителями данного учебника, и на анализе лингвистических приёмов воздействия, обеспечивающих успех суггестивной стратегии использования рассматриваемых дидактических материалов.

The paper is devoted to the suggestive devices used in modern English-speaking didactic discourse and their language features of expression found by materials of the international textbook *Market Leader Upper Intermediate Business English* (Longman, 2002). The attention is concentrated on the confirmation of the suggestive strategy's explicit nature used by the textbook authors and on the effect analysis of linguistic devices providing success of suggestive strategy in considered didactic materials.

Ключевые слова: коммуникативный акт; суггестивная коммуникация; лингвистическая суггестия; суггестопедия; дидактический дискурс.

Keywords: communicative act; suggestive communication; linguistic suggestion; suggestopedy; didactic discourse.

Современная лингводидактическая практика использует результаты исследований целого комплекса гуманитарных академических направлений, среди которых психологии и лингвистике отводится чрезвычайно важная роль. Известно, что суггестия (от *лат.* *suggestio* — внушение) определяется как «психическое внушение, изменение процессов мышления, чувствований и реакций, большей частью не замечаемое тем, кто подвергается внушению со стороны или со стороны самого себя» [10]. Соответственно и психология и лингвистика имеют объективный интерес в пред-

мете суггестии, а именно в процессе мышления, проявляемом в чувственных реакциях, в том числе вербальных, сопровождающих процесс общения в условиях, когда коммуниканты могут не отдавать себе отчёта в суггестивной окрашенности коммуникативного акта, участниками которого они являются.

История исследования суггестивных явлений лингвистической мыслью насчитывает многие десятки лет и отражена в работах, выполненных в рамках суггестопедии как на материале измененного сознания (Г.К. Лозанов [5], Л.А. Близначенко [9] и их последователи), так и во взаимосвязи языка и мышления (М. Эрикссон [7]), на фоне сложного комплекса академических дисциплин в их пересечении.

Так, суггестопедия, понимаемая сегодня как использование суггестии в процессе обучения и воспитания [3: с. 32], основывается на представлении о характеристике внушаемости как естественном проявлении психики и исследует особенности проявления суггестивности и условия, способствующие её усилению в коммуникативном акте.

В исследованиях последних лет подчёркивается, что «преподаватель, интенсивно работающий, должен быть также хорошим суггестором: быть авторитетным, иметь обаяние, эмоциональность, выразительность, обладать волей, интеллектуальным и характерологическим превосходством над учениками, быть непосредственным и свободным в действиях, спокойным внешне и внутренне» [4: с. 40]. В свете всего сказанного выше не менее важным оказывается наличие у преподавателя определённых, развитых личностных качеств, таких как воля и уверенность в себе, педагогическая техника, техника речи. Понятно, что суггестивные умения предполагают наличие достаточной степени саморегуляции, уверенности в себе, готовности ко взаимодействию, способности к прогнозированию поведения обучающихся, вплоть до ситуаций контрсуггестии.

Лингвистическая суггестия — новое исследовательское направление, изучающее проявление суггестивной функции языка в коммуникативном акте. Так, язык оказывается средством суггестивной коммуникации, которое будет влиять на реакции собеседника. Т.А. Ван Дейк рассматривает «каждое речевое взаимодействие как вмешательство в систему знаний, убеждений, намерений, желаний и оценок суггеренда» [2: с. 18] и обладающее суггестивной составляющей. Дидактический дискурс же может рассматриваться как «специально организованный вид коммуникации, который формируется с помощью определённых вербальных и невербальных средств» [6: с. 119].

При обращении к материалам современного международного учебника «Market Leader Upper Intermediate Business English» [1: p. 7] удалось заметить ряд особенностей текстов и заданий, сформированных на суггестивной основе, свидетельствующих о вышеупомянутых характеристиках дидактического дискурса.

Так, например, в части учебника, озаглавленной «Unit-1 Communication», представлено задание, включающее 3 аутентичных текста — фрагменты политических речей, произнесённых в разные годы второй половины прошлого

века президентом США Дж. Кеннеди, выдающимся политическим деятелем США М.Л. Кингом и премьер-министром Великобритании М.Х. Тэтчер.

Обращает на себя внимание тот факт, что при явном различии сюжетно-содержательного наполнения все три текста объединяются авторами учебников прагматической направленностью — произносятся эти тексты, политики «общались» со своей аудиторией, передавая ей своё видение актуальной политической проблемы, путей её решения и последующего развития ситуации, исходя из принимаемых ими политических решений.

Понятно, что во всех трёх случаях учащемуся предъявляются содержательно и эстетически полноценные фрагменты речевых произведений, обладающие ярко выраженной экспрессивной составляющей, способной оказать эстетическое и эмоциональное воздействие на аудиторию, и в структурном отношении обнаруживающие типические особенности построения текстов — политических речей.

Учащимся предлагается ознакомиться с фрагментами речей и, опираясь на фоновые знания и отдельные указания на историческую соотнесённость событий, описываемых в текстах, сопоставить их с приводимыми в этом задании тремя именами политиков. Следующим этапом в работе над материалом урока является формулировка учащимися ответов на вопросы о содержательно-смысловой доминанте каждого из фрагментов, а также об особенностях коммуникативной направленности этих фрагментов. Завершается выполнение задания прослушиванием записи текстов и формулированием возможных вариантов ответа на вопрос о том, какой из текстов производит наибольшее эстетическое воздействие и почему. Учащимся предлагается также ответить на вопрос, определяются ли качества политика-оратора индивидуально-личностными характеристиками или они были сформированы ораторами намеренно, за счёт использования ими определённых речевых приёмов эстетического воздействия.

Как видим, авторы учебника специально не фокусируют внимание учащегося на суггестивной составляющей каждого из материалов, однако сам акцент на характеристиках эстетического воздействия, которыми обладает каждый из текстов политических речей, исключает сомнение в том, что материал способен производить эстетическое впечатление не только за счёт приёмов риторической выразительности, свойственной фрагментам речей выдающихся политиков, но и за счёт приёмов лингвистической суггестии, использование которых также обнаруживается приводимыми материалами.

Следует обратить внимание на следующие особенности построения этих текстов. Текст речи Дж. Кеннеди обнаруживает ряд признаков, которые относятся к характеристикам суггестивно окрашенных текстов [8], а именно: оценочно-описательная номинация в следующем построении: «*The energy, the faith, the devotion which we bring to this endeavor will light our country and all who serve it*», — сопоставление конкретных и абстрактных смыслов, с интимизацией последних за счёт использования личных и притяжательных местоимений: «*devotion which we bring, endeavor will light our country*».

Далее, в тексте градация суггестивной окрашенности основана на использовании линейной последовательности составных глагольных (модальных) сказуемых со значением возможности совершения действия в сочетании с простым глагольным сказуемым будущего времени со значением обязательности совершения действия: «*And so, my fellow Americans, ask not what your country **can do** for you; ask what you **can do** for your country. My fellow citizens of the world ask not what America **will do** for you, but what together **we can do** for the freedom of man. (1961)*» [1: p. 7].

Далее, обращает на себя внимание использование свойственной речам политиков национальной атрибуции — «Americans». Национальная идея лежит в основе представления суггерендов-избирателей единой социальной группой. В силу вышесказанного политик-суггестор может заканчивать своё обращение к аудитории фразами «*My fellow Americans*» и «*My fellow citizens of the world*».

В тексте известной речи М.Л. Кинга «*I have a dream*» первая фраза оказывается ключевой и повторяется оратором несколько раз, не обнаруживая тавтологичности содержания, поскольку существительное «dream» соотносится оратором с разным содержательным наполнением: программного требования равенства независимо от расовой принадлежности; визуального образа мечты о гармоничном сосуществовании разных рас; осуществленной мечты о правовом государстве с равными правами и свободами для всех граждан; мечты и надежды на осуществление права на счастье и самореализацию всех граждан. И, наконец, использование существительного «dream» в пятом случае обнаруживает наибольшую степень воздействия, поскольку фраза «*I have a dream today*» воспринимается как указание на контраст между реальным положением американского чернокожего населения и мечтой оратора о его улучшении.

В контексте всего фрагмента речи существительное «dream» воспринимается как указание не столько на мечту о расовой реабилитации, сколько на успешно осуществлённую программу усовершенствования действительности, доступную осознанию максимально широкой аудиторией в форме метафорического образа «dream», имеющего общую положительную семантическую составляющую независимо от индивидуальных различий его конкретных проявлений. В этом тексте политик-суггестор описывает свою мечту как общеамериканскую с использованием моделирования категории времени путём употребления темпоральных лексических маркеров в необходимой для достижения эффекта внушения последовательности: *one day* (последовательно, четырежды) — *today* (единовременно, в конце речи).

Таким образом, суггестивно опосредованный результат закрепляется четырежды повторяющейся в тексте конструкцией «*I have a dream that one day*», переходящей в построение «*I have a dream today*», где изменён только один элемент, что вуалирует противопоставление реального и желаемого и характеризует описываемую мечту как достижимую. Последняя фраза может также рассматриваться как фраза-катализатор восприятия содержания-намерения, помогающая аудитории перейти из воображаемого мира вербализуемых ора-

тором иллюзорных образов к современной политике-суггестору реальности, в которой активное и незамедлительное участие аудитории в решении актуальной проблемы приобретает особую значимость.

Текст-обращение премьер-министра Великобритании М.Х. Тэтчер к широкой аудитории подданных её Величества заверяет аудиторию в серьёзности намерения политика служить интересам страны, используя все доступные средства для укрепления морального духа нации. Анализ текста позволил также выявить обращение оратора к вербализации суггестивной стратегии на основе использования следующих лингвистических приёмов: повторы параллельных конструкций с модальным глаголом «may» в сочетании с прономинализацией инклюзивного местоимения «we», «where there is... may we»; обозначение контрастирующего содержания через использование лексических пар discord – harmony; error – truth; doubt – faith; despair – hope, которые могут рассматриваться как ядро выражения эмотивности [8: с. 21]: «*Where there is discord, may we bring harmony. Where there is error, may we bring truth. Where there is doubt, may we bring faith. And where there is despair, may we bring hope*». Ещё одним приёмом суггестивного воздействия является снятие критичности восприятия аудитории, достигаемое оратором за счёт отсылки к духовному авторитету St. Francis Assisi, что сближает высказывание оратора с прямой цитатой из авторитетного источника.

Приведённый выше лингвистический анализ содержания трёх фрагментов текстов публичных выступлений, использованных авторами-составителями международного учебника «Market Leader Upper Intermediate Business English (Unit-1 Communication)», позволяет обобщить полученные результаты и констатировать факт применения ораторами-суггесторами лингвистических приёмов суггестивного воздействия, а именно: использование лексических единиц со значением оценочно-описательной номинации; соположение лексических единиц со значением конкретного и абстрактного смысла; интимизация лексических единиц абстрактного смысла; использование линейных последовательностей модальных сказуемых как способных передать эстетически значимые, оценочные характеристики; многократное использование последовательности реплик одного содержания; использование приёма обозначения контрастирующего содержания через использование лексических пар антонимического содержания; использование суггестивно окрашенных лингвистических маркеров. Последовательность использования сопоставимых лингвистических приёмов даёт возможность определять их как основу для стратегии суггестивного воздействия, а факт включения, по меньшей мере, трёх индикаторов, обладающих суггестивной характеристикой, приводит к выводу о том, что выбор автора не случаен и особенности англоязычной коммуникации могут быть успешно рассмотрены на примере суггестивно окрашенных риторических произведений.

Библиографический список***Источники***

1. *Cotton D.* Market Leader Upper Intermediate Business English, New edition. Course book / D. Cotton, D. Falvey, S. Kent. – Harlow: Longman, 2002. – 174 p.

Литература

2. *Ван Дейк Т.А.* Язык, познание, коммуникация / Т.А. Ван Дейк; пер. с англ.; сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 308 с.

3. *Гончаров Г.А.* Суггестия: теория и практика / Г.А. Гончаров. – М.: Просвещение, 2008. – 288 с.

4. *Каспарова М.Г.* Суггестия в методе активизации / М.Г. Каспарова // Метод активизации возможностей личности и коллектива 25 лет спустя. – М.: НОЦ «Школа Китайгородской», 2000. – С. 40.

5. *Лозанов Г.К.* Суггестопедия при обучении иностранным языкам / Г.К. Лозанов // Методы интенсивного обучения иностранным языкам. – Вып. 1. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1973. – С. 9–17.

6. *Черепанова И.Ю.* Дом колдуньи. Начала суггестивной лингвистики / И.Ю. Черепанова. – Ч. I. – Пермь: Изд-во ПТУ, 1995. – 213 с.

7. *Эриксон М.* Наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения / М. Эриксон, Э. Росси, Ш. Росси; пер. с англ. М.А. Якушиной; под ред. М.Р. Гинзбурга. – М.: Класс, 2000. – 352 с.

8. *Юданова Е.Т.* Суггестивная функция языковых средств англоязычного политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; защищена 04.10.2003 г. / Е.Т. Юданова. – СПб., 2003. – 181 с.

9. *Bliznitchenko L.A.* Learning during natural sleep / L.A. Bliznitchenko. – Kiev: Naukova Dumka, 1967. – 148 p.

Справочные и информационные издания

10. Философский энциклопедический словарь, 2010. – URL: http://ukkppis.ucoz.kz/news/filosofskij_ehnciklopedicheskij_slovar/2010-10-14-100.

References***Istochniki***

1. *Cotton D.* Market Leader Upper Intermediate Business English, New edition. Course book / D. Cotton, D. Falvey, S. Kent. – Harlow: Longman, 2002. – 174 p.

Literatura

2. *Van Dejk T.A.* Yazy'k, poznanie, kommunikaciya / T.A. Van Dejk; per s angl; sost. V.V. Petrova; pod red. V.I. Gerasimova; vstup. st. Yu.N. Karaulova i V.V. Petrova. – M.: Progress, 1989. – 308 s.

3. *Goncharov G.A.* Suggestiya: teoriya i praktika / G.A. Goncharov. – M.: Prosveshhenie, 2008. – 288 s.

4. *Kasparova M.G.* Suggestiya v metode aktivizacii / M.G. Kasparova // Metod aktivizacii vozmozhnostej lichnosti i kollektiva 25 let spustya. – M.: NOC «Shkola Kitajgorodskoj». 2000. – S. 40.

5. *Lozanov G.K.* Suggestopediya pri obuchenii inostranny'm yazy'kam // G.K. Lozanov // Metody' intensivnogo obucheniya inostranny'm yazy'kam. – Vy'p. 1. – M.: MGPIIYA im. Morisa Toreza, 1973. – S. 9–17.

6. *Cherepanova I.Yu.* Dom koldun'i. Nachala suggestivnoj lingvistiki / I.Yu. Cherepanova. – Ch. I. – Perm': Izd-vo PTU, 1995. – 213 s.

7. *E'rikson M.* Navedenie klinicheskogo gipnoza i formy' kosvennogo vnusheniya / M. E'rikson, E'. Rossi, Sh. Rossi; per. s angl. M.A. Yakushinoy pod red. M.R. Ginzburga. – M.: Klass, 2000. – 352 s.

8. *Yudanova E.T.* Suggestivnaya funkciya yazy'kovy'x sredstv angloyazy'chnogo politicheskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04; zashhishhena 04.10.2003 g. / E.T. Yudanova. – SPb., 2003. – 181 s.

9. *Bliznitchenko L.A.* Learning during natural sleep / L.A. Bliznitchenko. – Kiev: Naukova Dumka, 1967. – 148 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdanya

10. *Filosofskij e'nciklopedicheskij slovar'*, 2010. – URL: http://ukkppis.ucoz.kz/news/filosofskij_ehnciklopedicheskij_slovar/2010-10-14-100.

М.Ю. Евтеева

Моделирование семантической структуры глагола широкой семантики *machen* в немецком языке

Статья посвящена моделированию семантической структуры глагола широкой семантики на основании выявления у него прототипических значений; применён гипотетико-дедуктивный метод.

The paper deals with the modeling of the semantic structure of the verb with broad semantics *machen*, based on the deduction of its prototypical meanings, the hypothesis and deduction method applied.

Ключевые слова: семантическая структура; глагол широкой семантики; прототипическое значение; качественная определённости; обратимость.

Keywords: semantic structure; verb with broad semantics; prototypical meaning; qualitative definiteness; reversibility.

В рамках когнитивного подхода учёные всё чаще обращаются к исследованию семантики отдельных лексических единиц. Именно ментальные репрезентации языка как результат познавательных процессов представляют здесь особый интерес. Глагол широкой семантики поля действия *machen* относится к единицам базового уровня, где в качестве категорий выступают объединения, концентрирующие в себе наиболее релевантные для обыденного сознания свойства. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о возможности построения семантической модели такого глагола на основе выявления у него прототипического значения.

На первом этапе исследования с применением гипотетико-дедуктивного метода (ГДМ), направленного также на разграничение значений глаголов *machen* и *tun*, был осуществлён контекстуальный, дистрибутивный и валентный анализ примеров немецкого корпуса лексики, а также примеров из ряда одноязычных и двуязычных словарей с глаголом *machen* (всего около 1200 примеров). Переходный глагол *machen* предполагает открытие субъектной и объектной валентностей, при этом последняя может быть выражена возвратным местоимением *sich* (себя). Кроме того, начальная конструкция *X machen Y* может быть расширена за счёт обстоятельственных характеристик, прилагательных, предложных именных групп.

Ввиду широкой семантики глагола субъект в конструкции (*X*) *machen Y* может быть как одушевлённым, так и неодушевлённым. Надо заметить, что

субъект не столь существенен для определения значения глагола *machen* (поэтому он взят в скобки). Однако, учитывая, что предикат *machen* вносит эксплицитную информацию о совершении субъектом какого-либо действия в отношении объекта, уточним роль субъекта. Ему приписывается семантическая роль Деятеля, определяемая признаками приложения энергии человеком и контролируемости события: *Manu Chao machte den ersten Schritt* (*Ману Чао сделал первый шаг*), или семантическая роль Агентива, которой свойственно неконтролируемое приложение силы: *Das macht dich unheimlich froh* (*Это тебя невероятно радует*) [1: с. 201]. При этом под контролируемостью понимается сознательное приложение усилий субъектом для реализации описываемого события на разных его этапах [3: с. 41].

Объекты в конструкции *(X) machen Y* отличаются высокой степенью конкретизованности и могут быть определены как «сильные», раскрывающие содержание глагола: *schlechte Erfahrungen* (*плохой опыт*), *einen Handstand* (*стойка на руках*), *AH!* (*Ах!* (возглас)), *einen Gulasch* (*гуляш*) *machen*. Количество примеров со «слабыми» объектами, требующими раскрытия в контексте, в нашей выборке составило всего 12 %: *alles* (*всё*), *es* (*это*), *irgendwas* (*что-то*), *das* (*это*), *so* (*так*), *was* (*что*) *machen*. В ходе исследования была предпринята попытка выделить группы дополнений, обозначающих объекты при глаголе *machen*:

1. **Физические (материальные) объекты:** созданные в результате физических усилий: *Saft (aus den Äpfeln)* (*сок (из яблок)*), *Locken* (*локоны, завивка*), *(eine Tasse) Kaffee* (*(чашка) кофе*) *machen*; созданные в результате ментальной деятельности: *einen Aufsatz* (*сочинение*), *einen Vertrag* (*договор*), *Aufzeichnungen* (*зарисовки*) *machen*.

2. **Нефизические (нематериальные) объекты:** реализация события: *Ferien* (*каникулы*), *Glück* (*счастье*), *Mühe* (*усилия*), *ein Spiel* (*игра, партия*), *seinen Ingenieur* (*экзамен на инженера*) *machen*; устное/письменное высказывание: *Einwände* (*возражения, отговорки*), *eine Bemerkung* (*замечание*), *Kompliment* (*комплимент*) *machen*; шум, звук: *Geräusche* (*шум*), *Lärm* (*шум*), *Musik* (*музыка*), «*hu*» (*выкрик при пугании*), *miau* (*мяу*) *machen*; логические операции: *Vergleiche* (*сравнения*), *Erfindung* (*изобретение*) *machen*.

3. **Физическое действие:** движение, жест, выражение лица: *einen Sprung* (*прыжок*), *einen Bogen* (*поворот, дуга*), *ein erstauntes Gesicht* (*удивлённое лицо*) *machen*; скорость: *100 Kilometer* (*100 км/ч*) *machen*; расстояние, преодоление чего-либо: *einen Berg* (*гора*) *machen*.

4. **Физическое состояние:** *Appetit* (*аппетит*), *Durst* (*жажда*) *machen*.

5. **Роль:** *den Sprecher* (*представитель*), *den Wirt* (*хозяин (дома)*) *machen*.

Как видно из примеров, сами объекты в конструкции *(X) machen Y* раскрывают содержание глагола *machen*, который сохраняет семантические функции в самом общем виде. Это позволило Г. Хельбигу и Й. Бушу отнести его к функциональным глаголам, отличающимся большой степенью грамматикализации, вследствие чего, по мнению авторов, глагол в значительной

мере утрачивает лексическое значение [4: S. 79]. Тем не менее на основании собранных данных можно построить гипотезу о содержании прототипа и его компонентов в значении глагола *machen* и определить, в чём здесь заключается отличие от глагола *tun*. Было установлено, что *tun* вносит информацию о фиксации наличия действия без его спецификации. В свою очередь ситуация, обозначенная глаголом *machen*, понимается как сложный процесс, действие, направленное на:

– создание объекта иной качественной определённости при необратимости ситуации — $X \text{ machen } Y$ из Z (*machen1*). При этом под качественной определёностью понимается гештальт-качество, «совокупность «существенных» свойств вещи, отличающих её от какого-то другого объекта» [2: с. 116]. Благодаря этому при изменении частных качеств объекта, в целом составляющих единство, они сохраняют «некоторую устойчивость» [5: с. 102–104]. Таким образом, Y и Z — объекты разной качественной определённости, обладающие целостным набором собственных качеств, что составляет суть каждого из них: *Saft (aus Äpfeln) machen* — *делать сок (из яблок)*;

– преобразование объекта при сохранении его качественной определённости и возможности обратимости ситуации — $(X) \text{ machen } Y1$, путём преобразования из Y (*machen2*). Y и $Y1$ — объекты одной качественной определённости, т. е. «при любом качественном изменении имеется такой более общий... уровень качества объекта, который остаётся, по существу, тем же: изменяется лишь вариация его существования» [5: с. 103].

Кроме того, в данном случае имеет место потенциальный возврат к прежнему состоянию. Из этого следуют две возможности. Во-первых, исходный объект Y и результат его преобразования, объект $Y1$, могут называться по-разному: исходный объект — *das Haar (волосы)*; результат — *Locken (локоны, завивка)*. Во-вторых, при изменении определённых частных качеств объекта может сохраняться его название: *eine erstaunte Miene (удивлённое лицо)*. Преобразованию могут подвергаться внутренняя структура, физическое и эмоционально-психологическое состояние, статус, роль/функция объекта и восприятие его третьими лицами.

Рассмотрение производных от начальной конструкции $X \text{ machen } Y$ вариантов оказалось нерелевантным для выявления новых значений глагола *machen*, а лишь подтвердило употребление выявленных прототипических значений, преимущественно *machen2*. Так, в конструкции $(X) \text{ machen (каким?) } (Y)$ — (X) *делать (каким?) (Y)* характер преобразования раскрывает прилагательное: *j-n/etw. schön, märchenhaft reich machen* (*делать к-л/ч-л красивым, сказочно богатым*). То же относится к конструкции $(X) \text{ machen } (Y) V$, где валентность именной части сказуемого заполняет глагол: *j-n frösteln, glauben machen* (*заставить кого-либо дрожать (как от холода), (по)верить*).

Характер предложного управления в конструкциях $(X) \text{ machen } (Y1) \text{ aus } (Y)$ (**D.**) — (X) *делает (Y1) из (Y)*, $(X) \text{ machen } (Y) \text{ zu } (Y1)$ (**D.**) — (X) *преобразует (Y)*

в (Y1), расширенных за счёт предложных именных групп, и вводимые предлогами валентности для глагола *machen* также указывают на преобразование объекта (*machen2*): *Aus Tradition mach Moderne!* (Из традиции делай современность!), *Die politischen Ereignisse machten die Türkei... zur touristischen «No Go Area»* (Политические события сделали Турцию... зоной, куда туристам «Вход воспрещён»).

То же значение (*machen2*) глагол имеет в конструкциях (X) *machen auf* (X1) (A.), (X) *machen auf* (как?) — (X) строит из себя/изображает (X1), где глагол вносит информацию об изменении субъектом самого себя: *Er macht auf Macho* (Он ведёт себя как мачо), *Er macht auf genial* (Он строит из себя гениального).

Значение *machen1* (создание объекта иной качественной определённости при необратимости ситуации) имеет место в конструкциях (X) *machen* (Y) *aus* (Z) (D.) — (X) делает (Y) из (Z), где указание на материал (Z) в принципе факультативно: *Er macht einen Tisch aus Holz* (Он делает стол из дерева). В фокусе внимания находится сам создаваемый объект, важно, что (X) делает *стол*, а материал второстепенен. В аналогичной по форме конструкции, где глагол имеет значение *machen2* и вносит информацию о преобразовании объекта, обязательно указание как на результат, так и на исходный объект: *Ich mache aus dir einen guten Schüler* (Я сделаю из тебя хорошего ученика).

Рассмотрение различных залоговых отношений, в которые вступает глагол (*sich*) *machen*, не выявляет его новых значений. Анафорическое местоимение *sich* указывает на предмет, являющийся объектом собственного действия. Таким образом, для глагола (*sich*) *machen* речь идёт о **воздействии на объект, его преобразовании, при сохранении его качественной определённости** (*machen2*). Значение залоговой конструкции накладывается на прототипическое значение глагола и может «уточнить» ход его реализации. Например, действие, обозначенное глаголом (*machen2*) в конструкции (XY) *machen sich* (какими?) — (XY) *делаются* (какими?), понимается как **взаимное действие (взаимное преобразование)** субъектов — залог реципрок: *Machen Sie sich bekannt!* (Познакомьтесь!) — единственный пример для этого залога.

Пассивный залог в этом плане является исключением. При диатетическом сдвиге по оппозиции актив/пассив описывается одна ситуация, представленная значением глагола. Например: *Ich mache diese Arbeit* (Я делаю эту работу) и *Die Arbeit wird (von mir) gemacht* (Работа делается (мною)). В пассивном предложении из центра устраняется или выводится за рамки субъект, на синтаксическом уровне в позицию подлежащего помещается объект, но новое значение пассивная конструкция не вносит.

Подводя итог, можно утверждать, что модель семантической структуры глагола широкой семантики *machen* может быть построена на основе выделения прототипических значений в начальной конструкции X *machen* Y: *machen1* (создание объекта иной качественной определённости при необратимости ситуации) и *machen2* (преобразование объекта с сохранением его

качественной определённости при обратимости ситуации). Отсутствие других прототипических значений подтверждено рассмотрением производных от начальной конструкции, а также диатезой.

Библиографический список

Литература

1. *Амирова О.Г.* Содержание семантической роли объекта при глаголах управления / О.Г. Амирова // Лингвистика на рубеже эпох: доминанты и маргиналии: сб. ст. – М.: МГПУ, 2004. – С. 201–210.
2. *Сулейманова О.А.* Некоторые семантические типы субстантивов и их актуализаторы *vesь/целый* и *all/whole*: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20; защищена 27.01.1987 г. / О.А. Сулейманова. – М., 1987. – 188 с.
3. *Сулейманова О.А.* Принципы и методы семантических исследований: учебно-метод. пособие / О.А. Сулейманова, М.А. Фомина. – М.: МГПУ, 2010. – 120 с.
4. *Helbig G.* Deutsche Grammatik, Ein Handbuch für Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1981. – 629 S.

Справочные и информационные издания

5. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е.Ф. Губского, Г.В. Кораблёвой, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА, 1997. – 576 с.
6. Das Digitale-Wörterbuchportal des Instituts für Deutsche Sprache (DWDS). – URL: <http://www.dwds.de>, свободный (Дата обращения: 01.02.2012 г.).

References

Literatura

1. *Amirova O.G.* Soderzhanie semanticheskoi roli ob'ekta pri glagolax upravleniya / O.G. Amirova // Lingvistika na rubezhe e'pox: dominanty' i marginalii: sb. st. – М.: MGPU, 2004. – S. 201–210.
2. *Sulejmanova O.A.* Nekotory'e semanticheskie tipy' substantivov i ix aktualizatory' ves'/'celij'j i all/whole: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20; zashhishhena 27.01.1987 g. / O.A. Sulejmanova. – М., 1987. – 188 s.
3. *Sulejmanova O.A.* Principy' i metody' semanticheskix issledovaniij: uchebno-metod. posobie / O.A. Sulejmanova, M.A. Fomina. – М.: MGPU, 2010. – 120 s.
4. *Helbig G.* Deutsche Grammatik, Ein Handbuch für Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1981. – 629 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

5. Filosofskij e'nciklopedicheskij slovar' / Pod red. E.F. Gubskogo, G.V. Korablyovoj, V.A. Lutchenko. – М.: INFRA, 1997. – 576 s.
6. Das Digitale-Wörterbuchportal des Instituts für Deutsche Sprache (DWDS). – URL: <http://www.dwds.de>; svobodny'j (Data obrashheniya: 01.02.2012 g.).

Е.В. Ключева

К вопросу о теории поля: функционально-семантическое поле дейксиса

Статья посвящена вопросу поля дейксиса как системы, состоящей из ядра и периферии. Поле временного и пространственного дейксиса рассматривается в комплексе.

The article deals with the issue of the field as a system consisting of a kernel and periphery. The field of the temporal and spatial deixis is investigated in complex.

Ключевые слова: поле; уровень; ядро; периферия; пространственный дейксис; временной дейксис.

Keywords: field; level; kernel; periphery; local deixis; temporal deixis.

Поле представляет собой совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (а иногда и формальных показателей), которые отражают понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Говоря о «взаимосвязи семантических полей в пределах всего словаря», следует уточнить, что «семантические поля характеризуются связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей, взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц, относительной автономностью поля, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка» [12].

В лингвистической литературе языковая система описывается как «вертикаль», своего рода иерархия уровней с последовательно усложняющимися связями базовых единиц уровней. Целое можно разделить на составные части, и все эти части будут связаны между собой [10].

Уровневый, или полевой, образ организации языковой системы от ядра до периферии отображает её действительные, объективные свойства. Поле — это система, которая определяется как множество элементов и связей между этими элементами, объединёнными в целостный объект. Систему поля мы можем считать открытой, так как она может пополняться новыми элементами, которые занимают места в существующей схеме согласно иерархии. Некоторые элементы устаревают и выходят из обращения и из системы.

Авторитетный российский ученый А.В. Бондарко определяет следующие признаки, лежащие в основе выделения центра и периферии поля:

1. Максимальная концентрация специфических признаков (центр) и разряженность их на периферии.

2. Сосредоточение связей, участие в максимальном числе оппозиций (центр) — рассредоточение сетки связей, их ослабление (периферия).

3. Максимальная функциональная нагрузка в центре, уменьшение такой нагрузки на периферии.

4. Наибольшая специализированность данного языкового средства или системы средств (центр) — меньшая, побочная роль в реализации общей семантической функции периферией.

5. Регулярность, высокая частота функционирования данного языкового элемента (центр) — нерегулярность или меньшая регулярность (периферия).

Объектом нашего исследования является функционально-семантическое поле (далее ФСП) пространственного и временного дейксиса. А.В. Бондарко определяет ФСП как семантические категории, рассматриваемые «вместе с комплексом разноуровневых средств их выражения в данном языке». Поле имеет план содержания и план выражения. Основой формирования ФСП является содержательный аспект [6].

Условно можно выделить три уровня поля, при этом необходимо учитывать, что их количество может варьироваться в каждом конкретном случае: 1) ядро, 2) приядерный уровень, 3) периферия.

Дейксис — это использование языковых выражений и других знаков, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта — его участникам, его месту и времени.

В различных исследованиях упоминается, что в языках мира временные выражения часто тесно связаны с пространственными отношениями, так что между пространственным и временным дейксисом возможны переходные случаи. В связи с этим целесообразно не выделять отдельно ФСП пространственного дейксиса и ФСП временного дейксиса, а рассматривать их комплексно.

При таком подходе первый уровень (ядро) категорий места и времени представлен элементами наречного типа (*hier, dort, weit entfernt, zu Hause; jetzt, damals, bald*), прямым указанием на год или время (*um 5 Uhr; 2010*), именными группами с указательными местоимениями (*in diesem Haus, in jenem Zimmer, in der Nähe; in diesem Jahr, in diesem Monat*), а также именами существительными или собственными с предлогами, отвечающими на вопросы «где?», «куда?» (*in Russland, nach Berlin*), например: **Manchmal** (временной дейксис, далее — вр. д.) *fühle ich mich in China* (пространственный дейксис, далее — пр. д.) *wie im Film «Lost in Translation»* [1].

В этом примере временной дейксис представлен наречием *manchmal* (иногда), а пространственный — именем собственным — *in China* (в Китае). Мы считаем, что такие прямые указания на время и пространство стоит отнести к ядру ФСП.

Ко второму уровню (приядерному) мы относим прежде всего грамматические временные категории. Этот уровень представлен грамматическими временами: будущим I и II (Futurum I, II), настоящим временем (Präsens), фор-

мами прошедшего времени (Präteritum, Perfekt, Plusquamperfekt) в активном и пассивном залоге. Думается, что на этот уровень также можно отнести придаточные предложения времени и места.

Drei Wochen nach dem Erscheinen von WordPress 3.3 wurde soeben WordPress 3.3.1 veröffentlicht [3] (вр. д.).

В этом примере употребляется глагол в форме страдательного залога прошедшего времени Präteritum. Употребление формы прошедшего времени Präteritum не указывает на период времени прямо, но даёт понять, что событие имеет место в прошлом.

Думается, что к третьему уровню (периферия) можно отнести дейктические выражения, опосредованно указывающие на места и моменты, совпадающие с дейктическим центром, т. е. через их соотнесение с другими местами и отрезками времени: чтобы понять выражение *im letzten Jahr* (в прошлом году) правильно, мы должны знать, в каком году это было сказано; *gestern* (вчера) — нужно знать, какое число *сегодня*, *im Nachbarhaus* (в соседнем доме), *im Nebenzimmer* (в соседней комнате). Мы относим такие выражения к периферии, потому что они играют наименьшую роль в реализации общей семантической функции указания на время и место.

Christa Zöchling, die Haider gut gekannt hatte, fuhr mit mir deswegen in die Kärntner Landeshauptstadt, und wir mieteten uns in einem Hotel unweit der Bar ein [2] (np. д.).

В данном примере говорится об «отеле недалеко от бара». Если мы не знаем, о каком баре идёт речь и где он находится, нам будет сложно понять, какой отель имеется в виду.

Отметим, что в каждом проанализированном примере содержатся разнообразные элементы уровней ФСП пространственного и временного дейксиса, взаимодействуя друг с другом. Рассмотрим это на нескольких примерах, в которых отчётливо прослеживается их взаимодействие:

Christa Zöchling, die Haider gut gekannt hatte (вр. д.), *fuhr* (вр. д.) *mit mir deswegen in die Kärntner Landeshauptstadt* (np. д.), *und wir mieteten uns* (вр. д.) *in einem Hotel unweit der Bar* (np. д.) *ein*.

В этом примере содержатся дейктические элементы разных уровней. *In die Kärntner Landeshauptstadt* (в столицу Каринтии) — прямое указание на место, т. е. дейктический элемент ядерного уровня. Далее временные отношения очень хорошо показаны с помощью двух прошедших времен — Plusquamperfekt (предпрошедшее) — *gekant hatte* и Präteritum (простое прошедшее) — *fuhr, mieteten uns*, которые сразу указывают на последовательность событий, но они не указывают прямо на временной промежуток, поэтому мы относим их к приядерному уровню. Далее следует дейктическое выражение *in einem Hotel unweit der Bar* (в отеле недалеко от бара), в котором мы видим не прямое, а опосредованное указание на расположение отеля около бара, поэтому мы считаем, что это выражение относится к периферии ФСП временного и пространственного дейксиса.

Manchmal (вр. д.) *fühle* (вр. д.) *ich mich in China* (np. д.) *wie im Film «Lost in Translation»*.

В этом примере обнаружены три дейктических выражения. *Manchmal* (иногда) — дейктическое выражение наречного типа, прямо указывающее на частоту действия, поэтому мы относим его к ядру. Далее идёт прямое указание на место — *in China*, это выражение также является типичным для ядерного уровня. К приядерному уровню отнесём глагол *föhle* (чувствую), этот глагол стоит в форме настоящего времени, так что он позволяет понять, когда именно совершается действие. Дейктических выражений периферийного уровня этот пример не содержит.

Итак, дейктические выражения различных уровней ФСП существуют не изолированно друг от друга, они могут быть зафиксированы в одном предложении.

Думается, что в ФСП временного и пространственного дейксиса можно выделить не только ядро и периферию как вертикальный уровень, но и горизонтальный уровень — лексические и грамматические средства актуализации дейксиса. К лексическим средствам актуализации дейксиса мы отнесём наречия, существительные и номинативные группы, к грамматическим — различные временные формы глагола, а также придаточные предложения времени и места, которые могут выступать как комплексный временной или пространственный дейксис.

Библиографический список

Источники

1. URL: <http://blog.magazin-deutschland.de/2012/02/bernd-klein-technischer-leiter/>, свободный (Дата обращения: 20.03.2012 г.).
2. URL: <http://blogs.taz.de/lottmann/2012/01/01/henry-nannen-preis-2012/>, свободный (Дата обращения: 20.03.2012 г.).
3. URL: <http://blog.wpde.org/2012/01/03/wordpress-3-3-1-veroeffentlicht.html>, свободный (Дата обращения: 20.03.2012 г.).

Литература

4. Абубакарова Б.М. Функционально-семантическое поле итеративности как объект исследования языковых универсалий / Б.М. Абубакарова // URL: <http://philarts.spbu.ru/structure/sub-faculties/engl-filolog/anglistika-articles/funktionalno-semantiche-sko-je-pole>, свободный (Дата обращения: 20.03.2012 г.).
5. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.
6. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А.В. Бондарко. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 352 с.
7. Всеволодова М.В. Функционально-семантические поля и функционально-семантические категории (К вопросу о структуре содержательного пространства языка) / М.В. Всеволодова. – URL: <http://vsevolodova.ru/content/view/24/31/1/1/>, свободный (Дата обращения: 20.03.2012 г.).
8. Гулыга Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.

9. *Кибрик А.А.* Дейксис / А.А. Кибрик. – URL: http://encyclopaedia.bigra.ru/enc/liberal_arts/DEKSIS.html, свободный (Дата обращения: 20.03.2012 г.).
10. *Павлов В.М.* Полевые структуры в строе языка / В.М. Павлов. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1996. – 116 с.
11. *Шендельс Е.И.* Избранные труды: к 90-летию со дня рождения / Е.И. Шендельс; сост. Л.А. Ноздрина. – М.: МГЛУ, 2006. – 352 с.

Словари и справочные издания

12. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 712 с.

References

Istochniki

1. URL: <http://blog.magazin-deutschland.de/2012/02/bernd-klein-technischer-leiter/svobodny'j> (Data obrashheniya: 20.03.2012 g.).
2. URL: <http://blogs.taz.de/lottmann/2012/01/01/henry-nannen-preis-2012/>, svobodny'j (Data obrashheniya: 20.03.2012 g.).
3. URL: <http://blog.wpde.org/2012/01/03/wordpress-3-3-1-veroeffentlicht.html>, svobodny'j (Data obrashheniya: 20.03.2012 g.).

Literatura

4. *Abubakarova B.M.* Funkcional'no-semanticheskoe pole iterativnosti kak ob'ekt issledovaniya yazy'kovy'x universalij / B.M. Abubakarova. — URL: <http://philarts.spbu.ru/structure/sub-faculties/engl-filolog/anglistika-articles/funktionalno-semanticheskoe-pole>, svobodny'j (Data obrashheniya: 20.03.2012 g.).
5. *Bondarko A.V.* Principy' funkcional'noj grammatiki i voprosy' aspektologii / A.V. Bondarko. – М.: E'ditorial URSS, 2001. – 208 s.
6. *Bondarko A.V.* Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis / A.V. Bondarko. – М.: E'ditorial URSS, 2003. – 352 s.
7. *Vsevolodova M.V.* Funkcional'no-semanticheskie polya i funkcional'no-semanticheskie kategorii (K voprosu o strukture soderzhatel'nogo prostranstva yazy'ka) / M.V. Vsevolodova. – URL: <http://vsevolodova.ru/content/view/24/31/1/1/>, svobodny'j (Data obrashheniya: 20.03.2012 g.).
8. *Guly'ga E.V.* Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemeckom yazy'ke / E.V. Guly'ga, E.I. Shendel's. – М.: Prosveshhenie, 1969. – 184 s.
9. *Kibrik A.A.* Dejksis / A.A. Kibrik. – URL: http://encyclopaedia.bigra.ru/enc/liberal_arts/DEKSIS.html, svobodny'j (Data obrashheniya: 20.03.2012 g.).
10. *Pavlov V.M.* Polevy'e struktury' v stroe yazy'ka / V.M. Pavlov. – СПб.: Izd-vo SPbUE'F, 1996. – 116 s.
11. *Shendel's E.I.* Izbranny'e trudy': k 90-letiyu so dnya rozhdeniya / E.I. Shendel's; sost. L.A. Nozdrina. – MGLU, 2006. – 352 s.

Slovary i spravochny'e izdaniya

12. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 712 с.

Е.А. Рыбакова

О некоторых приёмах создания игры слов на уровне морфологии (на материале языка современной немецкой молодёжи)

В статье рассматриваются некоторые способы создания игры слов на уровне морфологии в языке современной немецкой молодёжи. На морфологическом и словообразовательном уровнях игра с формой слова проявляется наиболее ярко.

The article explores some devices of the word-play creation on the morphological level. The play with the word form is mostly colourful on the morphological and word-formation levels.

Ключевые слова: языковая игра; язык молодёжи; морфологический уровень; намеренные нарушения формы слова.

Keywords: word-play; youth language; morphological level; intentional violation of the word-form.

Явление игры всегда было предметом внимания психологов, культурологов, философов, лингвистов и других учёных в самых различных областях.

Одно из проявлений общего стремления человека к игре — языковая игра. Она предлагает различные возможности для достижения шуточного эффекта. Никто и ничто не может заставить человека принять участие в игре со словами, если она не приносит ему удовольствие. Подчеркнём, что языковая игра — это всегда некоторая неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим / пишущим [3: с. 23]. За этой оценкой довольно отчётливо прослеживается представление адресата высказывания о норме, об общих принципах устройства языка и об отступлении от этих принципов, о «странностях» языка. Языковая игра, с одной стороны, активизирует скрытые возможности языковой системы, с другой, — раскрывает творческие способности «человека играющего» (*homo ludens*).

Игровое использование тех или иных языковых единиц ярко проявляется в языке молодёжи. Язык для молодых людей во многом является средством развлечения, забавы: словесная игра обусловлена интересом к собственному языку, проверкой его возможностей и скрытых ресурсов. Язык — тот игровой материал, который приносит удовлетворение лишь тогда, когда есть возможность уйти от привычного.

Для языковой игры используются ресурсы всех языковых уровней. В рамках данной статьи мы остановимся на некоторых приёмах создания игры слов на морфологическом уровне. По нашим наблюдениям, морфология обладает широкими возможностями для создания комического эффекта. Созданию шуточности в речи служат разного рода намеренные нарушения морфологической формы слова — изменение родовой принадлежности слова, неправильное образование формы множественного числа существительных, степеней сравнения прилагательных, форм глаголов и т. д. Игра в этом случае строится на нарушении какого-либо запрета, «опрокидывании» закономерности.

Преобразование морфологической формы слова вызывает к жизни языковую игру. Новизна и необычность формы слова вызывает комический эффект.

1. Для обыгрывания лексических единиц немецкого языка используются морфемы английского языка. Наш материал показывает, что заимствования из английского языка и элементы английского языка пользуются большой популярностью в речи немецких подростков. Так, к немецкому существительному во множественном числе добавляется суффикс *-s*, используемый для образования множественного числа существительных в английском языке. Например:

Petra: *Mach mal n spruch kleine.*

Maria: *Du. Lass meine **kinders** in ruh.*

Petra: *Ich mach doch gar nix.*

Katrin: *Ja. Genau.*

Petra: ((Lacht)). *Lass meine kinder in ruh* [6: S. 210].

Данный диалог происходит между персонажами во время просмотра молодёжного журнала «Bravo».

Ср. также смс-переписку:

Trude: *Geht's die wieder besser?*

Gerda: *Die Antwort ist jaaaaaaaaaaaa.*

Trude: *Na dann krubel doch mal die **Männners** an von wegen Billiard oder so. Bin bald fertig und zu jeder Schandtats bereit* [2: S. 63].

В приведённых примерах к существительным *Kinder* (*дети*) и *Männer* (*мужчины*) во множественном числе добавлен суффикс *-s*, маркирующий множественное число существительных в английском языке. С нашей точки зрения, подобные «добавки» и нагромождения «множественности» придают высказыванию шутливую тональность из-за необычности формы существительного. Кроме того, добавление суффикса множественного числа из английского языка к уже готовой форме множественного числа немецкого существительного показывает в данных диалогах некоторое пренебрежение и высокомерие по отношению к детям (*Kinder*) и мужчинам (*Männer*).

2. Для игры слов используются также лексемы английского языка с аффиксами, характерными для немецкого языка. В таких случаях к английской лексике добавляются морфемы немецкого языка. Например:

*Daher hängt es auch maßgeblich von den HDer **Breakern** und **Breakerinnen** ab, ob der Abend zum richtigen Jam wird* [4: S. 559].

Английский глагол *to break* (ломать) становится существительным *Breaker* (человек, танцующий брейк), получая в немецком языке суффикс *-er*, маркирующий существительные мужского рода в немецком языке. От этой формы путем прибавления суффикса женского рода множественного числа *-innen* образовано *Breakerinnen* (лица женского пола, танцующие брейк). В приведённом примере используется форма множественного числа в дательном падеже.

3. Игра слов создаётся также, если прилагательные, которые в литературном языке не могут образовывать степеней сравнения, в языке молодёжи возводятся в сравнительную степень. Ср.:

*Verpeilte Technokids und die Halbwelt vereint im danebenen Schickitempel der 80-er Jahre, wobei immer **scheißegaler** ist, was gerade läuft* [4: S. 559].

*Der Fotograf, extra nach Berlin gekommen, wurde immer **angepißter*** [4: S. 199].

Наречие *scheißegal* (всё равно) и страдательное причастие *angepißt* (нервный) использованы в данных примерах в сравнительной степени. Добавление суффикса прилагательных сравнительной формы — *er* привело к появлению лексем *scheißegaler* и *angepißter*. Отклонение от норм литературного языка вызывает комический эффект.

4. Шутливая тональность речи создаётся также нарушением форм образования глаголов. Примером обыгрывания форм глагола может послужить следующий диалог:

Mimie: *Allgemein. **Tun** werden so.*

Elisa: ***Titen taten tuten**. Wer hat den da noch nen spruch zu abgelassen.*

Mimie: *Ich wohl möglich noch.*

Elisa: *Beate hat auch **taten** gesagt ((Lachen)).*

Mimie: *Andrea sagt das auch immer. **Titen taten tuten** ((lacht)).*

Elisa: ***Tu** mir doch mal bitte nen taschentuch reichen [1].*

Первый участник диалога вовлекает своего партнёра в игру, намеренно неправильно образуя форму глагола *tun* (делать). Чередование гласных в корне *i-a-u* приводит к появлению форм *titen-taten-tuten* в противовес литературной норме *tun-tat-getan*. Игровой ряд можно было бы продолжить, изменяя чередование гласных и шутливо обыгрывая три формы глагола. Как свидетельствуют наши наблюдения, слишком частое использование глагола *tun* в его различных формах относится к игровому репертуару молодёжи. В языке молодёжи *tun* используется как вспомогательный глагол, не употребляемый в этой функции в нормативном немецком языке, а также как гипербола с целью акцентировать внимание на сказанном. Ср.:

Trude: *Du, liebe Sara, ich heute Wein trinken **tu**. Grün???*

Sara: *Na wenn's denn schmecken **tun tut** — ich nehm nur Wick Day Med heute. Bssss!* [2: S. 60].

Ср. также:

*Schön, dass es dir wieder gut gehen **tut**.*

*Liebe Gerdalein, tun wir diese Woche mal gemeinschaftlich Spargel kochen und Mapfen **tun**? Weil, das **tüte** bestimmt lecker und spaßig sein **tun!*** [5: S. 69].

В приведённых примерах глагол *tun* не несёт никакой семантической нагрузки, но его использование в различных формах придаёт речи некоторую необычность и служит созданию комического эффекта.

5. Нарушение норм согласования глагола — сказуемого и порядка слов в предложении также служит созданию комического эффекта. В этом случае морфологический уровень тесно связан с синтаксическим, поскольку нарушение порядка слов в предложении относится к синтаксическим явлениям. Проиллюстрируем это на некоторых примерах:

а) А.: *Wollen wir noch weggehen?*

В.: *Ich nix wissen.*

С.: *Nix weggehen! Wir bleiben hier!* [4: S. 315].

б) — *Seht ihr euch als «New Generation» im Hardcore???*

— *«New Generation?» Was das sein, neues Tanz??* [4: S. 515].

Стереотипизированная конструкция [PRO+NIX+INF] является моделью для образования фразы *ich nix wissen* (*ich weiß nicht* = я не знаю) и реализуется в речи молодёжи как осознанная языковая игра.

Фразы *ich nix wissen* (я не знаю), *was das sein* (*was ist das?* = что это?) выражают незнание. Лежащие в их основе ассоциации являются, вероятно, стереотипом иностранцев, которые не ориентируются в своём новом окружении. Мы предполагаем, что сказывается влияние так называемого *Kanakensprache* (язык молодых иммигрантов (преимущественно турецкого происхождения), живущих на территории Германии). Они сопровождаются другими стереотипными упрощениями, в частности, нарушением порядка слов. Употребление подобных фраз служит цели пошутить и подтрунить над тем, как говорят иностранцы на неродном им немецком языке.

Кроме того, в примере *Was das sein, neues Tanz??* неправильно образована падежная форма существительного *Tanz*. *Tanz*, существительное мужского рода, в данном примере используется как существительное среднего рода, на что указывает форма прилагательного в именительном падеже: *neues Tanz*.

Очевидно, что намеренное использование аграмматических конструкций является примером «ломаной» немецкой речи, становясь при этом на некоторое время приёмом своеобразной языковой моды в группе. Нарушение грамматических норм в приведённых примерах — «одномоментный» акт (*Ad hoc Bildung*). Молодёжь находится в постоянном поиске новых форм выражения, отличающих её язык от языка других социальных групп. Намеренные грамматические ошибки, стереотипизированные образцы с неправильным порядком слов воспринимаются участниками коммуникации как стилизованный язык детей.

Приведённые выше примеры игры слов на уровне морфологии наглядно свидетельствуют о том, что в молодёжной коммуникации морфологические средства и приёмы создания языковой игры являются достаточно распространёнными. Проанализированные способы преобразования морфологиче-

ской формы слова, намеренные нарушения литературных норм применяются в речи молодёжи как одно из средств непритязательной шутки. Благодаря новизне и необычности формы составляющие языковой игры привлекают к себе внимание и придают высказыванию шутливую тональность.

Библиографический список

Источники

1. Text und Ton 1. Jugendspezifische Sprechweisen. Gespräche 1998–1999 / Hrsg. v. Peter Schlobinski. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – 53 Gespräche.
2. Schmidt G. Löbbe doch. Beziehungskommunikation mit SMS / G. Schmidt, J.K. Androutsopoulos // Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift für verbale Interaktion, Ausgabe 5. – 2004. – S. 50–71. – URL: www.gespraechsforschung-ozs.de, свободный.

Литература

3. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
4. Androutsopoulos J.K. Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen / J.K. Androutsopoulos. – Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1998. – 684 S.
5. Androutsopoulos J. SMS-Kommunikation: Ethnographische Gattungsanalyse am Beispiel einer Kleingruppe / J. Androutsopoulos, G. Schmidt // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. – 2002. – № 36. – S. 49–78.
6. Schlobinski P. Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit / P. Schlobinski, G. Kohl, J. Ludewigt. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. – 241 S.

References

Istochniki

1. Text und Ton 1. Jugendspezifische Sprechweisen Gespräche 1998–1999 / Hrsg. v. Peter Schlobinski. – E'lektron. opt. disk (CD-ROM). – 53 Gespräche.
2. Schmidt G. Löbbe doch. Beziehungskommunikation mit SMS / G. Schmidt, J.K. Androutsopoulos // Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift für verbale Interaktion, Ausgabe 5. – 2004. – S. 50–71 // URL: www.gespraechsforschung-ozs.de, svobodny'j.

Literatura

3. Sannikov V.Z. Russkij yazy'k v zerkale yazy'kovej igry' / V.Z. Sannikov. – М.: Shkola «Yazy'ki russoj kultury'», 1999. – 544 с.
4. Androutsopoulos J.K. Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen / J.K. Androutsopoulos. – Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1998. – 684 S.
5. Androutsopoulos J.K. SMS-Kommunikation: Ethnographische Gattungsanalyse am Beispiel einer Kleingruppe / J.K. Androutsopoulos, G. Schmidt // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. – 2002. – № 36. – S. 49–78.
6. Schlobinski P. Jugendsprache. Fiktion und Wirklichkeit / P. Schlobinski, G. Kohl, J. Ludewigt. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. – 241 S.

Н.В. Романова

**Семантические процессы
в древнегерманской эмотивной лексике
(на примере песен
о богах «Старшей Эдды»)**

В статье рассматривается проблема определения статуса эмотивной лексики как языкового знака, отражающего кванты знания и опыта древних германцев об эмоциях; показана специфика семантических изменений в данной лексике.

The paper presents the problem of emotive vocabulary status as a linguistic code, reflecting the knowledge quanta and experience of the ancient Germans about emotions. The specific features of semantic changes in suchlike lexis are revealed.

Ключевые слова: эмотивная лексика; древние германцы; значение; семантические процессы.

Keywords: emotive lexis; ancient Germans; meaning; semantic processes.

Эмотивная лексика неоднократно становилась объектом изучения многих учёных прошлого столетия и современности (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, Е.М. Галкина-Федорук, Н.В. Гамзюк, Н.А. Красавский, К.А. Левковская, А.М. Манзий и др.). В основном это было исследование семантики междометий (А.М. Искоз, А.Ф. Ленкова, Е.В. Тишина и др.), внутренней формы названий эмоций (В.А. Звегинцев, Ф.А. Селигей и др.), коннотации (В.Н. Телия, В.И. Шаховский и др.) или же характеристика аффективного и экспрессивного (Н.И. Бойко, В.Г. Гак и др.). Однако вне поля зрения учёных остаётся древнегерманская эмотивная лексика и способы её семантических изменений.

Цель настоящей статьи заключается в попытке выявить состав указанной лексики в эддических мифах «Песни о богах» «Старшей Эдды» и основные семантические процессы в ней.

Заметим, что эмотивная лексика с точки зрения психолингвистики — это незначительная часть индивидуального лексикона, используемая носителем языка для выражения и понимания чувств и эмоций (А.А. Залевская).

Мы поддерживаем мнение тех учёных, которые связывают эмотивную лексику с конкретными эмоциями, что позволяет пролить свет на их природу, дополняя данные психологии, физиологии и других наук (Н.А. Багдасарова, А.Б. Василевич и др.).

Под семантическими процессами в данной работе понимается объединение различных видов семантических изменений, а также других процессов, связанных с развитием семантики эмотивного слова (приобретение и утрата им мотивированности, поляризация значений и другие явления) [3: с. 146].

Одна из наиболее известных классификаций видов семантических изменений принадлежит Г. Паулю, который предлагает различать: 1) специализацию (сужение) значения — *Verengung des Umfangs* (осуществляется за счёт ограничения сферы употребления слова, т. е. уменьшения числа контекстов, в которых может употребляться слово); 2) расширение объёма значения — *Erweiterung des Umfangs* (осуществляется с помощью противоположного процесса); 3) перенос значения — *Übertragung der Bedeutung* (осуществляется на основе признаков — цвета, звука, формы, размера, пространственных координат и т. п. (наиболее продуктивными средствами формирования вторичных наименований являются метонимия и метафора); 4) прочие случаи — *Übertreibung, Lithotes, Derbheit, Erweiterung, Euphemismus* [5: с. 100–126]. Если первые три типа этой классификации действительно отражают динамику изменения значений и появление новых осмыслений, то четвертый тип к данной категории не относится вообще, поскольку он затрагивает внеязыковые причины изменения смысла слов. Подобное сближение причин и типов изменения значения ввиду их близкого соприкосновения наблюдается не только у Г. Пауля, но и у многих других языковедов [4: с. 122; 11: р. 45].

Не останавливаясь на преимуществах и недостатках названных классификаций, можно сказать, что основными движущими силами, влияющими на скорость семантических сдвигов древнегерманской эмотивной лексики, являются мифологическое сознание как способ познания и освоения мира и метафорическое мышление как естественная форма отражения познанного и освоенного [8: с. 17; 9: с. 12–19].

Учитывая сюжеты древнейших мифов «Старшей Эдды» [1], а именно «Песни о богах» — всего 10 текстов, можно констатировать в целом дифференциацию значений эмотивной лексики — позитивная, негативная и постепенный переход её смыслового наполнения от сакрального к бытовому. Как известно, по форме эти мифы являются исландским памятником и отображают язык второй половины XII века, а по содержанию «Старшая Эдда» передаёт тот период, когда формировалось «языковое общество большинства европейских народов» [6: с. 181].

Существует мнение о репрезентации прагерманского языка в «Эддах», время распада которого датируют 2 тыс. до н. э. [10: с. 119]. К тому же события, которые касаются богов, происходили и среди людей. «Боги — это те же люди, только в мифологическом мире», — утверждает М.И. Стеблин-Каменский [6: с. 196].

Общее для мифов о богах и существенное для нас есть то, что в них отражен «реальный мир, мир человеческой практики», социальные отношения и производственные одновременно [10: с. 120].

Образцы поведения, которые демонстрируют, с одной стороны, Асы — боги и богини войны и господства, а с другой стороны — Ваны — боги и богини природы и покровители крестьян, в значительной мере определяют «жизненный сценарий», по которому древние германцы строили свою жизнь и отношения с окружающим миром. Предполагают, что Асы и Ваны отражают две социальные прослойки у древних германцев — воинов (и правящую элиту) и крестьян, появление которых относится к периоду существования матриархата [10: с. 126]. К названным классам присоединяются великаны и великанши Утгарда, чудовища и демоны Йотунгейма, воплощающие в себе отличия их образа жизни, мышления и поведения от общепринятых племенных норм. В результате отхода от этих норм их «приверженцы» вступают в конфликт с существующими в обществе традициями и правилами жизни. В таких случаях жизненный опыт начинает пополняться негативными явлениями и включать в себя элементы культуры поведения соседей или племён других земель: *Tefldu í túni, / teitir váru, / var þeim vettergis / vant ór gulli, / unz þrjár kvámu / þursa meyjar / áttkar mjök / ór Jötunheimum* (На лугу, веселясь, / в тавлеи играли, / все у них было / только из золота, — / пока не явились / **три великаниши**, / **могучие девы** / из Ётунхейма) (*Völ. 8*) (Здесь и далее перевод М.И. Стеблина-Каменского. — *Н.Р.*). С возникновением «нового опыта» возникает необходимость его речевой и коммуникативной номинаций, противопоставляемых языковой не только с функциональной точки зрения, но и с количественной и структурной, влияющих на соответствующий номинативный акт [7: с. 46]. Замысел номинатора, осознанный или подсознательный, соответствует объективному отношению его к объекту номинации и ситуации наречения: *Hapt sá hon liggja / undir Hveralundi, / lægjarns líki / Loka áþekkjjan. / Þar sitr Sigyn / þeygi of sínum / ver vel glýjuð. / Vituð ér enn — eða hvat?* (Пленника видела / под Хвералундом, / обликом схожего / с Локи **зловещим**; / там Сигюн сидит, / о муже своём / **горько печалась**, — / довольно ль вам этого?) (*Völ. 35*). В этом примере внешность великана Локи и его характер совмещены в одной лексеме — прилагательном *áþekkjjan*, указывающем не только на признаки потенциального зла, несчастья, но и на отрицательные индивидуально-субъективные черты великана. Бросается в глаза и неадекватное поведение богини-асыни Сигюн — жены Локи. Она не просто оплакивает смерть мужа, как, например, её соплеменница Фригг — смерть Бальдра, а «*ver vel glýjuð*». Именно статус богини и определяет интенсивность её чувств, форму выражения эмоций: чем он ниже, тем сильнее и устойчивее эмоциональное переживание. Господство этой отрицательной эмоции с психологической точки зрения «позволяет по-новому взглянуть на мир, увидеть его иначе» [2: с. 201]. Но различие статусов богинь само по себе вовсе не обя-

зательно порождает напряжённость и конфликтность отношений между ними. Дело заключается не в уничтожении или нейтрализации этих различий, а в соединении различного.

В древнегерманском обществе эмоции объединялись с нравственностью: они имели строго нормативный характер и были нужны не как средства для достижения чего-то, а как конечные цели: *Reið varð þá Freyja / ok fnasaði, / allr ása salr / undir bifðisk, / stökk þat it mikla / men Brisinga: / «Mik veiztu verða / vergjarnasta / ef ek ek með þér / í Jötunheima» (Разгневалась Фрейя, / зафыркала так, / что затряслись / асов палаты, / с неё сорвалось / ожерелье Брисингов: / «Меня бы распутной / назвать пристало, / коль в Ётунхейм я / поеду с тобою!») (Прут. 13).* Из приведённого примера видно, что богиня Фрейя очень бурно реагирует на поездку к великанам в качестве невесты: её гнев напоминает, с одной стороны, землетрясение — «затряслись асов палаты», с другой, — штормовой ветер, который сметает всё на своём пути — «с неё сорвалось ожерелье Брисингов». Фрейя невольно стремится к некоторой упорядоченности своего внутреннего мира, преодолению внутреннего конфликта. Таково условие её нормального семейного бытия.

О глубине деструкции и дисгармонии психического состояния богини свидетельствует эмоциональный синтаксис в форме восклицания. Основное коммуникативное задание данного типа предложения — выражать эмоции. Степень его эмоциональной насыщенности усиливается благодаря использованию личных местоимений *Mik* — «меня», *tu* — «ты», *ek* (2) — «я», *með þér* — «с тобою»; параллельному повтору этих единиц по формуле «аккузатив — номинатив», «номинатив — датив»; концентрации местоимения *ek* (2) в медиальной части высказывания; аллитерации *mikla / men Brisinga: / «Mik veiztu verða / vergjarnasta ... með; ассонанса ef ek ek ... í Jötunheima.* Предполагаем, что причиной гнева богини Фрейи является безнравственность поступка богов Асов, которые пытаются решить проблему целостности бытия в Асгарде путём «обмена» или «жертвоприношения» богини Верхнего яруса окраине Среднего — восточной, негативной части — на молот Мьёлльнир.

Сакральный центр — Фрейя (< ие. *per-/prō-/præ- со значением «быть впереди, первым») — безжалостно и принудительно передвигается на периферию, сопряжённую с нейтрализацией священного, уничтожением личности и её статуса, попиранием уз брака. В свете моральных принципов гнев можно оценить как положительную эмоцию, которая не только помогла сохранить богине Ванов своё достоинство, но и победить свой страх, боязнь наказания за нарушение обычаев Асов.

Древнегерманские словоформы с позитивным значением указывают на эмоциональное состояние богов и богинь (асы, ваны), а также людей (пастухи, воины), конкретные действия, направленные на преобразование субъекта: *betri* (счастье (человеческое)), *fyr* (2) (весёлый (о божестве)), *gaman* (2) (радость (человеческая)), *gláðr* (весёлый (о человеке)), *heill*

(счастливый (о человеке)), *hlæja* (улыбайся (о человеке)), *hugit góðit* (духом весел), *lýsir* (радость (божества)), *mild* (2) (радушный (о человеке), щедрый), *mun* (радость (божества)), *mun* (любовь (божества)), *saell* (счастливый), *saelligt setr* (чертог счастливый (божества)), *Tefldu* — (веселясь (о богах)).

Словоформы с негативным значением, в свою очередь, соотносятся с эмоциональным состоянием великанов и великанш; богов и богинь Асов; богинь Ванов; влюблённых; а также девиантным поведением; внешним видом великанов (Локи) или троллей; действиями чудовищ (Мировой Змей), глупцов или врагов, качеством предметов: *áþekkjap* (зловещий (о внешности Локи)), *blandinn mjök* (мрази вместилище), *eigi* (гнев (богов Асов)), *ekki* (угрюмо), *fróði sé* (разгневан (о боге Асов Фрейре)), *gambarreiði* (неистовый гнев), *glýjuð* (печалюсь (о великанах)), *gret* (бояться), *greti* (гневить), *hami* (мерзостный (о внешности тролля)), *harmar*, *harmr* (горе (для Асов)), *hart* (тягостно), *hræzlu* (страх), *jötunþóði* (гневно поворотился (о Мировом Змее)), *klæki vanntu* (позор), *klökkva sé* (скорбеть), *leiða með tá runn trega* (скорбные слёзы), *leiða sér* (ненавистный), *leiðr* (противный (о еде)), *leit* (грозно), *mikinn móðtrega* (тягостное горе), *miklar* (опечалился (о боге Фрейре)), *af móði* (в гневе (о сыне Одина)), *olli* (зловредный (о великанах)), *óþoli* (тривога), *óþola* (беспокойство), *óþi* (муки), *óttk* (2) (страшно (о Гримнире), страшусь), *óteitr* (невесел), *ragi* (2) (срамной), *reiðr* (5), *reiðir* (разгневать (об Асах), поносить), *rög vættir* (мерзостный), *skot* (страх (о великанах)), *skulið* (язвите), *Þórr vera* (страх (перед богом Тором)), *þykkir* (тягостный), *vá* (2) (разгневанный (о Торе)), (скорбь (Вальгаллы)), *ver vel glýjuð* (горько печалюсь), *vesall* (презренный), *víghönd snúa* (страшные узы), *vörum* (горе).

В исследуемых мифах отчётливо прослеживаются такие эмоции, как радость, гнев, горе, отвращение, страх, стыд, презрение. Изображение негативных эмоций как доминирующих подчинено задаче доказать невозможность радостного гармоничного существования различных миров и их представителей без выполнения традиционного «выкупа»: *Þá gengu regin öll / á rökstóla, / ginnheilög goð, / ok um þat gættusk / hvárt skyldu æsir / afráð gjalda / eða skyldu goðin öll / gildi eiga* (Тогда сели боги / на троны могущества / и совещаться / стали священные: / стерпят ли асы / **обиду без выкупа** / иль боги в отмщенье / **выкуп возьмут**) (Völ. 23). Выкуп становится мерою эмоционального состояния богов Асов и сакральности в целом.

Если исходить из существования параллельных словоформ *gaman* со значением «радость» / «любовь», *gret* — «бояться», *greti* — «гневить», *leiða* — «скорбный»/«ненавистный», *reiðr* (5), *reiðir* — «разгневать»/«поносить», то можно утверждать, что эти лексемы расширили своё значение.

Сравнение семантики *betri* с германским (герм.) **bat-* со значением «хороший»; *fyr* с герм. **furistaz* со значением «передний»; *gláðr* с герм. **gladaz* со значением «блестящий»; *harmar* с герм. **harmaz* со значением «вред, боль»; *heill* с герм. **hailaz* со значением «целый, здоровый»; *hræzlu* с герм. **hrap-* со значением «быстрый» [12: с. 96, 163, 192, 218, 208, 241]; *lýsir* с герм.

**lustu-/ lusti-* «желание»; *mild* с герм. **malan-* «молоть»; *móði* с герм. **mō-* со значением «стремиться, прилагать силы»; *tin* с герм. **tin-* «думать»; *sæll* с герм. **sæll-* «пригодный» [13: с. 49, 59, 70, 71–72, 116] показывает, что их семантика развивалась аналогичным способом, то есть расширилась.

Наряду с семантическим расширением наблюдаются и противоположные семантические процессы. Так, *leiðr* развилось на основе более широкого германского значения «неприятный, плохой» [13: с. 29]. Сужение значения связано, очевидно, с низким качеством пищи.

Перенос значения наблюдается чаще всего в словосочетаниях по метафорической модели, например, перенос из антропосферы в сферу артефактов *sælligt setr* (чертог счастливый); *víghönd snúa* (страшные узы); из биосферы в антропосферу *blandinn mjök* (мрази вместилище).

Подводя итоги, подчеркнём, что древнегерманская эмотивная лексика была наделена сакральной силой и отражала не только нрав отдельных богов и богинь, но и эмоциональный фон всего Верхнего яруса. Она тесно связана с моделью королевской власти и нравственностью крестьян. Обладая такой семантической чертой, как интегральность, эмотивная лексика способствует актуализации эмотивности текста в целом.

Библиографический список

Источники

1. Sæmundar Edda. – URL: <http://norse.ulver.com/edda/index.html>, свободный.

Литература

2. Изард К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард; пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаева. – СПб.: Питер, 2008. – 464 с.
3. Левицкий В.В. Германские языки и древние германцы / В.В. Левицкий. – Черновцы: Рута, 2004. – 208 с.
4. Ольшанский И.Г. Системно-коммуникативное варьирование лексических единиц и полисемия / И.Г. Ольшанский // Сб. научных трудов Моск. гос. ин-та иностр. языков им. М. Тореза. – Вып. 338. – М.: Изд-во МГИИЯ, 1989. – С. 4–12.
5. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль; пер. с нем. под ред. А.А. Холодовича. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 499 с.
6. Стеблин-Каменский М.И. Старшая Эдда. Редакция, вступительная статья и комментарии / М.И. Стеблин-Каменский // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях (пер. А.И. Корсуна). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 181–213.
7. Тропина Н.П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование: монография / Н.П. Тропина. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2003. – 336 с.
8. Хоконов М.А. Мифологическое сознание как способ отражения социокультурного бытия (на примере адыгского нартского языка): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01; защищена 24.12.2009 г. / М.А. Хоконов. – Ростов н/Д., 2009. – 30 с.
9. Белехова Л.И. Словесный образ в американській поезії: лінгвокогнітивний погляд: монографія / Л.И. Белехова. – М.: Звездапад, 2004. – 376 с.

10. *Таранець В.Г.* Трипільський субстрат: Походження давньоєвропейських мов: монографія / В.Г. Таранець. – Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2009. – 276 с.
11. *Darmester A.* La vie de mots dans leurs significations Editions / A. Darmester. – Paris: Camp Libre, 1979. – 186 p.

Справочные и информационные издания

12. *Левицкий В.В.* Этимологический словарь германских языков: В 3-х тт. / В.В. Левицкий. – Т. 1. – Черновцы: Рута, 2000. – 263 с.
13. *Левицкий В.В.* Этимологический словарь германских языков: В 3-х тт. / В.В. Левицкий. – Т. 2. – Черновцы: Рута, 2000. – 260 с.

References

Istochniki

1. Sæmundar Edda. – URL: <http://norse.ulver.com/edda/index.html>, svobodny'j.

Literatura

2. *Izard K.E.* Psixologiya e'mocij / K.E. Izard; per. s angl. V. Misnik, A. Tatly'baeva. – SPb.: Piter, 2008. – 464 s.
3. *Leviczkij V.V.* Germanskije yazy'ki i drevnie germanczy' / V.V. Leviczkiy. – Chernovcy': Ruta, 2004. – 208 s.
4. *Ol'shanskij I.G.* Sistemno-kommunikativnoe var'irovanie leksicheskix edinicz i polisemiya / I.G. Ol'shanskij // Sb. nauchny'x trudov Mosk. gos. in-ta inostr. yazy'kov im. M. Toreza. – Vy'p. 338. – M.: Izd-vo MGIIYA, 1989. – S. 4–12.
5. *Paul'G.* Principy' istorii yazy'ka / G. Paul'; per. s nem. pod red. A.A. Xolodovicha. – M.: Izd-vo inostr. lit-ry', 1960. – 499 s.
6. *Steblyn-Kamenskij M.I.* Starshaya E'dda. Redakciya, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii / M.I. Steblin-Kamenskij // Starshaya Edda. Drevneislandskie pesni o bogax i geroyax (per. A.I. Korsuna). – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – S. 181–213.
7. *Tropina N.P.* Semanticheskaya derivaciya: mul'tiparadigmal'noe issledovanie: monografiya / N.P. Tropina. – Xerson: Vy'd-vo KhDU, 2003. – 336 s.
8. *Xokonov M.A.* Mifologicheskoe soznanie kak sposob otrazheniya sociokul'turnogo by'tiya (na primere ady'gskogo nartskogo yazy'ka): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 24.00.01; zashhishhena 24.12.2009 g. / M.A. Xokonov. – Rostov n/D., 2009. – 30 s.
9. *Byelyexova L.I.* Slovesny'j obraz v amery'kanskij poeziji: lingvokognity'vny'j poglyad: monografiya / L.I. Byelyexova. – M.: Zvezdopad, 2004. – 376 s.
10. *Taranecz' V.G.* Try'pil's'kij substrat: Poxodszennya davn'oyevropejs'kix mov: monografiya / V.G. Taranecz'. – Odessa: ORIDU NADU, 2009. – 276 s.
11. *Darmester A.* La vie de mots dans leur signifikations Editions / A. Darmester. – Paris: Camp Libre, 1979. – 186 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

12. *Leviczkij V.V.* E'timologicheskij slovar' germanskix yazy'kov: V 3-x tt. / V.V. Leviczkiy. – Chernovczy': Ruta, 2000. – T. 1. – 263 s.
13. *Leviczkij V.V.* E'timologicheskij slovar' germanskix yazy'kov: V 3-x tt. / V.V. Leviczkiy. – Chernovczy': Ruta, 2000. – T. 2. – 260 s.

**Рецензия на монографию Л.В. Уховой
«Эффективность рекламного текста»
(Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – 375 с.)**

Реклама давно перестала быть экзотикой для малоискушенного читателя. Дисциплины, изучающие это явление — а помимо собственно рекламистики этим занимаются экономика, семиотика, социология, лингвистика, философия, — накопили достаточно первичных наблюдений. И сейчас можно с полным основанием утверждать, что пришло время фундаментальных работ, не только более полно вскрывающих сущность такого нетривиального дискурса, как рекламный, но и обогащающих соответствующие направления знаний. В частности, изучение языка рекламы способствовало развитию прикладного направления в языкознании — «перлокутивная лингвистика», или «речевое воздействие». Работы, в которых предлагается глубокое изучение различных аспектов рекламного сообщения, востребованы. К сожалению, найти их бывает непросто среди изданий многочисленных университетов России. Впрочем, в области языкознания и коммуникативистики вряд ли можно говорить о «провинциальности» научных школ Воронежа, Волгограда, Ярославля, Саратова и немалого числа иных городов, куда уже давно с интересом обращены взоры коллег, ждущих новых исследований и концепций. Приятно отметить, что рецензируемая монография создана одним из представителей ярославской филологической школы коммуникативистики.

Исследование Л.В. Уховой новаторское по целому ряду аспектов. Во-первых, предлагаются научно обоснованные принципы определения эффективности рекламного сообщения — то, к чему стремятся многие теоретики и практики, но что до сих пор не было достигнуто на достаточно убедительном уровне. Даже если не считать, что данная попытка решает эту проблему окончательно (такое вряд ли возможно в принципе), полученные и изложенные в книге результаты переводят обсуждение на качественно иной уровень.

Во-вторых, работа принадлежит к числу немногих, содержащих разработки алгоритмов анализа поликодового текста, т. е. одновременного изуче-

ния и вербальной, и визуальной составляющей сообщения, причём эти два аспекта берутся с учётом их синергетического взаимодействия. В наши дни, когда визуальные составляющие всё больше теснят вербальные, изучение восприятия реальных текстов массовой коммуникации (в том числе рекламы, СМИ, интернет-сайтов) без обращения к иллюстративной составляющей методологически недостаточно. Отмечалось, что отсутствие соответствующего инструментария не позволяет, к примеру, делать экспертизу текста, так как отдельные моменты (например, оскорбительность для кого-либо) могут быть выявлены только с учётом воздействия и словесной составляющей, и иллюстраций. Конечно, исследования в этой области проводятся: изучаются такие поликодовые тексты, как интернет-реклама, телепередачи, книги с иллюстрациями. Однако тут ещё очень далеко до хорошо разработанной системы понятий и комплекса приёмов. Поэтому рецензируемая монография может сыграть очень важную роль в создании соответствующего научного аппарата.

В-третьих, книга Л.В. Уховой интересна тем, что является междисциплинарной: в ней учитываются данные маркетинга, теории рекламы, применяются приёмы психолингвистики. Реальное исследование речевого общения (в том числе и в письменном виде, как в данном случае) с необходимостью требует обращения к смежным областям знаний. Однако далеко не все работы в данном направлении действительно привлекают сведения смежных наук с сохранением той степени достоверности, которая обеспечивается методиками, выработанными в языкознании.

Наконец, приятно отметить, что это теоретическое исследование может принести очень большую пользу при решении практических задач, поскольку научно обоснованный анализ эффективности рекламного сообщения — очень важный компонент работы над рекламным продуктом.

Во главу угла автор ставит гипотезу, которая заключается в принципиальной возможности оценки эффективности рекламного текста через выявление его интенциональной и перлокутивной силы. Соответственно и цель работы заключается в определении факторов, обеспечивающих эффективность поликодового текста.

Л.В. Ухова рассматривает текст в семиотическом, когнитивном, коммуникативно-прагматическом и аксиологическом аспектах, что требует применения различных методик, а в качестве основного принципа объявляет синергетический подход, заключающийся в определении результатов одновременного и связанного действия нескольких аспектов сообщения.

В первых главах монографии автор даёт описание нескольких подходов к анализу текста, выявляющих его коммерческую (маркетинговую) и коммуникативную эффективность: выявление перлокутивных свойств языка, учёт целевой аудитории (особенно в гендерном аспекте), аргументативный анализ текста, дополнительные выразительные факторы — языковая игра, визуальная презентация.

Заслуживает отдельного внимания четвертая глава монографии, где автор затрагивает малоизученную проблему — эффективность социальной рекламы. Как отмечает Л.В. Ухова, цель такой рекламы не всегда реализуется ментально: здесь важны ориентация на аксиологический подход и внимание к исследованиям, базирующимся на субъективных оценках представителей целевой аудитории. Л.В. Ухова опирается на психологический аппарат и вводит понятие «мотивационно-рефлексивной эффективности», т. е. способности задуматься, определить или изменить своё поведение.

В заключительной, пятой, главе, где сводятся воедино основные алгоритмы и приёмы анализа рекламного сообщения, ведущую роль играют социологические методы. Однако анализу данных статистических исследований предшествуют и психологические, и семиотические изыскания, без чего обращение к статистике теряет содержательность. Автор делает попытки свести воедино реакции испытуемых на рекламный продукт и лингво-семиотический анализ его текста. Принимается во внимание читаемость текста, адресация и ряд других параметров, исследованных ранее.

В целом монография производит впечатление фундаментального труда, в котором в полном объёме отражена проблематика, связанная с понятностью рекламного текста, его способностью привлекать к себе внимание и суггестивностью, т. е. способностью воздействовать на потребителей (зрителей, читателей). Междисциплинарный подход позволил принять во внимание огромное количество факторов и методов, которые остались бы за бортом при узком понимании лингвистического исследования. Думается, что данная работа останется одной из базовых для всех, кто занят — в практических или теоретических целях — изучением эффективности сообщения, по крайней мере в печатной рекламе, особенно если дело касается социальной рекламы.

Вместе с тем, отмечая несомненный успех автора, следует обратить внимание на некоторые места работы, которые вызывают возражения. Вероятно, в некоторых случаях речь идёт о недочётах автора, в других же — о возможностях иного подхода, исповедуемого рецензентом. В любом случае, такие места должны быть замечены, а уж дело автора — соглашаться с этими замечаниями или опровергать их.

Л.В. Ухова достаточно глубоко подходит к определению рекламного курса и учёту базовых лингвистических понятий, связанных с сообщением. Иногда включение в число методологических оснований некоторых подходов кажется избыточным. В частности, в рекламном, особенно поликодовом, сообщении мы сталкиваемся с синергией, т. е. усилением эффекта при взаимодействии нескольких факторов. Поскольку синергетический подход — компонент теории катастроф Р. Тома применительно к динамическим системам, убедительность его использования в синхронном описании языка все ещё остаётся под вопросом. Поэтому введение понятия «синергический эффект» вопросов не вызывает, а вот обращение к методу не представляется бесспорным.

Ещё один недостаток работы является прямым следствием её достоинства. Лишь один раз автор говорит о физиологическом восприятии рекламного сообщения. Это очень важный аспект восприятия, он никак не отмечался в лингвистических работах, где его эффект сводился к рациональному и эмоциональному (или, может, к ассоциациям). При исследовании поликодового текста этот аспект должен быть заявлен и введён.

Ещё два интереснейших понятия, использованных автором без предварительных оговорок в начале исследования, — это «мем» и «демотиватор». Действительно, о них в теоретических трудах говорится немного, и их введение в академическое исследование — одна из заслуг автора. В то же время они прекрасно вписываются в теорию коммуникации, и разговор о дискурсе СМИ, углублённый таким образом, мог бы быть более убедительным и новаторским. Да и понятие «демотиватор» требовало привязки к научному контексту: к понятию мотивационной рекламы, мотиваторов и средств её создания.

Без обращения к гендерному аспекту сейчас, пожалуй, не обходится ни одно рекламоведческое исследование, и для этого есть основания (кстати, хорошо изложенные в данной работе). Однако гендер — это только одна социально-демографическая характеристика, прочие (возрастные, профессиональные, территориальные и т. п.) тоже важны для определения эффективности рекламы и заслуживают хотя бы упоминания.

Общая оценка работы, несомненно, высока. С научной точки зрения, осмелюсь утверждать, это не только результат многолетних исследований, но и закладной камень для нового научного направления. В практическом смысле монография даёт очень важный инструментарий для экспертов рекламы и копирайтеров.

Можно поздравить филологов и рекламистов с появлением столь важной книги, а автору пожелать дальнейших успехов в развитии интересных идей, которыми та изобилует.

Е.Г. Борисова

**Европейский конгресс
«Европа: кризис и возрождение»
(Фитцвилльям Колледж, Кембридж,
Великобритания, 5–8 апреля 2013 г.)**

С 5 по 8 апреля 2013 года в г. Кембридж в Фитцвилльям Колледже Кембриджского Университета (Fitzwilliam College, University of Cambridge) прошёл ежегодный Европейский конгресс (<http://www.euroiccees2013.org/>). Организаторами конгресса традиционно выступили Британская ассоциация славянских и восточноевропейских исследований (*British Association for Slavonic and East European Studies — BASEES*) и Международный совет по исследованиям Центральной и Восточной Европы (*International Council for Central and East European Studies — ICCEES*).

Тематика конгресса «Европа: кризис и возрождение» (*Europe: Crisis and Renewal*) была сформулирована традиционно широко, привлекая участников, принадлежащих к различным научным направлениям. Конгресс собрал свыше 500 участников из более 20 стран мира, что подчёркивает глобальный характер рассматриваемой проблематики. Программа конгресса включала 4 пленарных и 143 секционных заседания. Актуальность и насущность вопросов, связанных с перспективой и возможными путями экономического, политического и культурного развития Восточной Европы, России и стран бывшего Советского Союза, обусловили разнообразие предложенных тем секционных заседаний, посвящённых проблемам социологии, политики, истории, массмедийных исследований, экономики, географии, литературы и лингвистики.

С пленарными докладами выступили приглашённые из ведущих университетов мира профессор и специалист в области славянских и восточноевропейских исследований: профессор Саймон Диксон (Университетский колледж Лондона), профессор Адель Линденмайер (Университет Вилланова, США), британский социолог и политолог, профессор Сабрина Петра Рамет (Норвежский университет естественных и технических наук), британский политолог, профессор Ричард Саква (Кентский университет).

Делегацию ИИЯ МГПУ представляли преподаватели кафедры западноевропейских языков и переводоведения — профессор, доктор филологических наук О.А. Сулейманова, доцент, кандидат филологических наук К.С. Карданова-Бирюкова, доцент, кандидат филологических наук М.А. Фомина. В формате конгресса преподаватели ИИЯ МГПУ получили возможность предложить свою тему и вести самостоятельную лингвистическую секцию, посвящённую особенностям русского и английского языков в переводческой перспективе. В режиме круглого стола были рассмотрены актуальные вопросы теории и практики перевода, методики преподавания перевода, представлены основные результаты исследований грамматических и стилистических аспектов перевода.

Важным результатом участия преподавателей ИИЯ в конгрессе явилось установление научных контактов. Так, выступление доктора социальных наук, старшего научного сотрудника Школы менеджмента Университета Тампере (Финляндия) Сирке Макинен было посвящено образовательной политике России, проблеме экспорта российского образования и концепции «мягкой силы» (*soft power*) как потенциальному направлению внешней политики России. Результаты проведённого исследования позволили по-новому взглянуть на проблемы и приоритетные направления российской образовательной, в том числе и языковой, политики. Участники конференции отметили важность проведения подобных международных конгрессов, позволяющих представить результаты мультидисциплинарных научных исследований, особой целью которых является осуществление плодотворного научно-культурного обмена и создание единого научного пространства.

Следующим масштабным событием, организатором которого выступит Международный совет по исследованиям Центральной и Восточной Европы, станет IX Всемирный конгресс, который состоится в г. Макухари (Япония) в Университете Хосей.

М.А. Фомина

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» 2013, № 2 (12)

Агаджанян Рубен Владимирович — преподаватель английского языка ГБОУ Гимназии № 1592, аспирант кафедры зарубежной филологии ИГН МГПУ.
E-mail: ce3ar2006@yandex.ru

Амири Людмила Петровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов Южного федерального университета.
E-mail: liudmila.amiri@gmail.com

Борисова Елена Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций ИГН МГПУ; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.
E-mail: egbor@mail.ru

Виклова Лариса Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ, замдиректора ИИЯ МГПУ по научной работе и международной деятельности.
E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Гаврилюк Оксана Александровна — кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой латинского и иностранных языков Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого.
E-mail: oksana.gavrilyuk@mail.ru.

Евтеева Мария Юрьевна — соискатель кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.
E-mail: korchagina_masha@yahoo.com.

Карданова-Бирюкова Ксения Суфьяновна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.
E-mail: kardanova81@yandex.ru.

Клюева Екатерина Валентиновна — соискатель кафедры немецкого языка и современных технологий обучения ИИЯ МГПУ.

E-mail: plet-ekaterina@yandex.ru.

Кулагина Ольга Анатольевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лексики и фонетики французского языка факультета иностранных языков Московского педагогического государственного университета.

E-mail: lynxik@yandex.ru.

Морженкова Наталия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: natalia.morzhenkova@gmail.com.

Нерсесова Элина Витальевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: elinai@mail.ru

Петрова Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики»; старший преподаватель кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: eypetrova@hse.ru

Романова Наталья Васильевна — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры немецкой филологии Киевского национального лингвистического университета (Украина).

E-mail: natalroman@mail.ru

Рыбакова Елена Александровна — учитель немецкого языка ГБОУ СОШ № 1249, соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.

E-mail: rybakov68@mail.ru.

Сосунова Галина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Российской таможенной академии.

E-mail: galinaRTA@mail.ru

Сулейманова Ольга Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Топорова Татьяна Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник германского сектора Института языкознания РАН.
E-mail: t1960@list.ru

Фомина Марина Аркадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.
E-mail: marina@sadowl.ru

Шишкова Ирина Алексеевна — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Литературного института имени А.М. Горького.
E-mail: ishishkova@yandex.ru

Ходькова Алла Петровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.
E-mail: Alla-Khodkova@yandex.ru

«MCTTU Vestnik» / Authors, series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2013, № 2 (12)

Agadzhanyan Ruben Vladimirovich — English teacher in SBEI Gymnasia № 1592, postgraduate of Foreign Philology department, MCTTU.

E-mail: ce3ar2006@yandex.ru

Amiri Ljudmila Petrovna — PhD (Philology), docent, senior associate professor of the English language for Humanities Department, Southern Federal University.

E-mail: liudmila.amiri@gmail.com

Borisova Elena Georgievna — Doctor of Philology, full professor, professor of Mass Communication department, Institute of Humanities; professor of Theoretical and Applied Linguistics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: egbor@mail.ru

Vikulova Larissa Georgievna — Doctor of Philology, full professor, Science and International Relations Vice-director of Institute of Foreign Languages, MCTTU; professor of Roman Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Gavrilyuk Oksana Alexandrovna — PhD (Pedagogy), head of Latin and Foreign Languages department, Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V.F. Voino-Yasenetsky.

E-mail: oksana.gavrilyuk@mail.ru.

Yevteeva Maria Yurievna — applicant for the PhD degree of West European Languages and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: korchagina_masha@yahoo.com

Kardanova-Biryukova Ksenya Sufiyanovna — PhD (Philology), docent, associate professor of West European Languages and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: kardanova81@yandex.ru

Klueva Ekaterina Valentinovna — applicant for the PhD degree of German and Modern Teaching Techniques department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: plet-ekaterina@yandex.ru.

Kulagina Olga Anatolievna — PhD (Philology), senior assistant professor of French Lexicology and Phonetics department, Faculty of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University.

E-mail: lynxik@yandex.ru

Morzhenkova Nataliya Victorovna — PhD (Philology), associate professor of West European Languages and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: natalia.morzhenkova@gmail.com

Nersesova Elina Vitalievna PhD (Philology), associate professor of West European Languages and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: elinai@mail.ru

Petrova Elena Yurievna — PhD (Philology), associate professor of Foreign Languages department, Faculty of World Economics and International Relations, National Research University «Higher School of Economics»; senior assistant professor of West European Languages and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: eypetrova@hse.ru

Romanova Nataliya Vasilievna — PhD (Philology), docent, applicant for the degree of Doctor of Philology of German Philology department, Kiev National Linguistic University (Ukraine).

E-mail: natalroman@mail.ru

Rybakova Elena Alexandrovna — German teacher in SBEI SCSCCh № 1249, applicant for the PhD degree of Theoretical and Applied Linguistics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: rybakov68@mail.ru

Sosunova Galina Alexandrovna — PhD (Pedagogy), docent, associate professor of Foreign languages department, Russian Customs Academy.

E-mail: galinaRTA@mail.ru

Sulejmanova Olga Arkadievna — Doctor of Philology, professor, head of West European Languages and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Toporova Tatiana Vladimirovna — Doctor of Philology, leading researcher of the Germanic sector, Institute of Linguistics, RAS.

E-mail: t1960@list.ru

Fomina Marina Arkadievna — PhD (Philology), associate professor of West European Languages and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: marina@sadowl.ru

Shishkova Irina Alexeevna — Doctor of Philology, docent, head of Foreign Languages department, Maxim Gorky Literary Institute.

E-mail: ishishkova@yandex.ru

Khod'kova Alla Petrovna — PhD (Philology), docent, associate professor of French and Lingvodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: Alla-Khodkova@yandex.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объём статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05 – 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [З: с. 147], по образцам, приведённым в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подаётся в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, учёная степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для её доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора Викуловой Ларисе Георгиевне (Москва, Малый Казённый пер., д. 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: WikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»

№ 2 (12), 2013

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

М.В. Чудова

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и вёрстка:

О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 23.10.2013 г. Формат 70 × 108¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объём: 9 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.